

ИЛЛИ · ГЕРОИКО-ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР

УЛЛИ

**ГЕРОИКО-ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ**

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ — 1979

Редколлегия

**Р. С. Ахматова, (ответственный редактор) Ю. А. Айдаев, И. А. Дахкильгов, А. О. Мальсагов,
Р. М. Нашхоев, Х. В. Туркаев.**

**В подготовке издания приняли участие
А. У. Мальсагов, А. А. Саламов, С. Ч. Эльмурзаев.**

Художник А. А. Туладзе.

РОДНИКИ ПОЭЗИИ

Высоко в горах из чистых, нетронутых вершинных снегов, из глубины древнего камня, хранящего память тысячелетий, рождаются родники. В них все ново и чисто: они пробивают себе русло, они преодолевают невиданные преграды. Потом они сливаются вместе и превращаются в реки, сначала бурные, с крутым характером необъезженного коня, потом раздольно-спокойные и могучие. Реки впадают в моря, и от истока до устья мы можем наблюдать кусочек бесконечности.

Народные песни моей родины — это родники ее истории и культуры, родники сегодняшней поэзии, получившей после Октября права гражданства в литературе.

Когда читаешь переведенные советскими поэтами поэтические истории, рассказанные неизвестными певцами, в сердце возникает такое чувство, как будто у тебя на глазах река культуры моих предков вливается в море общечеловеческой культуры.

Любое из лучших созданий мастеров советской литературы моего края — это не стебелек без корней, а колос, питающийся соками многовековой мудрости народа, не имевшего письменности, но имевшего горячее сердце, зрение художника, слух певца и поэта.

Строки чеченского и ингушского эпоса — это повествование не только о героях, высокой любви, подвигах и скитаниях — это поэтическая картина родной земли, ее красоты и плодородия, ее каменной суровости и детской доброты. В этих историях мы находим истоки самобытности художественных образов, сделавших нашу сегодняшнюю поэзию интересной всему миру.

Я уверена, что это издание на русском языке сделает голос моего народа понятным и доступным всем народам нашей Великой Родины. Я уверена, что это не последняя попыт-

ка воплощения эпоса моего народа на языках братских народов.

Взаимное узнавание, обмен культурными ценностями принесли в литературу каждого из народов моей родины новое качественное богатство, помогая сравнить, перенять то, чего исстари не было. И вместе с тем этот культурный обмен одарил нас неожиданностью параллелей, роднящих фольклор народов. И мы удивленно гадаем: откуда у людей, говорящих на разных языках, живущих за тысячи километров друг от друга, в темных глубинах древности могли появиться одинаковые чувства, одинаковые поэтические тропы?!

Объяснить это можно и очень сложно, и совсем просто.

Мои предки, как и предки других певцов — представителей маленьких народов нашей необъятной Родины, отвоевывая у земли клочки плодородных полей, отыскивая тропы к неведомым пастбищам, стремились понять природу. Им приходилось отстаивать от набегов свои поля и пастбища, и тогда пахари и пастухи становились воинами, а природа становилась еще роднее, ибо защищать можно только родное. В этом непрерывном кипении жизни и рождались те параллели, о которых мы говорили выше. Благословение дождю, напоившему хлеб, проклятие дождю, размывшему поля и дороги; благословение солнцу, дающему жизнь всему живому, и проклятие солнцу, иссушившему цветы и колосья. Так мои предки становились стихийными, я бы сказала поэтическими, материалистами.

Они остались безымянными — пахари и пастухи, становившиеся не только воинами, но и поэтами. Но они донесли до нас всю глубину поэтического понимания мира, из которой и сегодня черпаем мы, как чистую воду из родника, подлинное вдохновение.

Я — поэт, я — женщина... Два непримиримых прежде понятия слились в одном лице, как будто один из моих славных предков доверил мне пондар, созданный еще его дедом. Каждой строкой своих стихов я стараюсь оправдать это доверие, но все мои усилия были бы бесплодными, если бы не оставил он мне в наследство, кроме вещественного пондара, легкие, как ветер, и бессмертные, как горы, строки, если бы не оставил он мне в наследство свою судьбу — именно судьбу, так как биография его неизвестна, — умение быть и пахарем, и пастухом, и воином.

Я вглядываюсь в строки песен моей родины, зазвучавшие по-русски, и они не кажутся мне чужими, потому что мы уже привыкли к тому, что русский язык помогает каждому из языков сделаться общедоступным. Я хочу, чтобы образы, рожденные в глубокой

древности, ожили сегодня для каждого из читателей, побудили к раздумьям, помогли понять мой народ, его судьбу.

Сохранить огонь в очаге, за всю жизнь ни словом не обидеть свою мать, честно трудиться — вот очень коротко выраженный кодекс чести моего народа, который наравне с его поэтическим мышлением достался в наследство нам — потомкам.

Я глубоко благодарна сотрудникам Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, любовно составившим эту книгу.

Я глубоко благодарна советским поэтам-переводчикам, воплотившим эту книгу в строки языка Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Но еще больше буду я благодарна тем читателям, которые прочтут и поймут прекрасную и трудную поэтическую историю моих предков.

РАИСА АХМАТОВА,
народная поэтесса
Чечено-Ингушской АССР.

ЭПОС О СУДЬБЕ НАРОДНОЙ

В илли — драматизированных песнях-поэмах отразился процесс становления мировоззрения чеченского и ингушского народов, их исторический оптимизм, вера в силу дружбы, доброты и справедливости, уверенность в грядущей свободе и счастье.

Интерес к фольклору чеченцев и ингушей впервые и с большой любовью проявили такие гении России, как А. Пушкин и М. Лермонтов. В середине XIX века Л. Толстой от своих друзей чеченцев записал русскими буквами две чеченские народные песни. Прочтя два десятилетия спустя после этого опубликованные переводы некоторых чеченских песен в «Сборнике сведений о кавказских горцах», он писал поэту А. Фету: «Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные»¹. А. Фет отозвался замечательным стихотворным посланием на песни, присланные ему Л. Толстым.

Глубокая разработанность идей и образов, новизна поэтических красок, горячее дыхание сложной героической истории народа — все это, естественно, приковывало к чечено-ингушскому фольклору внимание многих ученых.

«В художественном отношении как монументальные эпические произведения, так и мелкие по объему образцы устной поэзии ингушей и чеченцев могут быть поставлены в лучших своих вариантах рядом с самыми выдающимися созданиями творчества народов нашей страны, Запада и Востока», — писал

один из исследователей фольклора чеченцев и ингушей профессор Л. Семенов¹.

Илли исполнялись под аккомпанемент дечиг-пондара (трехструнный инструмент), либо народной разновидности скрипки («члондарг», «лад-хьекха пондар»), позднее — гармонь и балалайки.

В илли бывают от ста до тысячи и более стихов. Широко известны имена таких певцов-импровизаторов, как Абубакар Гехаев из Атагов, Цуга Саламов из Урус-Мартана, Ахмет из Автуров. Позже их сменили Илес из Бердыкеля, Илес из Бачи-Юрта, Магомет из Старо-Юрта и др.

Почти в каждом ауле был свой илланча.

В советское время стали известными поэты-певцы: Алхазур из Дуба-Юрта, Осман Дубаев из Алхазурова, Идрис Цицкиев. Гада и Ахмад Гехаевы из Старых Атагов, Мочуко Шовхалов и др. В наши дни широко популярны имена сказителей и исполнителей Умара Димаева, Баудина Сулейманова, Хасмагомеда Цугаева и др.

В песнях находит отражение душевный мир самого илланчи. Он не бесстрастный повествователь, а активный сопереживатель героя песни. Акт исполнения и восприятия представлял торжественным. Прослушивание илли требовало и от слушателей активного участия. Типичную картину исполнения илли зафиксировал русский этнограф Н. Семенов:

«Чеченец не пел, а только говорил в тон балалайки. Это было вроде нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгим и бы-

¹ Толстой Л. Полное собрание сочинений, т. 62. М., 1953, с. 209.

¹ Семенов Л. Ингушская и чеченская народная словесность. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. I, вып. III. Литературоведение. Грозный, 1959, с. 182—183.

стрым перебором струн. Но певец до того углубился в положение восплаемого героя, что казалось, будто он импровизирует. Что-то вдохновенное слышалось в его голосе, полном тоскливого созерцания абрека. Да, он действительно импровизировал, иначе бы ему не удалось так цельно пропеть всю эту песню...»

Подлинные шедевры поэтического слова во все времена создавались тогда, когда в них правдиво запечатлевались судьбы народа, его радости и горести, мечтания и надежды. Героико-эпические песни илли — живая летопись жизни чеченцев и ингушей.

Формирование из разрозненных племен народностей чеченцев и ингушей ускорилось благодаря заселению ими в XVI—XIX веках плоскостных земель Предкавказья, контролировавшихся ранее инонациональными князьями. Заселение и освоение этих земель происходило в процессе длительной борьбы против феодалов. Одновременно крепились экономические и культурные связи чеченцев и ингушей с соседними народами. В это время возник и развивался жанр героико-эпических песен.

На плоскости образовывались поселения из представителей разных родо-племенных групп. На первый план выдвигались уже не кровно-родственные связи, а социально-экономические факторы, общие идеологические и политические задачи: корчевка лесов, освоение земель и пастбищ, строительство сел, проведение каналов, создание внутриобщинной организации и организации обороны от внешних посягательств княжеских дружин, позже — борьба против царского самодержавия. Начавшийся еще в горах процесс ломки патриархально-родовых отношений и зарождения феодализма получил дальнейшее выражение в плоскостных селениях — соседских общинах. В новых условиях вырабатывался и устанавливался комплекс морально-нравственных и этических представлений, происходило формирование нового быта и уклада народа, без которых существование на равнине было бы невымыслимо.

В этих условиях усилилась социальная и экономическая дифференциация. Поэтому-то илли, выражая идеалы широких народных масс, глубоко демократичны. Особой любви и поэтизации удостоиваются в них представители низов. Принцип распределения общественных благ в илли нацелен именно на экономическую и моральную поддержку обездоленного общественного слоя. Первоначальное отношение, по песням, к народному предводителю — бячке положительное. Первопроходец, основывающий село, выводящий людей

из гор, поэтизируется как настоящая героическая личность: он из гор ведет за собой сирот и бедных, оставляет на деревьях межевые метки, ставит пограничные камни, т. е. распахивает землю, основывает село и пр. Один из таких первопроходцев Лорса («Песнь о Гихо, сыне Гехи...») уже прямо заявляет притеснителю иноплеменному князю: «Ты с Чечней теперь не шути, ныне Чечня тебя не боится!».

Борьба за землю, за освобождение от налагавшейся князьями повинности и защита имущества от хищных набегов их дружин породили замечательные антифеодальные песни. Плоскостные села становились крупными, усиливалась их военная мощь, и постепенно эти села сами становятся грозной силой против феодалов. Наступил период, когда, по словам Ф. Энгельса, «война и организация для войны становятся... нормальными функциями народной жизни»¹.

Обусловленные этими «функциями» жизни набег и их участники, часто погибавшие на чужбине или пригонявшие в село скот, лошадей и справедливо распределявшие их между вдовами и сиротами, становятся объектом восхваления. Добыча («хлонс», «фос»), доставшаяся именно в бою и увезенная от князей, называется теперь «чистой», «белой» («клай»), в отличие от мелкого воровства или ограбления слабого, что никогда не становилось объектом восхваления и всячески осуждалось.

Эти мотивы широко распространены в набеговых песнях, в которых дружина становится объектом восхваления за антифеодальную направленность ее действий.

В илли отражены некоторые конкретные исторические события из прошлого, что обычно присуще историческим песням. В героико-эпических песнях история народа предстает в поэтически обобщенном виде, когда акцент переносится на ведущие исторические тенденции и на общественно значимые идеалы. Поэтому-то илли и дают яркое и обобщенное представление о мировоззрении народа, его дружеских отношениях с представителями иных национальностей, дипломатических и военных контактах.

Те из илли, которые возникли на основе конкретных исторических событий, не являются историческими документами, но они, в отличие от илли обобщенного героико-эпического содержания, теснее соприкасаются с исторической действительностью и в какой-то мере обогащают наше представление о ведущих общественно-исторических тенденциях той поры.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. 1, с. 139—140.

Ориентация на точность изображаемых событий в илли сложилась еще на заре возникновения этого жанра. Так, например, в илли о Сурхо и о князе Мусосте получили фольклорное осмысление герои и события XVI и XVII вв., хотя главного героя, Сурхо, пока еще трудно соотнести с конкретным историческим лицом. Однако известно, что у вайнахского общества чаберлойцев имелся камень с высеченным на нем именем Сурхо, сына Ады¹, а упоминаемый в илли князь Мусост, возможно, имеет исторический прототип. Так, в прошлом на Северном Кавказе имели большую известность кабардинские князья Мисостовы.

Позднейшие исторические события получают свое более точное отражение в илли, а люди, боровшиеся за демократию и свободу, становятся прототипами более реалистических фольклорных героев, что особенно заметно в илли, возникших в период Кавказской войны. Так, например, имеется цикл илли об известном предводителе, возглавлявшем антиколониальное движение в Чечне в первой половине XIX века, Бейбулате Таймиеве. Хотя в обрисовке образа Бейбулата Таймиева использованы традиционные художественные средства, посвященные ему илли в определенной мере передают дух исторического времени, его идейно-политические особенности.

В некоторых исторических документах зафиксированы имена и действия людей, которые славятся в илли как личности мужественные, преисполненные благородства, живущие заботой о своих угнетенных соплеменниках. Так, об Ахмаде Автуринском сообщается: «...Ахмат Автуринский, человек, пользовавшийся уважением всей Большой Чечни»².

Освободительная борьба против самодержавия дала новое идейно-тематическое направление жанру илли. Образ удальца и воителя с князьями трансформируется в образ борца с царской экспансией, соответственно вместо князей врагами уже начинают выступать царские генерал, полковник, «пестрый» офицер, «хвостатый» солдат, «полуцарь». В ранних илли они подобно князьям показываются обычными похитителями сельского табуна или нападающими на село с целью насильственного увода замуж известной красавицы. Аналогично центральный герой вместо княжеских табунов крадет казну, а вместо

«княгинь» уводит в плен дочь царского наместника. Старые мотивы удальства в набеге и боях за невесту начинают теперь служить идее освободительной борьбы, а уже затем появляются новые и более реальные мотивы борьбы героев за свободу.

Героические илли воспевают мужество, храбрость, дружбу, верность слову, нравственную чистоту, скромность, вежливость, уважение к женщине. Илли полны ненависти к угнетателям из какой бы среды они ни происходили. Как точно было отмечено Л. Семеновым, «одним из высоких достоинств, присущих чечено-ингушскому фольклору, является высокий оптимизм. Мотивы мужества, любви к жизни, кипучей многосторонней деятельности, стойкости и доброжелательности, свойственные самому народу, нашли глубокое отражение и в его поэзии»¹.

Песни никогда не оскорбляют национальных чувств соседних народов. Так, врагами песенных героев являются кабардинские, грузинские, кумыкские, калмыцкие и тарковские князья; к ним приравниваются и царские генералы, тем не менее страны, в которых они живут, уважительно именуются Мать—Россия, Мать—Кабарда, Мать—Грузия, Мать—Тарки, Мать—Дагестан.

Нужно отметить еще одну важную особенность героических илли. Почти в каждой из них наряду с чеченскими и ингушскими героями действуют кумыки, калмыки, аварцы, русские, кабардинцы, грузины, осетины и др.

В илли слабо представлены религиозные мотивы, герои песен оптимистичны.

Народные воззрения на богатство, родовитость четко предстают в илли. Ни в одной из них мерилom ценности героя не становится его экономическое могущество или принадлежность к сильному роду. При возникновении в песне антагонизма между героем, кичащимся своим богатством и родовитостью, и бедным, обездоленным юношей народные симпатии всегда на стороне последнего, в чем виден социальный смысл илли.

Героизм и нравственная целостность героя не предстают существующими сами по себе, в идее песен они ценятся высоко, когда предстают общественно необходимыми, а именно: защита от врагов или нападение на них, военная или экономическая помощь нуждающемуся в ней члену общества, противопоставление героям, для которых война — это только промысел для личного обогащения, и т. д.

¹ Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, с. 123.

² Левый фланг кавказской линии в 1848 году. — «Кавказский вестник», т. XI, Тифлис. 1887, с. 317.

¹ Проф. Семенов Л. Ингушская и чеченская народная словесность, с. 182.

Образ центрального героя илли предстает едва ли не самым развитым во всем фольклоре чеченцев и ингушей. Главный герой илли — это или обездоленный юноша, или известный предводитель. Первый, в отличие от второго, всегда положительный. Он сирота, юнец, не имеет братьев, беден. Обычно такой герой безымянен и его просто называют «сын вдовы», «сын старого отца», если же герой поименован, то добавляют «не имеющий брата», что идет вразрез с родовыми представлениями, по которым сила индивида была в его родovitости.

Илли активно спорят с устаревшей родовой моралью, в них на первое место ставится уже личность, интересы которой связаны с общенародными идеалами. Сказители как бы умышленно подчеркивают одиночество обездоленного героя — вдовьего сына или юноши, не имеющего родни.

В илли обездоленный юноша оказывается в затруднительных, часто драматических ситуациях, из которых выходит победителем благодаря своим личным качествам. Это поднимает героя до высот идеализации в той степени, в какой она свойственна жанру илли. Апофеозом героизма предстает конечная гибель героя. В этом видно и углубление реалистической трактовки образа, и пробуждение у слушателей сочувствия к герою, и призыв к презрению смерти, непримиримости к врагам. Впрочем, гибель часто заменяется «почти гибелью»: искусное врачевание или что-то другое спасают смертельно раненного героя.

Образ обездоленного юноши отдаленно напоминает героя волшебных сказок и является наиболее архаичным героем илли. Образ же бячки — предводителя дружины молодцев предстает в двух типах.

К первому типу принадлежит бячка, наделенный природным умом, мужеством и благородством, чувством сострадания к своим соплеменникам, которого терпящие притеснения феодалов общинники ставят во главе себя для организации антифеодальной борьбы. Такого бячку мы видим в «Илли о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живущих у берегов Терека», где Сурхо, вместе с сельчанами делит землю, подаренную князю царем, убивает князя-насильника. Затем Сурхо возвращается к мирному труду обычного земледельца.

Имеется немало илли, в которых бячками становятся самые обездоленные, одинокие, но гордые юноши. «Беззащитность и бедность являются основными характерными чертами социального положения одинокого героя в илли. Именно как беззащитный и обычно

бедный противопоставляется одинокий герой своим односельчанам»¹.

Чувство долга перед народом, ненависть к его эксплуататорам заставляют бячку, типа Сурхо, Балу, считать себя достаточно сильными и способными повести за собой своих соплеменников на борьбу за их независимость.

Сильные, волевые, прозорливые личности, готовые на самопожертвование во имя свободы и чести народа, нужны были особенно в период народной консолидации, борьбы за независимость. Эти герои выражали самые насущные народные идеалы, поэтому их образы и наделены высокими нравственными чертами.

«Солидарность выдающейся личности с коллективом, составляющая в горских песнях об удалцах преимущество ее героического поведения, наглядно демонстрируется в чеченских песнях», — отмечает У. Б. Далгат².

В героико-эпических песнях более позднего периода предстает новый, второй тип бячки. Подвиги этих представителей обусловлены непомерно развитым тщеславием, эгоизмом, они своим богатством стремятся выделиться из демократического слоя села. Такая трактовка героя зафиксировала период, когда феодализирующиеся бячки потеряли свою былую близость к народу, направили свои помыслы на личное обогащение, превратились в насильников, их интересы срослись с интересами иноплеменных феодалов.

В XVI—XVIII веках — время набегов дружин, — когда многие бячки феодализировались, углубляется социальный конфликт между ними и тружениками. Зажившие мирной и богатой жизнью бячки стремились всячески подавить чувства свободолюбия у идущих им на смену новых бячки, выражающих на первых порах интересы обездоленного народа.

Случается, что в илли восхваляются и деяния князей, их «благородное» отношение к бедным. Безусловно, такие песни возникли или в среде феодализирующейся верхушки, или же в угоду ей. Прав был З. Мальсагов,

¹ Вагапов Я. С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. 5, вып. 3. Литературоведение. Грозный, 1968, с. 107.

² Далгат У. Б. Проблема инонационального (кавказского) фольклора в эстетике русского романтизма. — В кн.: История, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, 1973, август. М., «Наука», 1973, с. 391.

выявивший принадлежность некоторых илли «развивающейся феодальной прослойке»¹.

Из безличного «одинокого молодца», «вдовьего сына» исторических илли, еще не четко осознавшего пути национального и социального освобождения от феодальных притеснений, вырос тот образ героя, который хорошо ориентируется в социально-политических особенностях происходящих событий и ведет целенаправленную борьбу. Важно отметить, что в илли нашло отражение социальное расслоение общества и начавшаяся на этой основе классовая борьба.

Нравственные, этические воззрения народа предельно ясно выявляются в его отношении к женщине. Герой илли совершает свой подвиг во имя народных низов, и такие его подвиги предварительно осмысливаются матерью или сестрой, женой или любимой, получают их моральную поддержку.

Своим героическим содержанием, силой духа и патриотизмом от основного героя илли неотрывен образ его матери, который значим и сам по себе, а также и для большего раскрытия центрального образа. Герой всегда высоко чтит мать, он выражает ей свою признательность за то, что она родила его, качала в люльке, кормила грудью, вырастила... Подобно присяге звучит клятва, которую отправляющийся в поход сын дает матери. Показательно, что герой клянется именно матери и этим отрезает себе путь к отступлению. Наградой же герою илли за его героические деяния могут быть любимая и богатство, однако более их — общественное признание и прежде всего радость и гордость матери за своего сына, ставшего героем.

Из отдельных штрихов, разбросанных во многих илли, складывается цельный и многогранный образ матери, образ, на протяжении веков живший в сознании народа. Мать в эпосе предстает источником социального просветления героя, питающим его физические, моральные и нравственные силы и пробуждающим в нем чувство родины.

Если по советам матери герой социально «прозревает», то нравственную поддержку ему оказывает уже жена. В илли и в народных преданиях еще не зафиксирован случай пренебрежительного отношения героя к матери, жене, сестре. Жена, как правило, верный и мужественный помощник героя в его справедливых делах. В трудную для героя

минуту она всегда рядом с ним, чутка к нему и беспредельно преданна.

От образа одинокого юноши неотрывен и образ обездоленной девушки (она дочь вдовы, у нее нет защитников — братьев...). Девушкам, лишенным родовой защиты, было нелегко, и в илли такая героиня стремится, как и одинокий юноша, самоутвердиться — она или сама совершает подвиг или настойчиво побуждает к нему героя.

В период сложения илли патриархальные отношения были развитыми, тем не менее образ отца получил значительно меньшее развитие, чем образ матери, а образы братьев героя почти отсутствуют. Создается впечатление, что сказители хотят придать герою большую самостоятельность и не делить его славу с другими героями. Образ же матери эту славу возвеличивает.

Описаниям верного друга героя — коня, воинского снаряжения героя в песнях уделяется немало внимания, пожалуй, больше, чем описанию боя, который во многом рисуется стереотипно и менее всего прочего соответствует реальности. Основной вид оружия — кремневые ружья (мажар-топ) и пистолеты (мокхаза буьллу тапча); из холодного оружия — различные сабли из особой стали (цлокъ болата тур, терсмейла тур, мисара тур).

Большое место, уделяемое в песнях холодному и кремневому вооружению, довольно частое упоминание стрел и кольчуг позволяют возводить историю расцвета жанра на период смены (и взаимного существования) холодного и огнестрельного оружия. Именно к этому периоду относится и возведение позднейших чечено-ингушских башен.

Простые, развернутые и метафорические сравнения пользуются особой любовью у певцов. Многочисленность врагов сравнивается со множеством листьев и травы; рать вражеская покрывает землю словно снегом; мать от старости и горя согнулась как лук; предводитель дружины подобен козлу — вожаку овечьего стада... В развернутых сравнениях, имеющих печать метафоричности, даются уже картины, параллельные описываемому: герой отходит от дел подобно отаре овец, прячущейся от непогоды; идет бой — ливнем льет свинец; враги наседают так стремительно, как в мельничный желоб устремляется вода; словно черные грачи, окружившие ток, и словно камыш, окруживший озеро, героев окружают враги...

Большую функцию исполняют концовки песен. Они назидательны, в них имеются собственные фольклору пожелания и проклятия, концовки также призывны, изредка юмори-

¹ Мальсагов З. К. Чеченский народный стих. — Известия Ингушского НИИ краеведения, т. 4, вып. 2. Орджоникидзе, 1934, с. 58.

стичны (они чаще служат для снятия гнетущего впечатления). Почти все концовки несут большую смысловую нагрузку, выражают самую суть песни.

Героико-эпические песни показывают, как исторически совершенствовался чечено-ингушский фольклор, как в нем появляются новые общественно значимые идеалы и образы.

Лейтмотивом эпоса илли является гимн человеческому разуму, предотвращающему вражду между людьми, приносящему им равновесие и свободу: стремление чеченского и ингушского народов жить в мире и дружбе с другими народами.

В период больших исторических сдвигов в жизни народа героические песни звучат с новой силой. Так было в годы Октябрьской революции и гражданской войны, когда революционер Асланбек Шерипов издал первый небольшой сборник илли и справедливо считал их способными будить революционный дух народа.

В первые годы Советской власти сказители создали песни о героях-революционерах, боровшихся за свободу и счастье народа («Песня о Ленине», «Песня об Орджоникид-

зе», «Песня о Серго», «Партизанская песня» и другие). В годы Великой Отечественной войны в песнях, созданных на основе поэтических клише традиционных илли, народ выражает свое пожелание послать в армию больше сыновей для быстрого разгрома врага, дает наказ идущим в армию сыновьям не быть трусами, достойно защищать Отчизну, славит героев, павших за Родину («Песня о Ханпаше Нурадилове»).

Илли не имеют уже активного бытования в устной среде. Но их продолжают записывать, к ним привлечены интерес читателей и пристальное внимание исследователей. Героико-эпические песни оказали большое влияние на развитие письменной чечено-ингушской поэзии. Илли все чаще появляются в литературных и фольклорных сборниках, в хрестоматиях. По мотивам этих песен создан и поставлен в театре музыкальный спектакль «Песни вайнахов», отмеченный Государственной премией РСФСР. Продолжаются поиски и записи героико-эпических песен.

Илли — наследие прошлого, но и сегодня они волнуют читателя глубиной мысли и поэтическим совершенством.

**И. ДАХКИЛЬГОВ,
Х. ТУРКАЕВ.**

**ПЕСНИ
СОВЕТСКИХ
ЛЕТ**

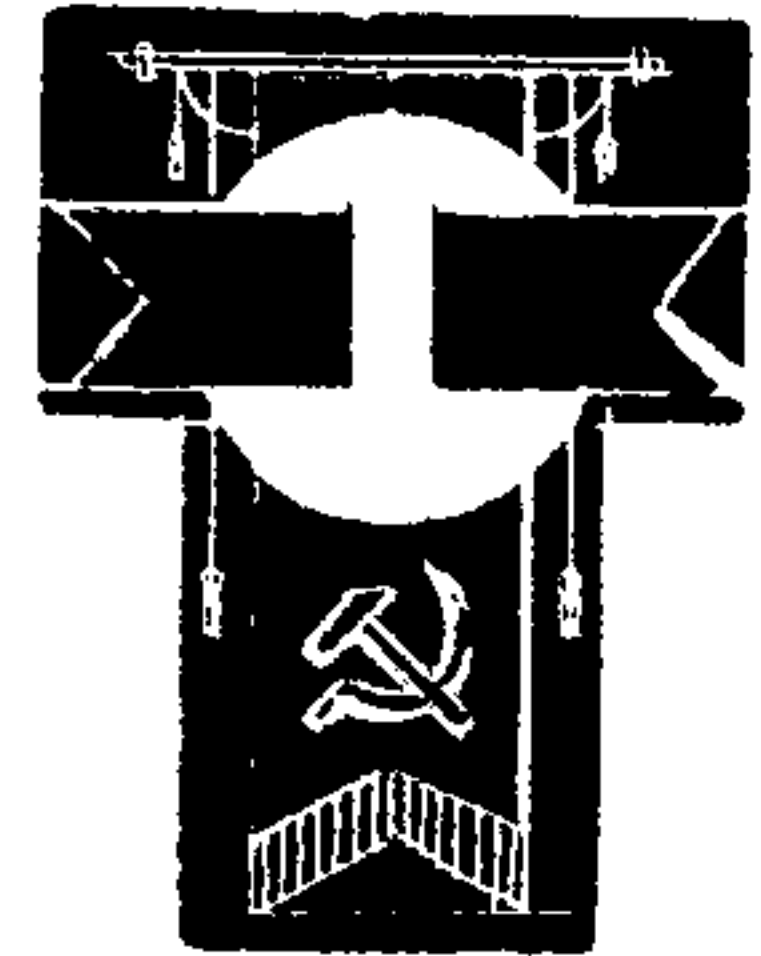
ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

1

Просо от засухи не колосится,
Градом побитая гибнет пшеница,
Ярмо заставляет быка наклониться.
Засухой,
Градом,
Ярмом
Был царь.

Богатым и сытым давал он свободу,
Работать на них приказал он народу,
В тюрьму превратил он любимую родину.
Неравенство,
Гнет
И тюрьму
Дал царь.

Жажду свою нашей кровью питая,
Тьмой раньше срока глаза ослепляя,
Жить и надеяться нам не давая,
Смерть,
Слепоту,
Нищету
Нес царь.

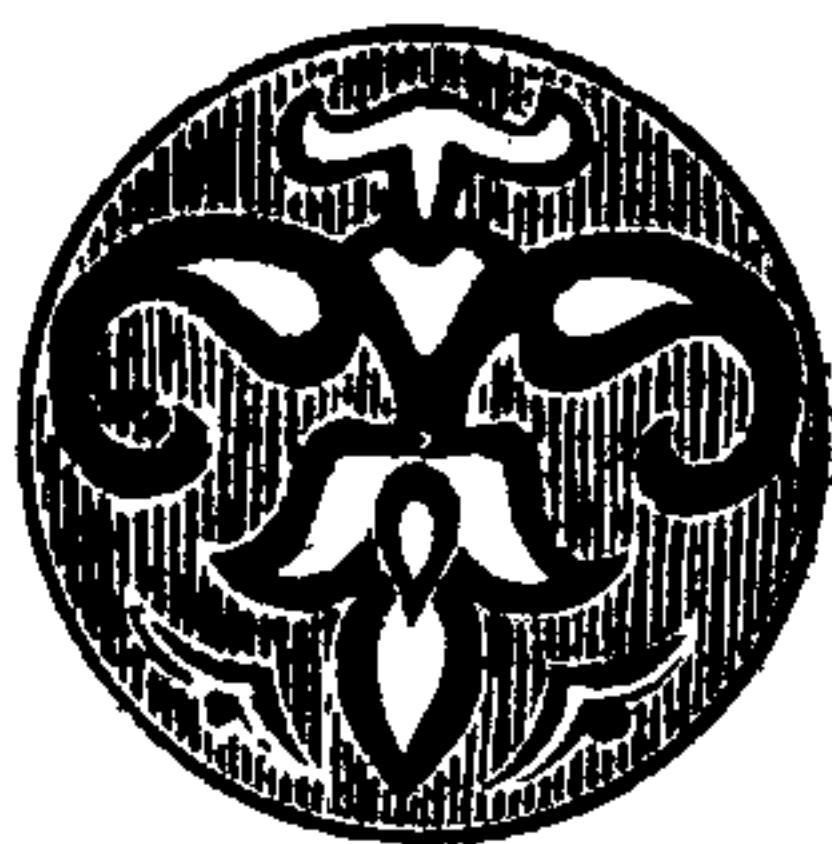

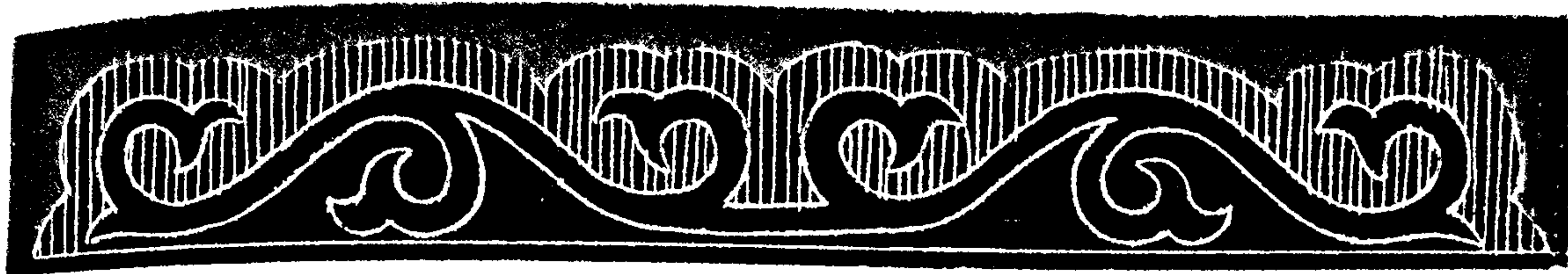
2

Боль наших душ в свою душу вместивший,
Солнцем высоким людей осветивший,
Право на жизнь беднякам подаривший,
Встал могучий Ленин.

Как храбрый охотник, идущий по следу,
Правде великой добыл он победу,
И, сбросив царя, нам о счастье поведал,
Наш великий Ленин.

После зимы он, как ветер весенний,
Миру дающий тепло и цветенье,
Людям несущий освобожденье, —
Наш сияющий Ленин.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Как трава, росли мы,
Нас взрастили горы...
Жаль, что родились мы
В тягостную пору.
Будто за решеткой
Наша жизнь была,
Жили под крылами
Царского орла!

Как туман, что вьется,
Что ползет по взгорьям,
Так нас издалека
Царь опутал горем.
Не дарил он горцев
Милостью своей,
Даже не считал он
Горцев за людей.

У богатой знати
Царь искал опоры,
Он дарил ей земли,
И леса, и горы.
Стражник и чиновник
Не сидели зря,
Чтоб урвать побольше —
Славили царя.

Пиром жизнь была их,
Сладко пили, ели,
Пьяные от счастья
Богачи жирели.

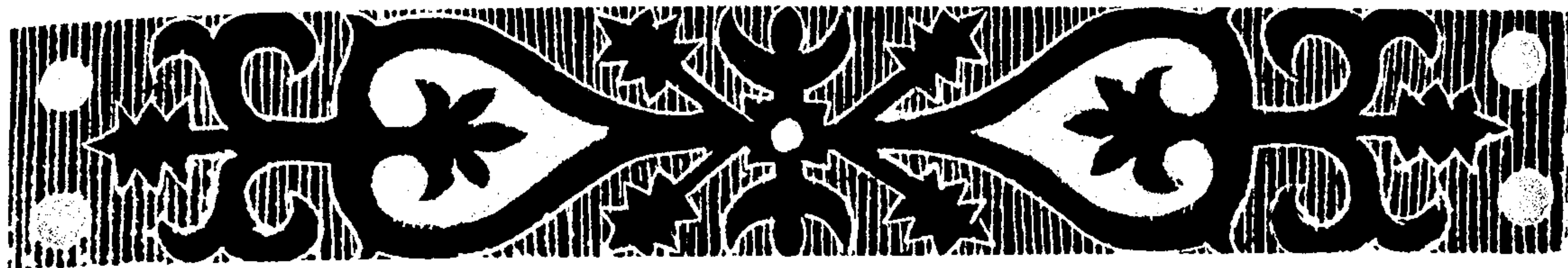
И на них трудилось
Множество людей...
Не было от века
Времени лютей.
Как над миром сумрак
Черной ночи вьется,
Так и царь свет солнца
Застил инородцам.

— Как заря приходит
В хаты мирных сел,
Так великий Ленин
В этот мир пришел.
Как вздымает утро
Солнце над горами,
Так и поднял Ленин
Алый стяг над нами.
И как разгоняет
Вихрь в полях туман,
Так рассеял Ленин
Ложь, грабеж, обман.

Новое настало
Молодое время,
С бедняков он скинул
Тягостное бремя.
И от нас бежала
Вечная нужда,
Ленин не оставил
От нее следа.

Начертал законы
Он своей рукою,
Бедных землепашцев
Наделил землею,
Встал к станку рабочий,
Как хозяин встал...
Право, волю, долю
Ленин горцам дал.

ПЕСНЯ ОБ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Среди суровых скал
ты с нами был.
И с нами хлеб и мужество делил,
Орджоникидзе.

Среди суровых, неприступных скал
ты, как орел могучий, пролетал,
Орджоникидзе.

Врагов бесчисленных
ты разметал как сор.
Ты был как ветер, налетевший с гор,
Орджоникидзе.

Как льва тебя
враги в бою встречали
и зайцами трусливыми бежали.

Твой гордый дух
страшней винтовок был.
И остужал врагов горячий пыл.

Как бури яростной,
тебя враги боялись —
И прочь дырявой тучей уносились.

В горах, где голод
вечным гостем был,
Октябрьское знамя водрузил.

**Джигитов славных
под ружье собрал
и на врагов обрушился как шквал.**

**В ущелья, царство нищеты и слез,
Ты Ленина высокий свет донес.**

**Когда рассвет по скалам пробегал
и страшен был коней в огне оскал,
и запах пороха над скалами витал,
ты в самой гуще был всегда врагов.**

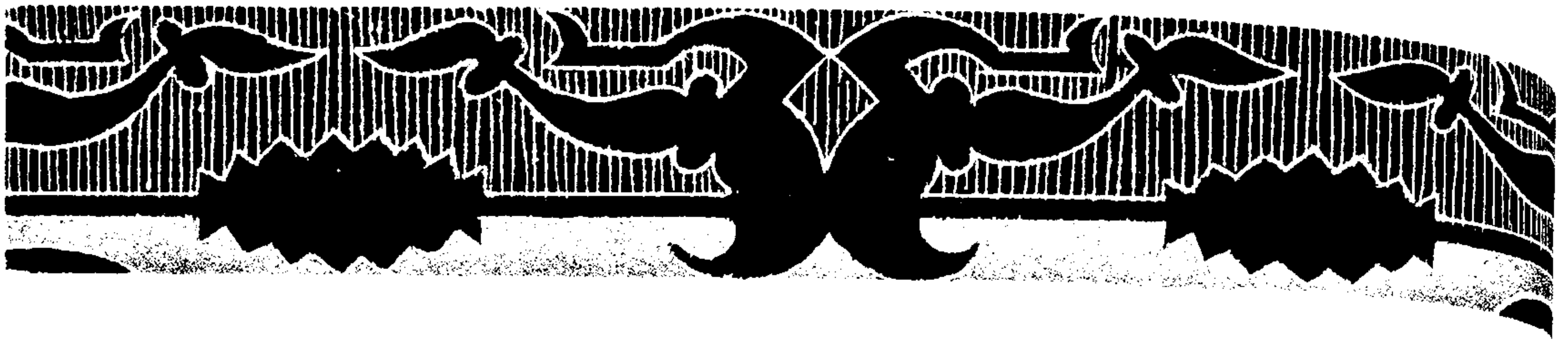
**Тебе сказала партия: «Иди!
Чеченцев, ингушей освободи!»
И стали мы в большевиков ряды.
Сквозь пули, паутиною траншей
ты вёл вперед чеченцев, ингушей.**

**Джигиты, как наш край помолодел —
ущелья горные.
Счастливой жизни радостный удел —
ущелья горные.**

**Пока вершины в облаках парят
от века гордые,
об Эржкинезе память сохранят
ущелья горные.**

ПЕСНЯ О СЕРГО

Где лист не дрогнет на чинарах,
горцы шли.
У крепостей, как скалы, старых,
горцы шли.
С знаменами, от крови алыми,
горцы шли.
С винтовками в руках усталых
горцы шли.

Увидали в далях рассветных,
где шумит река,
у могильников тысячетных
стаи врага.
И сошлись они с грудью грудь
у могил тогда.

Над могилами предков, как камни,
стояли горцы.
И мозолистыми руками
стреляли горцы.

Не дрогнули под напором вражьем
ингуши.
Дрались с Эржкинезом отважным
ингуши.
С ним шли добывать свободу
ингуши.
Добыли свет для народа
ингуши.

**И в одном из боев попала
пуля в старого храбреца.
Видно, было смертей ей мало,
этой маленькой капле свинца.**

**Наклонился над старым джигитом
Серго Эржкинез:**

**— Лучше я бы лежал убитый, —
сказал Эржкинез.**

**Был он смелым из смелых,
Серго Эржкинез.**

**Был вождем он у бедных,
Серго Эржкинез.**

**Посмотрите на ласточки
быстрый полет.**

Вот она опустилась уже и поет.

**Задержись здесь прохожий,
минуту постой**

**над могилою братской
под красной звездой.**

Далеко над полями песня слышна.

**Эта песня о счастье,
родная страна.**

**Эта песня о тех,
кто Октябрь защитил.**

**О Серго эта песня
у братских могил.**

СЛОВО ОБ АСЛАНБЕКЕ

Когда призвал
наш лучший друг Ильич
сынов земли развеять мглу ночную,
богатыри услышали тот клич.
Народы наши в бой повел Ильич,
чтобы развеять стужу вековую.

Тот зов услышал
славный Асланбек.
Тьму ненавидел
славный Асланбек.
Повел джигитов
славный Асланбек,
чтобы развеять стужу вековую.

Был тьмой и стужей вековою царь.
Казалось, будет так всегда, как встарь.
Но сброшен был народным гневом царь,
построивший тьмы стену вековую.

И тотчас генералы, богатеи —
к заморским толстосумам на поклон:
— Давайте большевизм скорей развеем.
Зажмем большевиков со всех сторон!

И пришли генералы заморских держав,
победить задумали горцев.
Но винтовку руками горячими сжав,
Эржкинез оказался у горцев.

Он с джигитами ринулся в праведный бой.
Англичане бежали от горцев.
Ингуши и чеченцы стояли стеной.
И водил их в походы герой молодой —
Асланбек был героем у горцев!

Когда белая свора
прорвалась к горам,
голос правды возвысил Шерипов.
— Станут наши ущелья могилой врагам, —
словно клятву сказал Шерипов.
Правду Ленина
силой любой не сломить, —
так сказал Асланбек Шерипов.
Словно солнце, врагам её не заслонить, —
так сказал Асланбек Шерипов.

Ты врагов не страшился в открытом бою,
молодой Асланбек, я помню!
Как любил эту землю,
свой гордый народ
молодой Асланбек, я помню!
Как погиб ты в печальный и яростный год,
Молодой Асланбек, я помню.

Против тьмы вековой ты пошел, Асланбек.
И все пули врага — по тебе!
Счастье каждый сегодня нашел, Асланбек.
Счастье — в каждой горца судьбе!

Светлый день над моею Отчиной горит.
Как прекрасен в ней человек!
Твое имя так много ему говорит.
Ты живешь в горах, Асланбек!

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

В тот день, когда сера горит
Синим огнем,
В тот день, когда стелется дым,
Черный, как ночь,
В тот день, когда пули летят
Свинцовым дождем, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

В тот день, когда пороха взрыв
Ресницы палит,
В тот день, когда насмерть стоят
Мужчины в бою,
В тот день, когда в женском кругу
Труссы одни, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

В тот день, когда между высот
Аргуна, где тур не пройдет,
Тачанки летят,
В тот день, когда роты солдат
На склонах Казбека на льду
Ставят шатры,
В тот день, когда в смертном бою
Старейшего слово звучит
И враг отступил, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

**В тот день, когда деверей вдруг
Невестки стыдливые их
На помощь зовут,
В тот день, когда девушек вдруг
Кидают, за локти схватив,
На спины коней, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.**

**В тот день, когда мягкий свинец
Обжигает грудь,
В тот день, когда пороха взрыв
Щеки палит, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.**

**Пусть наши джигиты живут!
Пусть счастье сопутствует им!**

**Ты сердце для боя готовь!
Когда идти надо вперед,
Дым выстрелов опережай, —
К тебе пусть удача придет!**

**Коль сердце
От бегства забьется,
Пусть на бегу
Задохнется!**

**В тот день, когда сера горит
Синим огнем,
В тот день, когда стелется дым,
Черный, как ночь,
В тот день, когда пули летят
Свинцовым дождем, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.**

**ПЕСНИ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
ВРЕМЕНИ**

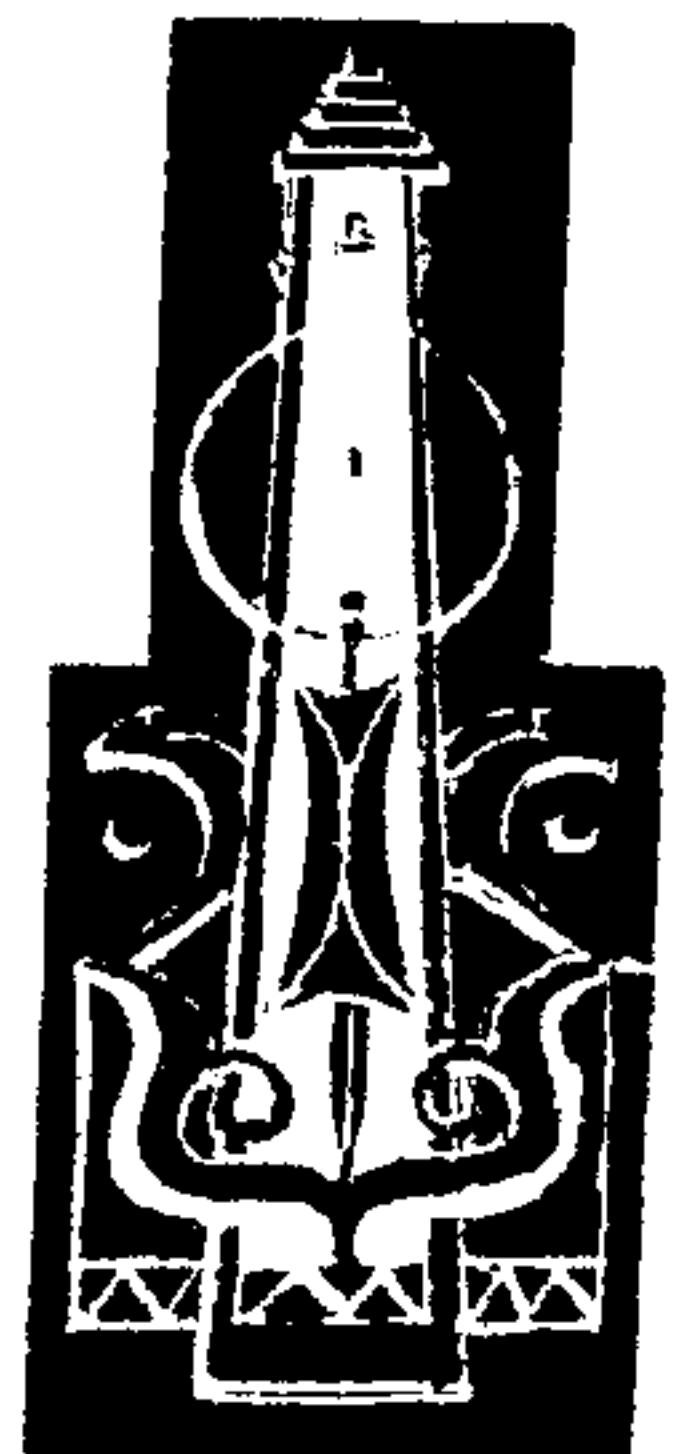

ИЛЛИ О ЧЕГЕ БЕССТРАШНОЕ СЕРДЦЕ И БИБУЛАТЕ, СЫНЕ ТАЙМЫ

Сел он на стул о трех ножках под вечер,
Пондар трехструнный погладил рукою,
Вторили струны серебряной речью
Думам, что Чегу лишили покоя.
А на рассвете, на зорьке янтарной,
Верного парня, аульного парня
Чега Бесстрашное Сердце позвал.
— Друг, собери мне джигитов чеченских,
Воинов гордых, отважных и честных, —
Завтра в поход мы пойдем поутру, —
Чега Бесстрашное Сердце сказал.

— Храбрых джигитов твоих соберу, —
Юноша этот ему отвечал. —
Нет ли иных у тебя приказаний!
— Нету иных приказаний, желаний, —
Чега Бесстрашное Сердце ответил. —
Воинов ты собери на рассвете,
В час, когда солнце еще не вставало,
Ты собери их в ущелье Гулоза¹,
Там, где на кручах высоких, на скалах
Дикие лебеди вьют свои гнезда,
Где по ночам бесконечно, бессонно
Алмасы² плачут, рыдают и стонут.

— Верь мне, о Чега Бесстрашное Сердце, —
Юноша честный промолвил в ответ, —
В это ущелье, где живут чеченцы,
Я приведу, когда вспыхнет рассвет.

День завершился, и ночь промелькнула,
А на заре застучали копыта —
То выезжали верхом из аула
И собирались в ущелье джигиты,
В диком, пустынном ущелье Гулоза,
Где на скале лебединые гнезда,
Где по ночам бесконечно, бессонно
Алмасы плачут, рыдают и стонут.

— Мир тебе, Чега Бесстрашное Сердце! —
К Чеге приблизившись, парень сказал. —
— В этом ущелье собрал я чеченцев,
Храбрых джигитов, как ты приказал.
Чега отвечивал: — Мир вам, джигиты,
Слушайте слово мое, о джигиты!
Там, за горами, за горною цепью,
Тепсарка, князь кровожадный, живет,
Тот, что владеет обширною степью,
Тот, что джигитам вздохнуть не дает,
Тот, что соседей своих притесняет,
Тот, что невест у парней отнимает,

Тот, что вовеки не знает боязни.
Клятву я дал, что у этого князя
Для бедняков я табун уведу.
Если хотите, я вас поведу,
А не хотите — один я пойду.

Как жеребята на травке зеленой,
Смелых сердца заиграли в груди.
Дрогнули камни от грома подков —
Словно взбесившийся лев разъяренный,
Чега отважный скакал впереди,
Следом джигиты, как стая волков³.

Лошади князя паслись за горами,
Там, где степное приволье-раздолье.
Кони резвились, скакали, играли,
Сочную травку щипали на воле.
Чега велел пастуха привести
И приказал пастуху молодому:
— К Тепсарке птицею быстрой лети,
Ветром крылатым стелись по траве,
Князю скажи, пусть выходит из дому —
Лучший табун угоняют чеченцы,
Чега-чеченец у них во главе,
Тот, что зовется Бесстрашное Сердце.

Страхом влекомый, гонимый бедой,
К князю помчался пастух молодой.

— Князь, — он воскликнул, — случилась беда!
С вестью недоброй пришел я сюда,
С вестью печальной, что льда холодней:
Барсам подобных горячих коней
Там угоняют злодеи-чеченцы,
Чега ведет их — Бесстрашное Сердце.

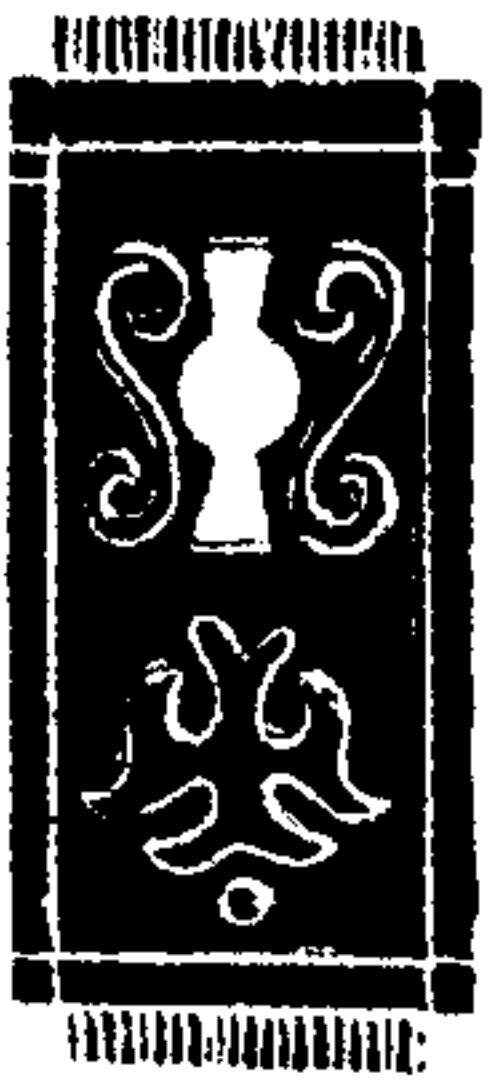
И, закипев, разозлясь, разъярясь,
Молнией из дому выскочил князь.
С войском несметным, бессчетным, огромным
Тепсарка быстро джигитов настиг,
И загремел гроыхающим громом
Крик его грозный, раскатистый рык:
— Чега Бесстрашное Сердце, сдавайся!
Вместе с дружками своими сдавайся!
Сдашься — прощу и домой отпущу!..

Чега Бесстрашное Сердце воскликнул:
— Буду сражаться я с войском великим!
Я ведь не трус, чтобы сдаться без боя,
Тепсарка, буду я драться с тобою!

Князь закричал: — Уходите, джигиты!
Бросьте табун и бегите, джигиты!
Станете драться — я всех перебую,
Всех уложу я в жестоком бою!

Чега ответствовал голосом зычным:
— Кто же без боя бросает добычу?
Только у трусов подобный обычай.
Иль отстоим мы добычу свою,
Или погибнем в неравном бою!

Взвизгнули пули, и сабли блеснули,
Степи в пыли и дыму потонули.
В гущу сраженья чеченцы врывались,
К сердцу сраженья они прорубались,
Сабли звенели, и пули визжали,
Кони храпели, дрожали и ржали,
В воздухе плавали дымные клочья,
Бой продолжался три дня и три ночи.
Бились чеченцы, не ели, не спали,
Бились чеченцы и силы теряли,
Бились чеченцы, от ран умирали.
Гибель живым уж казалась близка:
Тепсарке шли на подмогу войска,
Было их больше, чем в речке песка.

Выкрикнул Чега Бесстрашное Сердце:
— Где вы, джигиты! О, где вы, чеченцы!!
Черные тучи нависли над нами,
Нас пожирает разящее пламя.
Кто же расскажет о нашем бесстрашье?
Кто же расскажет о гибели нашей!..

Быстрый наездник к нему подскакал
И произнес: — Ты к чеченцам зывал —
Видишь, чеченец-джигит пред тобою!
Выполню я порученье любое.

Мчись к Бибулату, отважный наездник, —
Вымолвил Чега Бесстрашное Сердце, —
Вестник печали, несчастья вестник!
Пусть он узнает, Таймы Бибулат,
Что за горами, за горною цепью,
Там, где простерлись ногайские степи,
Гордых чеченцев отважный отряд
В битве неравной, жестокой, кровавой
Княжеским войском размолот, раздавлен,
Как жерновами пшеничные зерна.
Пусть, удрученный известием черным,
Он поскорей собирается в путь,
Чтоб на погибших чеченцев взглянуть.

Всадник помчался быстрее, чем ветер,
И на омытом прохладой рассвете,
В час, когда солнце луну затмевает
И над землею зарю разликает,
Вихрем ворвался в аул Бибулат.
В бурке косматой, в папахе мохнатой,
Солнце встречая, луну провожая,
В сердце земли устремляя свой взгляд,
Встал на пороге Таймы Бибулат.

Конь заплясал, закусив удила.
Хлопьями пена на землю текла.
— Мир тебе, славный Таймы Бибулат! —
Всадник сказал, не слезая с седла.
— Мир и тебе, о наездник удалый! —
Всаднику так отвечал Бибулат. —
Взмылен твой конь, да и сам ты усталый.
Счастье иль горе тебя подгоняло!

Всадник ответил: — За горною цепью,
Там, где простерлись ногайские степи,
Бьется три дня и три ночи подряд
Чеги Бесстрашное Сердце отряд.

Тепсарки войско — несметная сила, —
Словно крутящийся мельничный жернов,
Что раздробляет пшеничные зерна,
Нас раздробило, истерло, разбило.
Все мы умрем, не вернемся обратно.
Кто же расскажет о подвиге ратном!
Чега просил, чтобы ты, Бибулат,
К месту сраженья примчался проворно
И поглядел на погибший отряд.

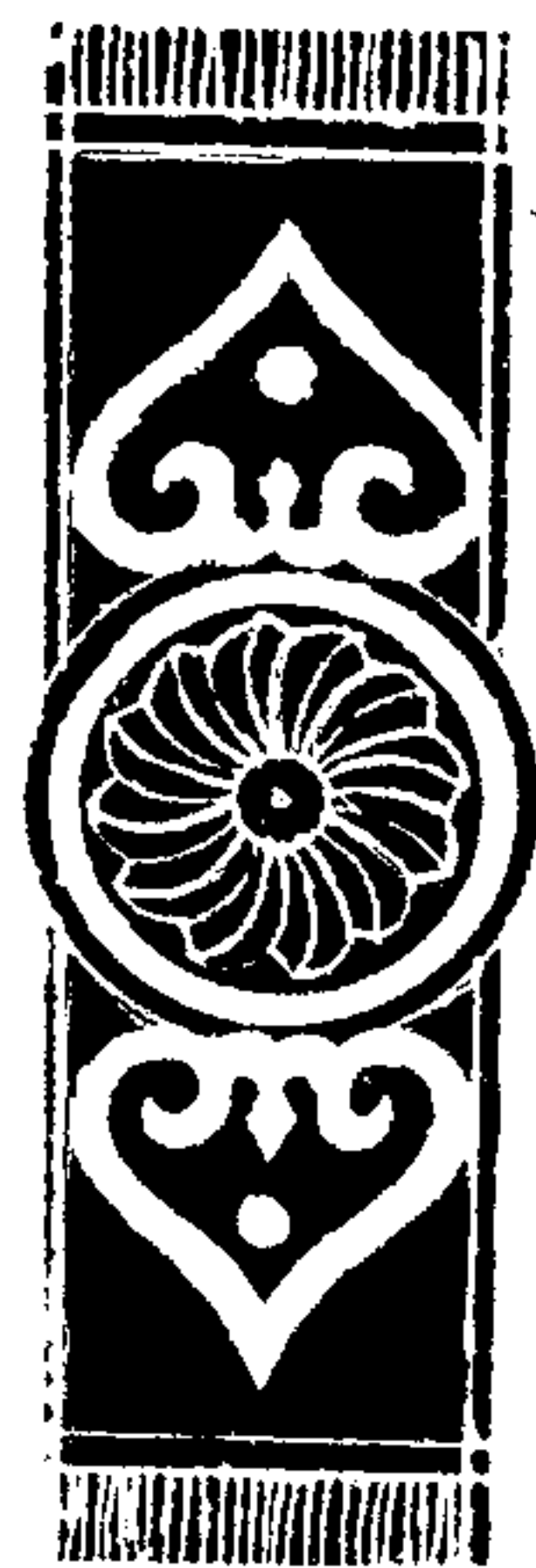
Быстро собрался Таймы Бибулат,
Взял он ружье и разящий булат,
Вывел коня благородных кровей, —
Конь быстроногий был ветра резвей,
Друга надежного конь был верней, —
И на спине укрепил он седло,
То, что чеченцы сплели из ремней.
Бурка взметнулась, как птичье крыло,
Коршуном взвился в седле Бибулат,
В ножнах серебряных звякнул булат,
Пламя под звонким копытом сверкнуло —
Вихрем помчался он прочь от аула,
Яростью волчьей и горем объят.

И на скаку говорил он с конем:
— Добрый мой конь благородных кровей!
Львиную гриву по ветру развей,
Соколом-птицей, мой конь, обернись,
В небо взметнись, над горами несись
В степи ногайцев, где солнце восходит,
Где табуны легконогие бродят!

Соколом-птицей скакун полетел,
Гривой небесные тучи задел,
Горные кручи, как барс, одолел,
Вмиг до ногайских степей доскакал,
Вмиг Бибулата к чеченцам домчал.

— Чега Бесстрашное Сердце, я здесь! —
Чегу увидев, сказал Бибулат. —
Только заслышав печальную весть,
Сразу собрался, примчался проворно
Верный товарищ твой, сокол твой черный!

— Славный мой друг, мой Таймы Бибулат, —
Чега ответил, — тускнеет мой взгляд,
Кровь продолжает на землю струиться,
Ты подоспел, чтоб со мною проститься.

О Бибулат! Все чеченцы-джигиты
В этом кровавом сраженьи убиты.
Ты возвращайся домой, Бибулат,
И расскажи, что чеченский отряд
Гибель обрел в этой битве горячей:
Нам — неудача, а князю — удача.
С войском не сладить тебе одному,
Внемли совету, о друг, моему:
Ты возвращайся в аул, Бибулат,
Людям о нас расскажи, Бибулат!

— Не отсылай меня, Чега, назад,
Я не уйду, — отвечал Бибулат,
В горле своем подавляя рыданья. —
Пусть мне заплатит кровавою данью
Тепсарка подлый за гибель чеченцев!
Местью утешу я гневное сердце,
Чега, я клятвой великой клянусь —
Или погибну в сраженьи неравном,
Или со славой обратно вернусь!

Чега студеной воды он принес
И, напоив-накормив, произнес:
— Ждет меня в поле враждебная рать,
Хочется мне погулять, поиграть!
Клич прогремел боевой, громовой,
Словно гремящего грома раскат,
Словно ревущий в горах водопад;
Волком, теснящим отару овечью,
Врезался в гущу врагов Бибулат,
Начал великую, страшную сечу.
Дробь выбивали копыта коня,
Головы сабля рубила, звеня.
Тепсарки люди на землю валились,
Травы от крови горячей дымилась.

К Чега потом Бибулат подскакал,
Друга в живых он уже не застал.
Чега у камня сидел не дыша.
С телом могучим рассталась душа,
Но не расстались с оружием руки —
Саблю в них сжали предсмертные муки.

Спешился быстро Таймы Бибулат,
Друга застывшие очи закрыл
И, соблюдая чеченский обряд,
Мертвого к югу лицом положил.

Горем безмерным и гневом объят,
Вновь на врага полетел Бибулат
И, скакуна осадив, закричал
Громче, чем горный гремучий обвал:
— Слышишь ли, Тепсарка, слышишь ли, князь,
В бой выходи, не таясь, не боясь!
Крови чужой понапрасну не лей,
Если ты князь, то людей пожалей,
Если ты князь, матерей пожалей!

Тепсарка струсил, совсем оробел,
Весь посерел, побледнел, побелел,
Как обесцвеченный инеем лист,
И отвечал ему издалека —
Тихо, чуть слышно, слабей ветерка,
До Бибулата слова донеслись:
— Кто ты? Ответь мне, Таймы Бибулат!
Слышал я, в давние годы когда-то
Отец мой погиб от руки Бибулата...

Тепсарке крикнул Таймы Бибулат,
Крикнул он громче, чем воющий ветер:
— Да, я тот самый Таймы Бибулат!
Тепсарка вновь издалека ответил:
— Что ж, Бибулат, ты стреляй из ружья,
Коль промахнешься, так выстрелю я!
Но Бибулат засмеялся в ответ:
— Тепсарка, князь, да ты струсил, наверно!
Стыдно нам спорить, кто выстрелит первым,
Лучше сойдемся мы в поле открытом,
Как подобает отважным джигитам, —
Острые сабли помогут решить,
Сгинуть кому, а кому еще жить.

Бешеным смерчем, ревущею смертью
Ринулся к Тепсарке воин могучий.
Сабля сверкнула, как молния в тучах,
Тепсарке в черное сердце вошла —
Тепсарка замятво рухнул с седла.
Врезался в самую гущу врагов,
Степь задрожала от стука подков.
Храброго острая сабля рубила,
Труса бегущего пуля разила, —
Смерть рассыпала вокруг семена,
Землю кропила слезами она,
Кровью поила ее допьяна.
Вот она — страшная месть Бибулата,
Вот за убитых чеченцев расплата!

Трупами ратное поле усыпав,
Местью горячее сердце насытив,
В час предзакатный, вечерний, печальный
Мертвых друзей подобрал Бибулат,
В ряд на земле уложил Бибулат
И обратился к ним с речью прощальной:
— Где ты, о Чега Бесстрашное Сердце!..
Где вы, герои, джигиты-чеченцы!..
Были живыми, да мертвыми стали —
В тяжком, неравном бою вас убили...
Радостью нашей, надеждой вы были,
Гордостью были — и горечью стали!..

Тронул коня своего Бибулат,
Но зарыдал, воротился назад —
Нежно ласкаемый тонкой травой,
Чега у камня лежал, как живой.
Друга умершего взял Бибулат
И на коня положил Бибулат,
Ехал, в объятиях друга держал,
Конь не летел, не скакал, не бежал —
С горькою ношей тихонько ступал.

К Чеге во двор, когда гаснул закат,
С вестью недоброй вступил Бибулат.
Передал мертвого друга родным,
Вместе с родными заплакал над ним,
И рассказал об убитых джигитах
И рассказал, где герои лежат.
В час, когда горы обуглил закат,
С сердцем обугленным, сердцем разбитым
К дому поехал Таймы Бибулат.

ИЛЛИ О ТЕМИРКО, СЫНЕ АХИ

Дважды стан перепоясав,
В сдвинутой на лоб папахе
Темирко, сын храбрый Ахи,
Ждал на площади широкой.

На закате золотом
В ездари¹ расшитом пышно,
В поясе таком богатом,
Что и всадника, и лошадь
Серебром украсить можно,
Братьев семерых сестра
Из дому с кувшином вышла,
Взор потупя осторожно.

В башмаках ее сафьянных
Слышен скрип чувяков алых,
Звонкие ее подковки
Стригли синюю траву.
Шла она, играя с ветром,
Светлого светлее солнца
И улыбчивей луны.
И, ее завидев, тотчас
Подошел с приветом к ней
Храбрый Темирко, сын Ахи.

«Ты послушай, будь добра,
Братьев семерых сестра! —
Славный Темирко сказал ей. —

**Знай: не может не стрелять
Пушка, с помощью которой
Защищается селенье.**

**Знай: не в силах я молчать,
Лишь в тебе мое спасенье.
От своих друзей отстал я,
И с родными я расстался,
И без крова я остался,
И в твое село явился.
Мне с родителем своим
Посоветоваться надо —
Нет у меня отца.
С братьями своими надо
Посоветоваться мне —
Нет у братьев у меня.
Жизнь ценнее всех сокровищ
В этом солнечном миру.
Знай, что без тебя умру.
Я прошу: беги со мною,
Стань мне милою женою!»**

**«Как я выйду за тебя!
Честь имеющие парни
Все уехали за Терек.
Коновязью² их коней
Ты слывешь среди людей!»**

**«Да не будешь ты несчастной!
Ты не верь молве напрасной:
Терек разлился бурливый,
И трусливые те парни
За рекою ждут в затишке.
Взявши, как щенят, под мышки,
Через реку их таскал я.
Знать, с того и приустал я,
Видно, сердце утомилось...»**

**«Ну, скажи ты мне на милость,
Как я выйду за тебя!
В габли³ я хожу атласном —
На тебе же, на несчастном,
И суконной нет черкески!»**

**«У меня была черкеска
В ночь, когда за Терек ездил,
Да ее наутро отдал
Я хозяину седому,
У кого я ночевал.
А назад ее не взял.**

У суконной той черкески
Полы длинны для реки»⁴.

«Темирко, а у меня
Есть застежки золотые.
Нет с насечкою оружия.
Ты же беден, у тебя
Нет с насечкою оружия.
Не хочу такого мужа!»

«Из-за Терека я ехал —
С берега во тьме сорвался,
И чеканное оружие
Терек яростный сорвал».

«Ты ступай обратно, или
Семерых я братьев кликну,
Чтоб они тебя побили!»

«Эй, о братьях семерых
Слишком громко не кричи ты:
Пусть они и знамениты,
Не слышал о них нигде я,
Хоть бывал в семи краях».

«За тебя я выйду, парень,
Коль из города Кизляра
Брату моему старшему
Привезешь ты как невесту
Князя Сангара сестру».

Темирко кивнул ей кротко,
Плеткой скакуна хлестнул
И к Кизляру повернул.
Кликнула она вдогонку:
«Темирко, вернись обратно!
Краской нежной и приятной
Твоего лица любуясь,

Я ведь в шутку говорила...
Убегу с тобою, милый!»

Он ответил ей сурово:
«Не бросай на ветер слова!
В путь пустившись, не вернись я...»

В третью треть пути ночного
Он достиг окошка князя.
Постучался кнутовищем,
Выглянула из окошка
Князя Сангара сестра.

«Вот письмо тебе прислали
Кабардинские княгини». —
Так сказал — и, словно ястреб,
Голубицу закогтивший,
Ту девицу подхвативши,
Он помчался вместе с нею.

Мчался, ветер рассекая,
Сзади мрак ночной сгущая.
А вослед неслась погоня,
Топотали гулко кони.
Княжна пленная сказала:
«Удивления достойно,
Что жалею я тебя!
Ты один — князей так много,
Стонет от копыт дорога,
Не уйти нам от погони...»

«Не печалься, — отвечал он, —
Велико кабанье стадо,
Да его в одно мгновенье
Разгоняет волк матерый...
Нас князья нагонят скоро.
Их и я дождусь для битвы».

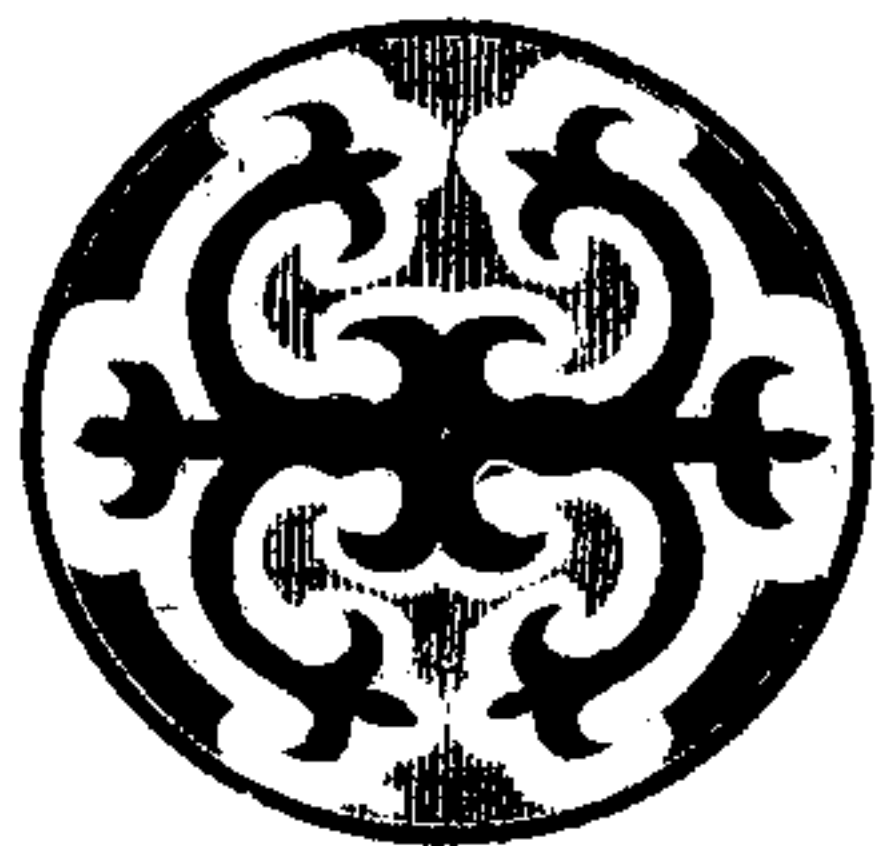
На черкесской бурке черной
Он припасы разложил —
И вступил в сраженье смело.

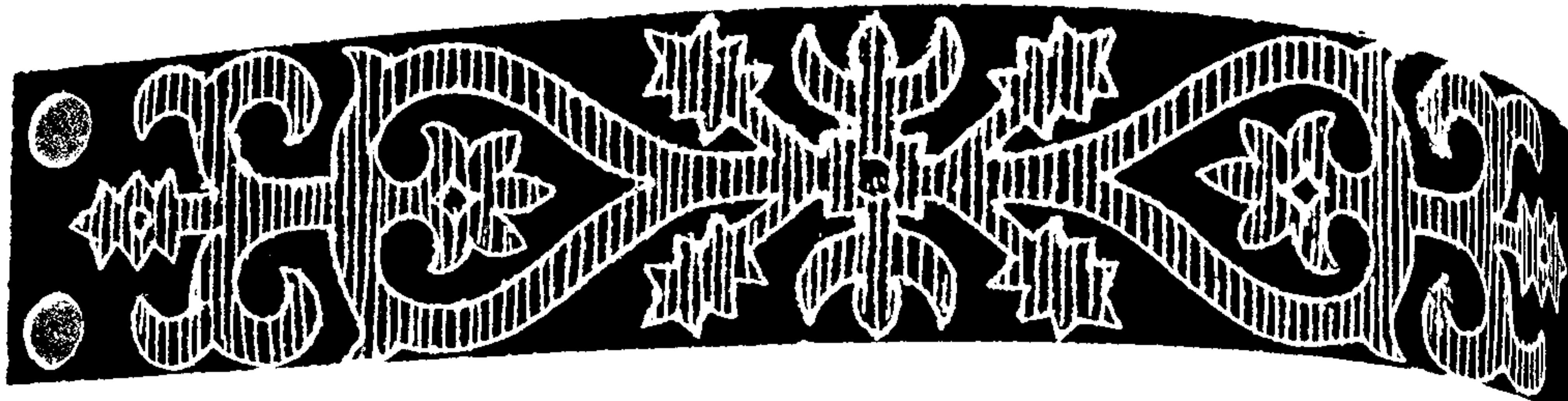
От рассвета до заката
Затянулся этот бой!
Той сестрицы брат меньшей
У ручья остановился:
Слышит он — кипит сраженье
На дороге той кизлярской.
Темирки ружье узнал он,
Побежал он к братьям быстро.
Посоветовались братья
И сестру спросили строго:
«Отвечай, как перед богом:
Темирко тобою послан!
Слово ты ему давала!»

«Темирка я посылала,
Чтоб из города Кизляра
Он привез в наш дом невесту,
Князя Сангара сестру».

Как «бегущую невесту»⁵
Быстро снарядив коней
И оружие, злей медведя,
К поясам своим приладив,
Семеро отважных братьев
В пыл сраженья полетели.
«Ассалам алейкум, парень!
Темирко, держись высоко!
Семь проворных соколят
Поспешают на подмогу!»
«Я не дрогнул бы, ей-богу,
Если бы упала наземь
Твердь небесная внезапно,
Или лопнула б земля.
Но девицу сберегал я,
Защищал сестрицу князя,
Заслонял ее рукою
И сражался лишь вполсилы...»
Молвил — и что мочи было
Ринулся он в пыл сраженья.
Словно волк с отарой черной,
Он разделался проворно
С этой княжескою ратью.
Словно снег, она покрыла
Ту зеленую траву.
С княжескою сестрою милой
К братьям семерым домой
Он примчался поутру.

Трое суток свадьба длилась.
А в разгар четвертой ночи
Темирку сказали братья:
«За добро добром лишь платят.
Славное твоё бесстрашье
Славно мы вознаградим.
С честною сестрою нашей
Честным браком сочтайся!
И сочтем тебя мы, парень,
Зятем нашим дорогим».

ИЛЛИ ОБ АВТАРХЕ, СЫНЕ ДИБЫ

Равнины, в дивные месяцы вешние
Зелено-густою травой зеленевшие,
Уже отцвели. Табун разномастный
Должны были люди пасти с этих пор
На шапке зеленой уступчатых гор.
Когда чеченцы из шапки лохматой
Тянули жребий на черед чабаний,
На быстром коне к тамадам на майдане
Подъехал сын Дибы, удачливый Автарха.

— Ассалам алейкум, — сказал, — тамады мои!
Позвольте и мне приложить труды мои —
Из шапки вытянуть жребий удачи.

И вот что ответил чеченский бяччи,
И вот что сказал Салмирза, сын Испана¹:
— Сын Дибы, да множится сила твоя!
Чечня, наша мать, наша кровная нана,
Таким красивым взрастила тебя,
Что ждут тебя девушки, даже рискуя
Состариться, в дом не войдя ни к кому;
А жены бросают мужей, тоскуя
По телу сладкому твоему.
Ты юношей дразнишь отвагою властной,
Ты в волчи сердца их вселяешь страх,
Твой конь разгоняет табун разномастный —
Пастись не дает лошадям в горах.

Тебя вероломно убить не хотим мы,
Схватиться открыто — ты полчищем кажешься,
Во тьму повергающим край наш родимый, —
Покинь же страну, что тебя невлюбила,
Пускай в ней царят наше право и сила.

И Автарха молвил владыкам майдана:
— Спаси тебя бог, Салмирза, сын Испана!
Беда быть чеченским бячки неугодным:
Что сто́ит один пред согласьем народным!!
За то, что, раскрыв предо мною нежданно
Сердца свои, вы мне раскрыли глаза, —
Спасибо вам всем, и тебе, Салмирза.
Сегодня, когда вы из края родного
Меня изгоняете столь своевластно,
Хотя перед ним я не больше виновен,
Чем рыба в реке, чем скотина безгласная, —
Примите за это смиренный укор
От Автархи, верного вам до сих пор.

Сказал и коня повернул сын Дибы,
И грудь ему горя сдавила глыба,
И груз непомерный раздумья тяжелого
Сгибал его спину, клонил его голову,
Как гнется под снегом куст терновый
И клонят года надмогильник дубовый,
Печально глядящий вниз на могилу², —
На гриву коня своего уныло
Так Автарха, черный от горя, глядел.
А дома с тревогою мать его встретила,
Как видно, неладное в сыне заметила:

— Да минет несчастье тебя, мой родной!
Скажи, отчего твое тело статное,
Женским ласкающим взорам приятное,
Так пообмякло и так ослабело,
А голова твоя, из-за которой
Среди красавиц пошли раздоры,
Поникла в отчаянье, глаза потускнели,
И сердце, в котором отвага играла,
И сердце, которое грудь распирало,
Притихло и еле стучит оробело!
Пускай я умру у тебя³, мой родной,
Скажи, поделись своим горем со мной!

— Да минет несчастье тебя, моя нана!
Зачем красоту ты мне эту дала!
Уж лучше бы ты меня родила
Похожим на дикую обезьяну!
Зачем ты мне статное тело дала,
Рожая меня на рассвете прохладном?
Уж лучше бы ты меня родила
Таким, как рабочая лошадь, нескладным!

Зачем чистокровная кобылица
Для славы коня моего родила!
Уж лучше бы серому клячей родиться!
За то, что он слишком хорош и силен,
От табуна мой скакун отделен.
За то, что богат я красою и силой,
Бяччи меня от села отлучают,
Чеченские бяччи родины милой
Меня за чрезмерную храбрость лишают!
Во главе их стоит Салмирза, сын Испана...

И матушка сыну в слезах отвечает:
— О Автарха мой, да умрет твоя нана!
Ты разве не слышал, как стонет орлица,
Гнездо которой с собой увлекла
Обвалившаяся в черную пропасть скала! —
Вот так же и с родиной трудно проститься!
Ты разве не слышал, как воет волчица,
Когда, оторвавшись от стаи, она
По кручам обрывистым бродит одна!
Вот так же и с родиной трудно проститься!
Проси Салмирзу, пусть рассудит иначе:
Остаться пускай разрешит тебе бяччи
В окованном синими льдами ущелье,
Где носятся тучи и свищут метели,
Где трав никогда не косила коса,
Где пастбищ не сыщет табун разномастный,
Где слышатся только зверей голоса.

И матери сын отвечает злосчастный:
— Да минет недоля тебя, моя нана!
Как можем на скалах мы жить постоянно,
На скалах, что даже и летом в снегу,
Где кони не будут пастись на лугу!
Ведь мы не орлы, у которых есть гнезда.
Не плачь, моя нана, рыдать уже поздно!
Ведь гонит меня Салмирза, сын Испана,
Совсем не за то, что я слаб или беден, —
Ведь я покидаю страну мою, нана,
Затем, что, как видно, бяччам я вреден,
Поскольку краса моя, мужество, сила
Для этих сородичей невыносимы!

И снова заплакала матушка Автархи:
— Не будь ты, мой сын, обездолен судьбой!
Твоя красота и отвага — с тобой,
И конь твой с тобой. Но, странною отринут,
Покамест ты место сумеешь избрать,

Где будешь с любовью и радостью принят, —
Друг друга не можем ли мы потерять?
О горе, ты проклят в родной стороне,
А конь твой не может пастись в табуне,
В котором родился!
Но Автарха молвил:
— Не бойся, судьба разлучиться не даст нам!
Мы же уходим не ради богатства
И не потому, что земли не хватило!

Вдали от покинутой родины милой,
В галмацких песках, где не плещет поток,
Молодец русский живет, одинок.
Он был с малолетства и смелым, и гордым
И вырос царю и властям неугодным:
Он против чиновников, против князей
Пошел ради блага отчизны своей.
Тогда по указу царя-властелина
Лишен был отважный и званья, и чина.
Когда же начальники стали бояться
Носить на плечах своих званий отличья,
Когда и князья уже стали бояться
Богатство свое выставлять и величье,
Велением царским изгнали смутьяна.
Вот с ним-то мы жить и останемся, нана⁴.

И мать приняла пожелание сына.
Сиротам раздал все имущество Автарха,
И с домом прощаясь, измучился Автарха.
Душой сокрушаясь, схватил он со стойки,
Приделанной к стенке в дворовой пристройке,
Свой пандур, и, струны его полнозвучные
Чуткими пальцами перебирая,
Сын Дибы, изгнанник чеченского края,
Печально запел свою песню разлучную:

«Да живет твой хозяин, о ясный мир,
Ты, видимый глазу, прекрасный мир!
Увы, невозможно, не зная страданья,
Прожить в тебе так, чтоб сбывались желанья!
Для пашни густые леса вырубая,
Умерших в чащобах земле предавая,
На месте корчевий ровня делянки,
Поближе к источникам роя землянки,
На реках проточных по ходу теченья
Закладывая города и селенья,
Преодолевая лишенья и беды,
Не знавшие устали прадеды, деды
Чечню основали, отчизну мою!

И если б сбывались людские желанья,
Пришлась бы мне доля ее достоянья,
А я об изгнанье из дома пою...
Да живет твой хозяин, о солнечный мир!
Увы, ты не хочешь согреть мое сердце,
Иначе б я не был покинут и сир...
Я брата нашел бы среди этих чеченцев.
Вовеки, о сакли старинные, стойте,
Построили вас наши предки.
И вы под ветвями тенистыми стойте,
Врагов моих телки-двухлетки.
Вы, пашни, отцом моим в чащах пустынных
Распаханные когда-то,
Лежите, и пусть на межах ваших длинных
Чужие пасутся телята...»

И вышел во двор и коня снарядил
Автарха, сын Дибы.
И мать свою он на коня посадил,
Автарха, сын Дибы.
Любимую более жизни Чечню
В слезах покидая, дал волю коню
Автарха, сын Дибы.
Не встретив в галмацких песках верхового,
Чтоб о дороге его расспросить,
Нигде не найдя жилья никакого,
Чтоб о приюте кого-то просить,
За сутки объездил равнины степные
И в час вечерний
В окно постучался к русскому молодцу
Автарха, сын Дибы:
— Ты выйди на улицу, молодец русский,
Ты гостя прими, если гостеприимен!

И гостю навстречу тот молодец русский
Идет, пистолет вынимая стамбульский:
— Если ты прибыл, дурное тая,
Тебя же да сгубит хитрость твоя!
Если ты прибыл с открытой душой,
Тебя принимаю с любовью большой.

С такими словами тот молодец русский
Старухе на землю помог сойти,

Проголодавшимся в долгом пути
Русскую водку поставил с закуской,
Жирной и сладкой едой накормил,
И дал отдохнуть до восхода солнца,
И ждал, когда гость молодой проснется,

И после этого заговорил:

— Послушай-ка, гость мой желанный! По русским
Обычаям, ты уже друг, а не гость.

Скажи, что за горе с тобою стряслось, —
Тебе я готов, чем сумею, помочь.

А если ты крова искал лишь, так ночь
Уже миновала.

Ответил сын Дибы:

— Послушай-ка, добрый ты молодец русский!

Не потому лишь к тебе я заехал,
Что был темнотою застигнут в пути.

Не с голоду-жажды к тебе я заехал,
Чтобы, наевшись-напившись, уйти.

Приехал к тебе я, когда оказалось,
Что я всех чеченских джигитов храбрее,
Что мой жеребец в табуне всех резвее,
Что женщин я статью своею смущаю,
А девушек светлым лицом обольщаю.

Джигиты меня невзлюбили за это,
А бячки из края родного изгнал.

В тебе же — по слухам — свои же приметы
Узнал я — и в горе собратом признал.

Такое сказал добрый молодец русский:

— Не будь ты, джигит мой чеченский, бездольным!

Ты видишь — вдали в разнотравье раздольном
Пасутся без чабанов табуны?

Кочуют они в галмацких степях,
Не силой галмацкою защищены, —

Один я ватагам внушаю страх,
И мне лишь для счета товарищ не нужен.

В безлюдных местах в тяжелую пору
Двуличье, ничтожество видимо взору.

Положено мною, что буду я дружен
Лишь с тем, кто сильнее, храбрее меня,
Чей конь моего превосходит коня.

— Не будь ты, молодец русский, бездольным!

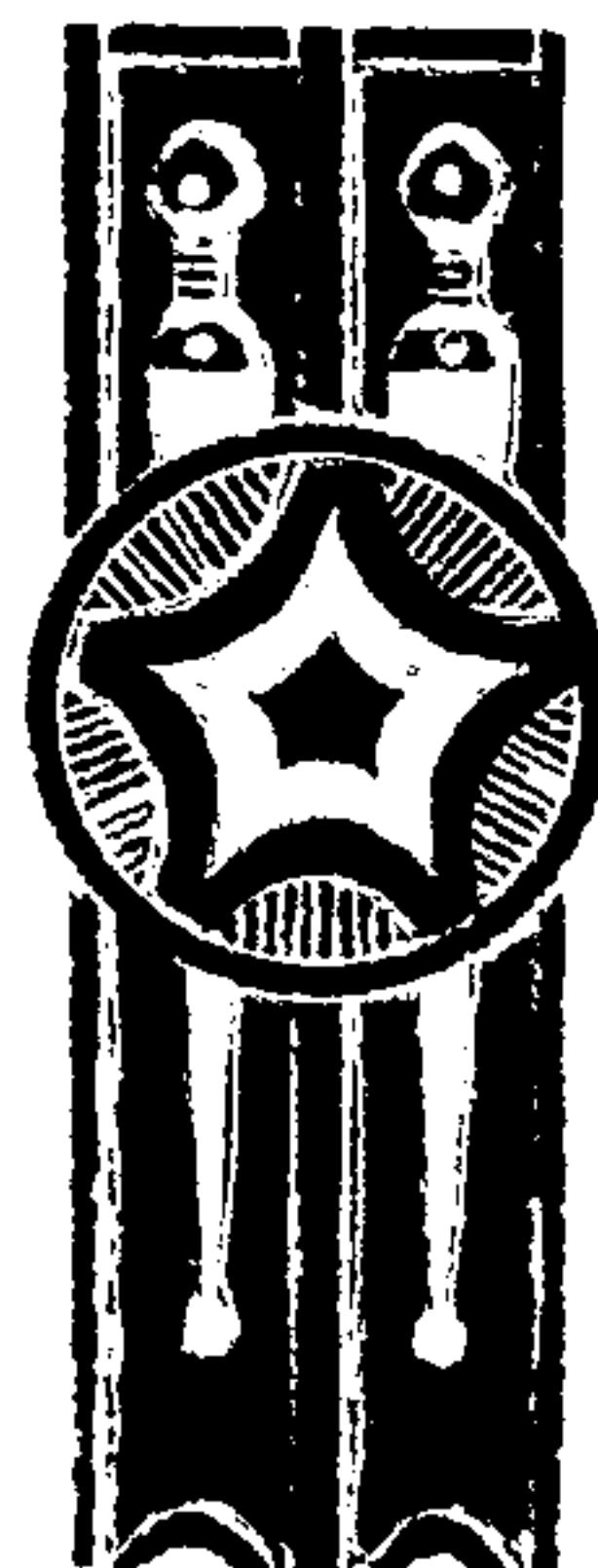
Скажи: где возможно мне испытать
Храбрость свою беспощадную?

Скажи: где коня своего испытать,
Резвость его безоглядную!

И Автархе молодец русский ответил:

— Послушай, красивый чеченский джигит,
Скажу, что тебе совершить предстоит.

Где Терек близ моря бежит иноходцем,
Татарин живет — Гайдарханом зовется.

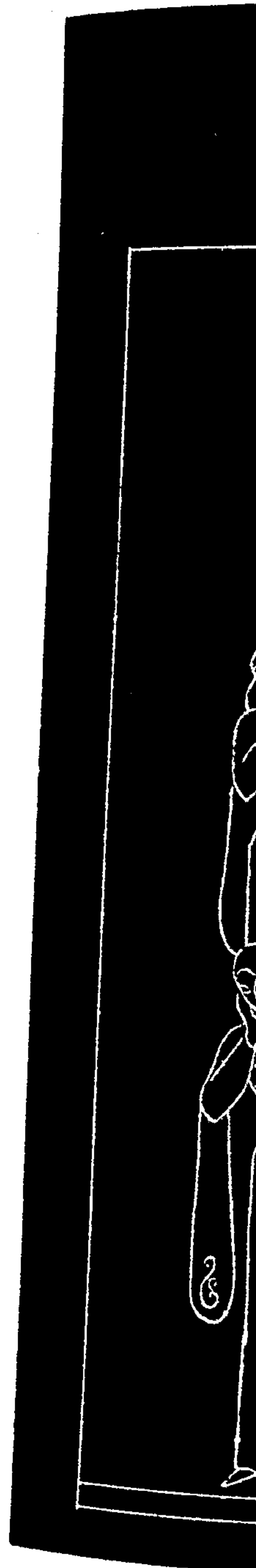

Народ он сухим оседлал седлом⁵,
За что из села он был изгнан судом.
Красавица дочь подросла у него,
Он в дар ее шейхам всеильным не отдал,
За выкуп князьям именитым не продал, —
Ее обещал он джигиту, который
Его победит, в поединке тесня,
Чей конь превосходит его коня.
Пытался и я, но четырнадцать ран
Нанес мне татарин лихой Гайдархан,
И год проболел мой скакун побежденный.
Вот если окажется конь твой быстрее,
А ты Гайдархана сильней и храбрей,
И дочь его Зумку получишь ты в жены,
Тогда возвращайся дорогой степной —
До смерти мы будем друзьями с тобой.

Ответил тут Автарха русскому молодцу:
— Будь счастлив ты, добрый молодец русский!
Пойду я туда не затем, чтоб возвысить
Себя над тобою, и не оттого,
Что конь мой резвее коня твоего, —
Туда мое сердце стремится с тоскою,
Быть может, я в битве его успокою.
Тебя же я только прошу об одном:
Если меня одолеет татарин
И конь мой его будет загнан конем
И если, в смертельное место ударом
Сраженный в пустынном краю Гайдарханом,
Я, крылья раскинув, паду бездыханным, —
За Терек ты гостью свою переправь,
В Чечню мою старую нану доставь.

Сказал и отправился к берегу Автарха.
Пошел по течению Терека Автарха,
Конь рысью бежал, Терек — иноходью.
«Поклялся я, милая Зумка-татарочка:
Не станешь моей — все равно, умирая,
Тебя я не выпущу, крепко сжимая,
Как раненый волк красноглазую ярочку», —
Сказал и помчался быстрее ветра
Сын Дибы, отважный Автарха.

Вдоль Терека мчался наездник с рассвета,
Покамест не стал его конь запыленный
На травы посматривать взглядом голодным.
Пришлось ненадолго прервать свой путь —
Коня накормить, самому отдохнуть.

Сын Дибы уселся на камешек плоский,
И русскую он закурил папироску,
Ее он посасывал сладко и думал,
Поглядывая в дальнорский турмал.
И скачущего размашистым скоком

Увидел он всадника светлым оком.
Тот всадник порою движеньем привычным
Усы расправлял золотым кнутовищем,
Водил по ним тонкою шашкой булатною,
На остроту лезвие проверяя,
Сгибал он в кольцо ту шашку булатную,
Крепость и гибкость ее проверяя.
И Автарха вскинулся, насторожен,
С громобойным стамбульским своим ружьем,
Заряженным пороха меркой двойною,
Готовый к непримиримому бою.

Доехав до слышимости людской,
Выкрикнул криком тот всадник лихой:
— Да живет твой отец, джигит незнакомый!
Ты въехал в страну, не спросившись меня.
Разгневавшись, так нахлестал я коня,
Что неудержимо летит он с разгону, —
Его осади, коли хватит сноровки!

Недолго раздумывал Автарха ловкий —
Поймал он булатною шашкою тонкою
Луч солнца и точно его отразил
В глаза скакуну, увлеченному гонкою.
Тогда Гайдархан — то был он — возгласил:
— Ассалам алейкум, гость незнакомый!

Как волки охотятся за баранами,
За Зумкой сокровищ ловцы охотятся,
А за оцененной князьями погаными
Моей головой — удалцы охотятся.
Пока я из этих сафьяновых ножен
Не выхватил звонкую шашку булатную,
Признайся: зачем я тобой потревожен,
Зачем ты забрел в мою степь неохватную!
Если, плутая, дорогу ты ищешь,
Я путь укажу, тревогу уйму.
Если ты ищешь крова и пищи,
Ты будешь гостем в моем дому.
Если гоним ты как слабый и нищий,
Готов я горю помочь твоему.
Но если ты Зумку замыслил выкрасть,
Я голову шашкой с тебя сниму!

Ответил Автарха, сын Дибы отважный:
— Несчастливым не будь, Гайдархан татарский!
Поведаю правду я, счастья лишенный:
Когда моей статью прельщались жены
И девушки лику дивились ясному,
А храбростью всех превзошел я без спору,
Когда мой конь табуну разномастному
Не давал объедать высокую гору, —
Джигиты все это стерпеть не могли,
А бячки — гордец Салмирза, сын Испана,
Вину мою преувеличив обманно,
Жестоко согнал меня с отчей земли.

Покинул я дом, но и в дальнем краю
Не приняли молодцы дружбу мою.
Прослыл ты храбрейшим из храбрых бойцов,
А конь твой быстрее из всех скакунов.
Я, Автарха, слывший храбрейшим в Чечне,
Искал тебя в этой пустынной стране,
Дабы в состязанье с тобою в упорстве
Победу добыть себе в единоборстве.

— Чеченец, да будешь народу угодным!
По этим равнинам, безлюдным, безводным,
Немало на части порубленных тел
Валялось, скучая по черной могиле.
Такими, как ты, эти юноши были.
И если такой ты судьбы захотел,
Поедем, еду и постель мы разделим,
И повеселимся веселым весельем,
А прежде чем тонкими шашками в споре
Начнем мы с тобою друг друга кромсать,
Мы скачку устроим в длину того моря —
Проверим коней наших резвость и стать!
Татарин, сказав свое веское слово,
Вперед поскакал, понукая гнедого,
И с Автархой в сумерки прибыл домой.
— Эй, Зумка! — он крикнул. — Гость прибыл со мной!
Во двор выходи и повод прими
Ты гостя не с нашего края прими!

И вышла с зажженной свечкою Зумка,
Нежна, цветолика, стройна, словно струнка,
Красивой рукой за узду потянула,
Сойти помогая, на гостя взглянула
И к коновязи коня привязала —
Так дочь Гайдархана красавица Зумка
Джигиту отважному честь оказала,
Еду, чтобы сердце взыграло, поставив,

Вино, чтоб душа запылала, поставив,
Четыре свечи по углам зажгла
И джигитов к столу она позвала.

Тут Автарха слово такое сказал:
— Да будешь ты вечно любима, — сказал, —
Хозяюшка, ты, цветолика Зумка.
Коль будем пастись мы за этим столом,
Позором покроемся мы поделом⁶,

Сказал Гайдархан это твердое слово,
Во двор удалился готовить гнедого.
Чеченец же раньше стянул потуже
Серебряный пояс, надел оружие,
С женой Гайдархана и с дочкой-красавицей
Простился, с конем успевая управиться, —
Лицо его Зумкиным взглядом обласкано,
А тело хозяйкиным взглядом обласкано, —
И выскочил на скакуне из ворот,
Опережая хозяина дома!
Увидев, что гость его рвется вперед,
Татарин со злостью ударил гнедого.
Их кони в ряд не хотели мчаться,
Со взглядом взгляд не хотел встречаться.
Держа промежуток в длину селенья,
Скакали джигиты, полны озлобленья.

До цели добрался Автарха первым,
Назад оглянулся — где же соперник!
«Да живет твой отец, лихой Гайдархан!
На радость ли мне ты отстал, иль беда
Настигла тебя по дороге сюда!
Вставай, Гайдархан, защити свою честь,
Давай же коней мы в бою испытаем,
Давай поскорее мы в шашки ударим!

— Да ждет тебя гибель, чеченский злодей!
Я думал, гоним нищетою и слабостью,
Пришел ты опоры найти среди степей,
А ты от избытка богатства и храбрости
Пришел, чтоб сразить меня шашкой своей.
Ужель ты не слышал — за то, что татар
Сухим седлом оседлал я когда-то,
Лишил меня родины суд навсегда!!
И здесь, где твой Терек приблизился к морю,
В степях, что отобраны мной у князей,
Становится мне и коню все тесней.

Боятся князья, что их вновь опозорю,
Попасться боятся начальники мне.
Вот так я живу в неродной стороне...
Погоним вдоль Каспия наших коней —
И нам их достоинства станут ясней.
Свои же достоинства тоже узнаем,
Когда мы друг друга с тобой искромсаем.

Но если с тобою случилось несчастье,
В тебе не могу не принять я участия», —
Сказал про себя и вернулся сын Дибы.
И вот он встречается в степи Гайдархана —
Татарин, шатаясь, как от дурмана,
От злости не видя и белого дня,
Усталого вел за собою коня;
В сердцах говорил он чеченцу отважному:
— Пускай бы создатель тебя обездолил!
Уж как жеребца я поджарого холил,
Кормил не травой, а чистым зерном,
Но с легкостью ты обошел его ныне,
И если мы здесь поединок начнем
И оба погибнем, то в дикой пустыне
Останутся наши тела на песке,
По черным могилам предавшись тоске.
Не лучше ль сразиться поблизости к дому,
Где нас хоть земле предадут по-людскому!

В согласии с мыслью такою разумной
Джигиты обратно коней повернули.
Вернулись, чтоб драться при Зумке, они,
Где земли князей и земля Гайдархана
Граничат, до моря простершись пространно.
И молвил джигит из чеченской земли:
— Послушай-ка ты, притеснитель татар,
Вдвоем не заходят солнце с луной,
Двух шахов в стране не бывает одной;
Известно, что волк и медведь никогда
В берлоге одной не ночуют вдвоем;
Двум недругам в горло не лезет еда,
Когда они вместе сидят за столом.
Лишь солнце взойдет, ты приди спозаранку
С красавицей Зумкой ко мне на стоянку.
Клинками солнца лучи перемешивая,
Мы будем биться, покамест храбрейшего
Не выявит наш поединок прямой.

Сказал и, послав Гайдархана домой,
Остался чеченец один. Золотую
Уздечку он к стремяни привязал,

Пустил скакуна попасть на густую
Траву, и такой его голод терзал,
Что грыз бы он черную землю сухую.
Но пуще томился он жаждою схватки!
С рассвета он жил ожиданием сладким.
Чем выше был солнце подъем благодатный,
Тем крепче сжимал он клинок свой булатный.
Тем временем, с Зумкою вставшая рано,
Коней запрягала жена Гайдархана.
В коляску на блюде взяла золотом
Двенадцатимесячного барашка.
Была там и с русской водкой баклажка.

К чеченцу коляска неслась, как стрела,
А Зумка над ней белый стяг подняла⁷.

На место за ними пришел Гайдархан
Там женщины, стебли травы приминая,
Грузинский ковер расстелили, и роги
Наполнили доверху русской водкой,
И древко со стягом в земле укрепили,
Колени пред гостем они преклонили.
Зачем же в пустыне вам гибнуть напрасно!
Живите, гуляя с друзьями, согласно,
Вином забавляясь на мирных пирах,
Гарцуя на черноколенных конях.
Пусть только со смертью придет к вам разлука.

Так жарко молила и плакала Зумка,
И Автарха с жалостью заговорил:
— Счастливою будь, о татарка-красавица!
Мольба безответной твоя не останется.
Прости, но оружия я не сниму,
Участия в трапезе я не приму,
Пока здесь не сядет, смеясь и хмелея,
Молодец русский, сын грамотея.
Из-за земли он с князьями спорил,
Он из-за чести с властями спорил,
Бесстрашным он был, и по этой причине,
Боясь его, царь отказал ему в чине.
Когда же там время такое настало:
Начальнику в городе боязно стало,
В поместьях легко не дышалось и князю, —
Тот русский по царскому злему указу
Из края родного был изгнан далеко.
В галмацких песках он живет одиноко.

Ответил отец цветоликой Зумки:
— Живи ты в почете, чеченский джигит!

Я не обращался и к самому Аллаху,
И сердцем не струсил, и душу со страху
Нигде не терял — меня мучает стыд,
Что не у нас, а у женщины этой хватило
Ума все уладить добром, а не силой.
Так вот, впереди уходящего ветра
Езжайте домой, развлекаясь беседой,
А я за тем молодцем русским поеду.
Клянусь, я коня своего не жалею,
Но он не подходит — твой серый резвее,
Прости, твоего заберу я пока.

Серебряною тряхнув уздою,
Коленями сжав скакуну бока,
Поехал татарин дорогой степною.

Пофыркивал Автархи серый порою,
И екала топоту в лад селезенка.
Влетел иноходец во весь опор
К молодцу русскому прямо во двор.
Тот выбежал с шашкой булатною тонкой:
— Коль, друга убив, допросить меня прибыл,
Сражаться мы будем, пока не умрем.
Коль дружески в гости просить меня прибыл, —
Согласен, с добром проходи ко мне в дом.

Татарин ответил, на землю ступая:
— Ассалам алейкум, молодец русский!
Ты будь терпелив — я скажу свое слово.
Поверь, не убийцей приехал сюда я
Чеченского юноши удалого.
И не за допросом я прибыл к тебе.
Взял Автарха верх надо мною в борьбе,
Лишить меня жизни хотел самого,
Когда же поставил я стол примиренья,
Без друга чеченец не сел за него,
И я, уважая твое старшинство,
Решил привезти тебя без промедленья.

Тут сытную пищу, хмельные напитки
Татарин и русский вкусили в избытке,
И, самую малость успев отдохнуть,
Два славных товарища двинулись в путь.

Бок о бок бежали поджарые кони.
Их грея нагайками в яростном гоне,
Два всадника быстро домчались до цели,
И русский, являя любовь и веселье,
Приветствовал Автарху речью такой:

— Ассалам алейкум, мой друг дорогой,
Тебя ведь к столу пригласили, так что ж ты
Стоишь, словно зять при тесте и теще!

Ответствовал Автарха речью такой:

— Ва алейкум салам, мой друг дорогой!
Как волк на чужбине хитрее таится
И к взлету, тревожась, готовится птица,
Так чутко ловил я здесь шорох любой,
Готовый вступить, если надобно, в бой.

Друзья обнялись. Как джигитам пристало,
Своих скакунов накормили сначала,
За трапезой сами наелись короткой,
Согрели головы русской водкой.
Шли дни. Услаждаясь веселым досугом,
Джигиты теснее сдружились друг с другом.
В то время влюбленная в Автарху Зумка
Слегла — заболела любовным недугом.
В печаль превратилось веселье в дому,
И, сердцем прислушавшись к горю тому,
Два гостя сказали прощальные речи,
Два гостя о новой условились встрече,

Поблагодарили жену Гайдархана,
И оба с той дружбою в сердце желанной
В галмацкие вновь возвратились пески,
Что русскому молодцу стали близки.
Там в доме радушном уселись джигиты
За стол, и обильно, и щедро накрытый,
И выпили рог золотой пополам
За вечную дружбу, за мир постоянный,
И братьями быть поклялись матерям —
Той матушке русской с чеченскою наной,
Которые слушали клятву сыновью,
Обнявшись, как сетры, с душевной любовью.
Сдружились и кони джигитов лихих.

Однажды увидели: опережая
Ход ветра, к ним тучка плыла небольшая
По степи. А день был безоблачен, тих.
И русский сказал, указуя рукой:
— Да живет твой отец, мой друг дорогой!
К нам движется тучка. Ты к светлому глазу
Свой турмал приставь — и узнаем мы сразу,
Не смерч ли песком там балуется черным!
Не вспомнил ли царь обо мне, непокорном!
Иль, может, чеченская мчится ватага,
Которой твоя ненавистна отвага!

Взял Автарха турмал, блестящий светло,
Что глаз не видал — приближало стекло.
— Да живет твой отец, мой друг дорогой!
Не царь нарушает наш мирный покой,
И то не ватага чеченская мчится
Так быстро, что пар над конями клубится
И в пену сбивается пот лошадиный,
Ложась на дорожную пыль, словно иней, —
То вьющийся по ветру черный стяг
На древке полощется камышовом.
То в гости к нам всадник спешит на рысях!

Вот гость подъезжает с приветственным словом:
— Ассалам алейкум, джигиты вы смелые!
Позвольте прочесть вам письмо это белое,
Справа налево по-арабски написанное,
Татарином Гайдарханом вам присланное:

«Ассалам алейкум, друзья удалые,
Желанные гости мои дорогие!
Арабские эти гласят письмена,
Что дочь моя Зумка поныне больна.
Коран и Аравии книги священные
Листали, советы ища драгоценные,
Но средства целебного в них не нашли.
И к выздоровлению не привели
Лекарства врачей христианских. Любовною
Назвали болезнь ее умные люди.

И мать, осмотревшая дочь свою кровную,
Нашла, что разлука гложет ее,
Лишь Автарха вылечить может ее.
Как дар искупительный, шейхам не отданную,
За выкуп князьям именитым не проданную,
Пускай мою Зумку возьмет безвозмездно
Сын Дибы, чье мужество чтят повсеместно».

Услышав, что друг их ждет в гости вдали,
Джигиты коней одномастных впрягли
И с флагом согласья, гордясь и печалясь,
Всю ночь они к Зумке-красавице мчались.
С зарею друзья прискакали на место.
С зарею их встретила Зумка-невеста.
Подруга Автархи с собою взяла
Лишь самые ценные вещи; на тело
Рубашку из тонкого шелка надела,
Поверх ее шелковым габли сверкая,
Атласною чухтою⁸ лоб прикрывая,
Стыдливо закрыла лицо рукавом, —

Как желтое солнце с землей разогретой,
Так Зумка прощалась с родным очагом;
Как тот муэдзин, что кричит с минарета,
Взошла на коляску — готова к езде,
Уселась она, как голубка в гнезде,
В свой дом средь пустынной галмацкой земли
Красавицу Зумку друзья привезли.

И к пиршеству русский готовиться стал:
Он серый скот отобрал для убоя,
Запасся он русскою водкой хмельною,
Он белые письма друзьям разослал.
Вот выжгли траву для большого майдана,
Сосновые длинные скамьи поставили,
И в синих колясках на праздник желанный
Красавиц из дальних селений доставили.
Плясали, и пили, и ели досыта,
И светлые свечи горели впотьмах.
Так в черных пустынных галмацких песках
Устроили белую свадьбу джигиты.

И длилась та свадьба множество дней,
Пока их друзья и друзья их друзей
С изысканными яствами до конца не покончили,
И русскую водку до капли не выпили...
Гостей многочисленных в путь проводили
И спать улеглись два дружка-побратима.

Вот надвое ночь разделилась незримо,
А ближе к рассвету, порою безлунной,
Солдаты тройным окружили кольцом
Затихший, в покой погружившийся дом.
И поднял джигитов пестрогалунный
В окно постучавшийся офицер.
Пред ним они к битве готовы предстали,
Сверкая клинков обнаженной сталью.
Сказал к ним ворвавшийся офицер:
— Ассалам алейкум, дружки закадычные!
Есть порох у нас и заряды отличные,
Чтоб Терек избавить от полчища сразу.
По царскому окружены вы приказу.
Богатых князей вы богатства лишали,
Начальникам царским вы править мешали,
Вы царские банки опустошали,
И вы торговать не давали купцам.

Вы были друзьями лишь волчьим сердцам.
От многих, повергнутых вами во прах,

Шли жалобы, будто в галмацких песках
Селенье вы строите. И генерал
Из города войско за вами послал.
Будь нас только тыща — сразились бы вы,
Но нас больше листьев и больше травы!
Подниметесь в небо — вас пули достанут,
Пески вас не скроют и недра обманут.
Сдадитесь без боя — от порки избавлю,
Небитыми вас к генералу доставлю.

Тут Автарха другу сказал своему:
— Зачем нам в бою безнадежном рубиться! —
В крови захлебнемся в своем же дому.
Спокойно отправимся к месту тому,
Где в битве мы можем успеха добиться.

Счел русский разумными эти слова.
Друзья с матерями простились сперва,
Чеченец жену приласкал, успокоил,
И оба, не сопротивляясь, пошли
Туда, где полковник стоянку устроил.
Там молодец русский сказал ему гордо:
— Ассалам алейкум, начальник города!
Хоть здешний ты житель, не мог я доньше
Тебя отыскать по одной лишь причине:
Ты прятал погоны, скрываясь, как вор.
Теперь, облеченный и силой, и властью,
Ты с войском царя окружаешь мой двор.
Но знай, если я, к твоему же несчастью,
Свою правоту, свою жизнь отстою,
А ты будешь зверем в безлесном краю
Без войска искать понапрасну укрытья, —
Тогда-то сумею тебя изловить я!

На дерзкие речи ответил полковник:
— Ва алейкум салам, грамотеев сын!
Отвергнул ты царский высокий чин,
Врагами царя ты себя окружал,
Князья за свои трепетали владенья,
Чиновников в страхе таком ты держал,
Что, топот коня услышав в отдаленье,
Любой — даже высший — чиновник дрожал!
Сегодня за все это, русский храбрец,
Достоин расплатиться ты наконец.

Сказал и джигитов погнал пред собою
Под стражею войска, готового к бою.
Когда же полковник их в город пригнал,
Друзей стал допрашивать сам генерал.

Узнали они, не сумев защититься,
Что речи искусные их не спасут:
Их бросили связанными в темницу,
Назначив к исходу месяца суд.
И вот на майдан притащили в оковах
Двух верных друзей, к испытаньям готовых;
Швырнули их наземь, и, горе неся,
Пощады не знающий суд начался.
А женщины города, как иступленные,
Красой молодого чеченца плененные,
Из жалости слез проливали потоки.
Навет был коварен, а судья — жестоки.
Надолго в Сибирь упекли побратимов.

На землю средь моря везли побратимов,
Средь синего моря, где даже и птица,
Летящая по небу синяя птица,
Застигнута бурей, не смеет садиться;
Где даже рычащий хищник лесной,
Бродящий по чаще хищник лесной,
Остаться не смеет на отдых дневной.
А где для побега нашлись бы лазейки,
Привязаны были собаки-ищейки,
К собакам приставили синих солдат.
Оттуда, где синие волны шумят,
Из дальней сибирской нехоженой дали,
Те двое, кого заклеямило клеймо,
Красавице Зумке-татарке письмо
На белой, как хлопок, бумаге писали.
Но долго лежало в кармане оно:
По ветру пустить — он не дует давно,
Отправить водою — там не было речки,
И голубя не было, чтобы колечко
С письмом прикрепить к его красной ноге.

Однажды грузин им попался, отбивший
Свой срок и на волю домой уходивший.
И молодец русский ему говорит:
— Да живет твой отец, грузинский джигит!
Коль не коварный ты человек,
Возьми письмо это белое.
Коль благородный ты человек,
Доставь письмо это белое
В пески те галмацкие Зумке-татарке.
И встречный грузин им ответил тотчас:
— Письмо мне доверьте — я не вероломен,
И чтобы отдать его, я благороден...
Душа моя плачет, жалею я вас.

И в Грузию этот грузин не поехал,
Он к Зумке с письмом завернул сначала.
Он слово сдержал, но была тут помеха:
Татарка-то грамоты русской не знала.
И гостя просила она дорогого:
— Письмо ты прочти мне во имя благого!

— Спокойною будь, молодая татарка!
По-русски письмо написали друзья,
Но каждое слово тебе по-татарски
Я перескажу, ничего не тая:
«Живи наша Зумка в покое и мире!
Мы пишем из синецветной Сибири.
Не будь убежденной, что вскоре мы свидимся,
Но также не думай, что мы не увидимся.
Всю правду родным матерям не рассказывай,
Чтобы ждали нас, — грусть им свою не выказывай.
Когда в то бессильное утро наш дом
Солдаты тройным окружили кольцом,
Стамбульский большой пистолет дорогой
Мы спрятали под камышовой стрехой.
В Чечне, на земле, раскорчеванной Гапою,
Живет сын Шибилы — Соса.
Он волка храбрее и хитрее, чем лиса,
Друг Автархи, Автархе преданный свято,
Коня получил от него он когда-то.
Доставь ему это письмо с пистолетом».
Грузин дочитал и закончил на этом.
А Зумка-татарка грузину твердит:

— Да умру у тебя, мой грузинский джигит!
В страну, где царю не под силу уж править,
В Чечню, ты письмо это мог бы доставить,
И сыну Шибилы Сосе сообщить
О том, что он должен сюда поспешить.

— Если ты веришь, татарка Зумка,
Что небо вверху, а земля внизу,
Поверь мне: если живым я буду
И если живым отыщу я Сосу,
Я наш разговор передать не забуду, —
Сказал — и пропал он в галмацких песках...

Был путь и для конного долог, тяжел,
А верный грузин его пешком прошел
И прибыл, качаясь на сбитых ногах,
На землю, где жил тот Соса, сын Шибилы.

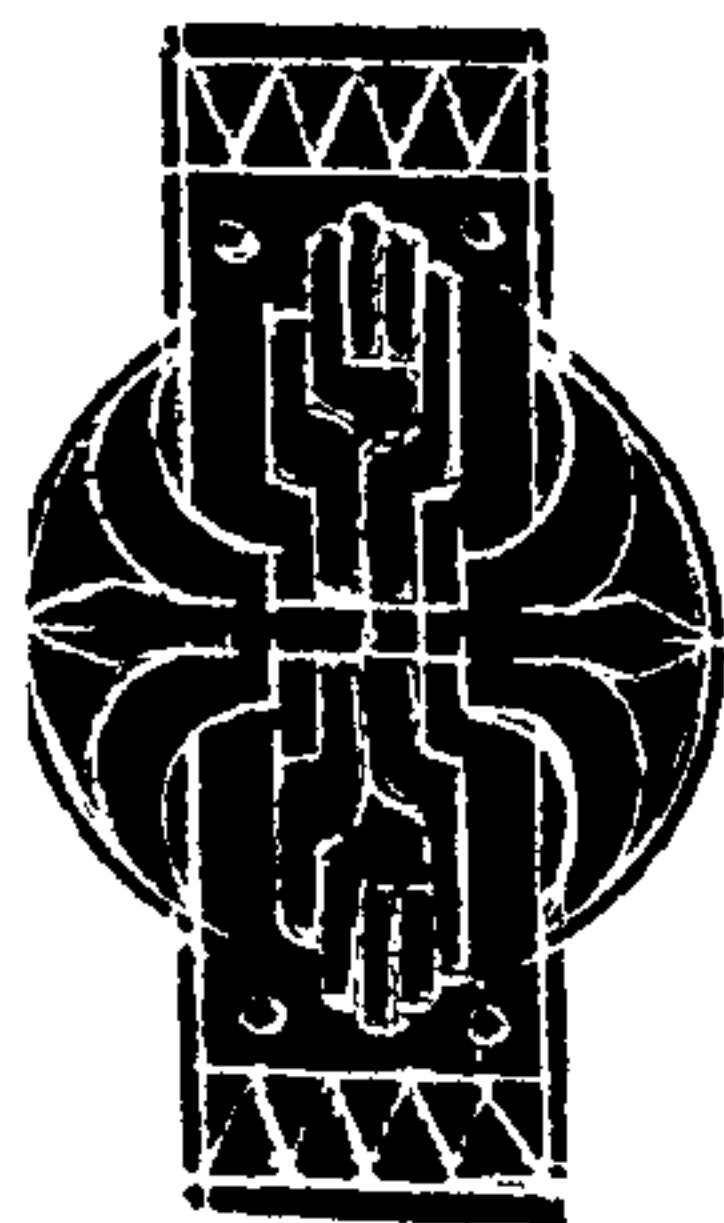
— Ассалам алейкум, Соса, сын Шибилы!
Слова мои лишними пусть не сочтутся:
Пожар ли в дому — отложи тушенье,
Война ли в стране — отложи отмщенье,
В галмацких песках тебя ждут не дождутся,
Где русского молодца домик стоит, —
Сказал и ушел тот грузинский джигит.

Заторопился Соса, сын Шибилы:
Голод свой он утолить не успел,
Черкесским седлом коня оседлать
И даже одежду сменить не успел,
И в спешке родным ничего не сказал,
Оружие к поясу не привязал —
В левой руке он шашку зажал,
В правой руке пистолет зажал —
И на неоседланном быстром коне
В галоп по пустынной равнинной стране, —
Лишь пыль позади, словно туча, клубилась, —
В галмацкую степь, что в чужой стороне,
В дом русского прибыл Соса, сын Шибилы.

И, шею слезами свою умывая,
Стыдливо лицо рукавом закрывая,
Далекого гостя встретила Зумка:
— Я сразу узнала тебя, сын Шибилы!
Аллах да простит мне, что так неразумно,
Что так я нескромно сейчас поступила:
Не поздоровавшись, не ожидая,
Пока ты успеешь с коня сойти,
Я первую заговорила... Прости!

Письмо татарка ему молодая
Пересказала, плача навзрыд.
Тогда ей отважный Соса говорит:
— На землю средь моря далекого высланы,
Мы там, где письмо это было написано,
От голода листья осины жевали.
И самые сильные духом уж пали...
Однажды, поднявшись во мраке ночном,

Когда человечество занято сном,
А звери выходят на промысел смело,
Когда вся Сибирь навалилась на тело
И смерть подступила вплотную ко мне,
Я брод отыскал, и в сгустившейся мгле,
По два человека делая ношей,
Двенадцать чеченцев порой полунощной
Я вынес из плена бушующих вод.

Из синей Сибири, спасаясь от гибели,
Мы дружной ватагой на родину прибыли.
Чтоб я указал тот спасительный брод,
В Сибирь меня это письмо вызывает.
А так как дорога опасной бывает,
Давай-ка стамбульский большой пистолет.

Оружие спрятал Соса под бешмет,
До огненной почты⁹ на верном коне
Добрался, а там скакуна дорогого
По первой предложенной продал цене
И в путь, — но по рельсам уж — двинулся снова.

И несся он множество дней и ночей
Все дальше от родины милой своей,
Где вольно его соплеменники ходят.
И вот он в Сибири, таясь от властей,
К воротам морским подбираючись, бродит.
И снова, как раньше, во мраке ночном,
Когда человечество занято сном,
А звери на промысел смело выходят,
Соса, сын Шибилы, шел по морю вброд
На землю средь моря, где горе живет.
Друзей там выслеживал он, словно старый
Волк, что из чащи следит за отарой.
В землянке он их обнаружил случайно.
На двух языках они пели печально,
От голода слабы, от горя черны.
Вошел к ним и вымолвил друг из Чечни:

— Ассалам алейкум, друзья дорогие!
Вы брали казну, а остались нагие,
Князей разоряли, но не разорили,
Начальство пугали — чинов не лишили,
А вас, как чабан расторопный в жару
Телят своих гонит на речку, к прохладе,
Погнали в Сибирь да загнали в нору.
Но я, матерей ваших немощных ради,
Что плачут и сохнут без вас от тоски,
В галмацкие вас переправлю пески.

Друзья обнялись в той землянке гнетущей,
И долго ли, коротко ль там они были,
Насытив любовью голодные души,
Когда арестанты спать улеглись,
Чеченец и русский за сыном Шибилы,
Кружа без дорог, в темноту поплелись.

— Меня терпеливо дождитесь, друзья,
Идти, не нащупавши брода, нельзя.
Беда, если к месту глубокому вышли мы —
Погибнем, проглочены рыбами хищными! —
Сказал и, исполнен отваги и сил,
Соса, сын Шибилы, в море ступил.
Так долго молчала пучина морская,
Что в страхе решили друзья, обмирая:
Пропал их вожак! Но из влаги кипучей,
Как солнце сияющее из-за тучи,
Соса показался, и сказано было:
— Да живет твой отец, Соса, сын Шибилы!
Да поют о тебе эту песню повсюду:
«Словно мельничную запруду
Лихой жеребец-семилеток,
Разрезая то синее море,
Как орлов синекрылых из клеток,
Каторжан из сибирского горя
Вызволяет отважный Соса!»
Пока ты ведешь нас, бесстрашный Соса,
Гранитные крепкие тюрьмы не в силах
Удерживать нас в своих чревах унылых.
И все же, ужели у нас этот брод
Надежду последнюю не отберет!

И в море джигиты вошли, обнимаясь.
Их с ног не сбивал набегающий вал,
Когда же они зашатались, измаясь,
Навстречу им остров из глуби восстал.
Так вброд беглецы перешли через воды.
В безлюдных местах совершая обходы,
Таясь от властей, как зверье от ловца,
До «огненной почты» те три храбреца
С трудом добрались, не утратив свободы,
И сели в железный вагон, и в вагоне
Закаты встречали они и рассветы,
При виде начальников — за пистолеты
Хватались они, опасаясь погони;
А после, покинувши поезд, пешком
Дошли до галмацких песков напрямиком.

И матери, что вновь сыновей обрели,
Сказали слова прямодушные эти:
— Да будет для вас, наши малые дети,
Свободным возврат из далекой земли!
Сердца наши плакали горько, а ныне
Опять вы смеяться заставили их.

Но ваши сердца погрузятся в унынье,
Узнав, что в краях совершилось родных...

Ответил им Автарха, низко склонясь:
— Вы матери наши, родившие нас,
Да не разлучат нас напасти лихие!
Готовы мы выслушать скорбный рассказ.
Будь даже земли тяжелей это горе,
У нас есть сердца, чтобы горе вместить.
Будь даже несчастье размером с гору —
Его наши головы смогут укрыть.

Заплакав, поведала Автархи нана:
— Послушайте же, сыновья дорогие,
Узнайте о том, что случилось нежданно...
Смолчу — все равно вам расскажут другие,
Поэтому я вам поведать должна:
Сын наны, твоя молодая жена,
Тебя больше жизни любившая Зумка,
Разлуку с тобою стерпеть не смогла
Болезнью души заболела, слегла,
Да так и не встав, умерла от тоски.
А недруги ваши примчались в пески,
Когда им сказали, что черная сила
На десятилетия вас заточила
В Сибирь, где и солнце встает не всегда,
И стали делить табуны и стада.
Чеченцу, что жить тебе не дал в Чечне,
Достался любимый твой конь Салмирзе.
А русского молодца конь быстроногий,
Поскольку в калмыцком он рос табуне,
Достался калмыцкому тамаде.
А земли твои присудили муллы
Мечети; теперь тамады с муллами
Грызутся, прельстившись твоими полями.

Сказали джигиты своим матерям:
— Не плачьте о благах, утраченных нами...
Смерть Зумки — да есть ли известье больней!!
Но враг, что сгубил нашу Зумку жестоко,
За нами охотится... Помните только,
Каких тамады захватили коней!
Спешите, покамест, наш дом окружая,
Погоня царя до песков не дошла:
Мы скроемся в горы чеченского края,
Гнездо для жилища отбив у орла.

В степи, в табунах у галмацких князей,
Джигиты нашли самых резвых коней,
Родных матерей посадив за собою,
В Чечню поскакали дорогой степною.
И русский дивился в пути этом длинном
Ему незнакомым горам и долинам,
А изгнанный Автарха с храбрым Сосой
Чеченской земли любовались красой.
В свой дом, проезжая родными местами,
Соса, сын Шибилы, заехал с гостями.
И вот на столе появились барашки
И с быстрой грузинскою ниhoю¹⁰ чашки.

Соса матерям положил курдюки,
Грудинку и голову — русскому гостю¹¹
И Автархе жирные отдал куски.
Едой насыщаясь, и сладкой, и жирной,
Друзья отдыхали за трапезой мирной.
Когда же увидел Соса, сын Шибилы,
Что в досталь для отдыха времени было,
Что славных гостей он ублаготворил,
Как добрый хозяин, он заговорил:

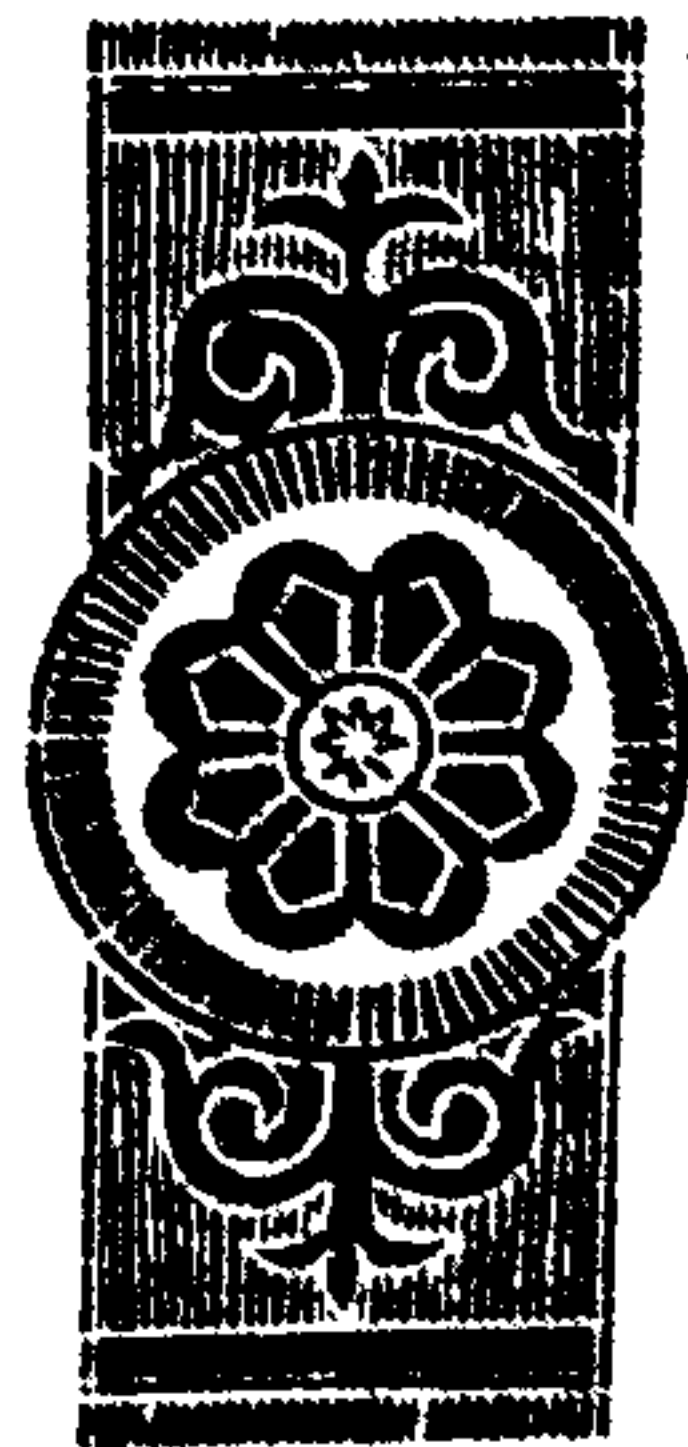
Пусть белого света лишусь навсегда,
Вас, верных друзей моих, снова лишусь,
Коль то, что скажу, говорю потому,
Что нам надоели уж гости в дому,
Коль мы не могли бы до смертного часа
На стол выставлять и напитки, и мясо!
Но надо нам письма отправить врагам —
Любимых коней наших двум пастухам:
Один у чеченцев слывет главарем,
Другой у галмаков слывет главарем, —
И, с ними решив наши старые споры,
Должны мы укрыться в Кавказские горы,
Чтоб жить, вероломства врагов не боясь,
Чтоб люди царя не добрались до нас.

Сын Дибы ответил: — Слова справедливы,
Не спустим злодеям, покамест мы живы!
И молодец русский стал русским письмом
На плотной бумаге писать торопливо
Речь Автархи, сказанную с толком, с умом:
«Ассалам алейкум, племен вожаки,
Галмак Бессарби, Салмирза, сын Испана!
Мы пишем, на волю уйдя из капкана,
Прочтите письмо от строки до строки:
Мысль Автархи — вот его суть и основа,
А русский записывал каждое слово.

Позор вам, неправые бячки, позор!
Пришлите вы к сыну Шибилу во двор
Достойнейших ваших джигитов с повинной:
За наших коней, уведенных бесчинно,
По пять лошадей пусть они приведут.
А вы в женском платье явитесь на суд,
Ведя скакунов наших самых отборных.
И если, старшинство другим передав,
Пред нами в мольбе на колени упав,
Покаетесь в ваших деяниях черных,
Вам будет покой нерушимый обещан:
Живыми оставим вас жить среди женщин!
А если на то не согласны вы, бячки,
Мы сами коней отберем и в придачу
Захватим и круглые головы ваши
В уплату за трудные хлопоты наши!»

Сошлись главари двух тайпов для совета,
Когда получили послание это;
Подумав, решили они, что должны
Условия принять, дорожа головою,
Ценой хоть придется платить дорогою.
Собрав самых смелых джигитов страны.
По пять лошадей отобрав в возмещение
За каждого угнанного коня,
На женское платье бешметы сменя,
Отправились в горы, познав унижение,
Два бячки, ведя двух коней в поводу.
Потом они в ровном дворе у Сосы,
Что волка храбрее, хитрее лисы,
Джигитов поставили в первом ряду,
А сами, в позоре закрыв свои лица,
Упав на колени, те два главаря
Пред Автархою поспешили склониться;
На них, на полуденном солнце горя,
Сверкали не ружья, не острые сабли,
А женские шелка заморского габли!

Тут Автарха без сожаленья пинками
Обидчиков битых стал поднимать
И, легкими прикасаясь руками,
Их лучших джигитов стал поднимать:
— Мы видели вашу покорность — пора
Теперь вам убраться домой со двора!
А сыну Испана сын Дибы сурово
Такое сказал беспощадное слово:
— Да сгинешь ты, бабою став, Салмирза!

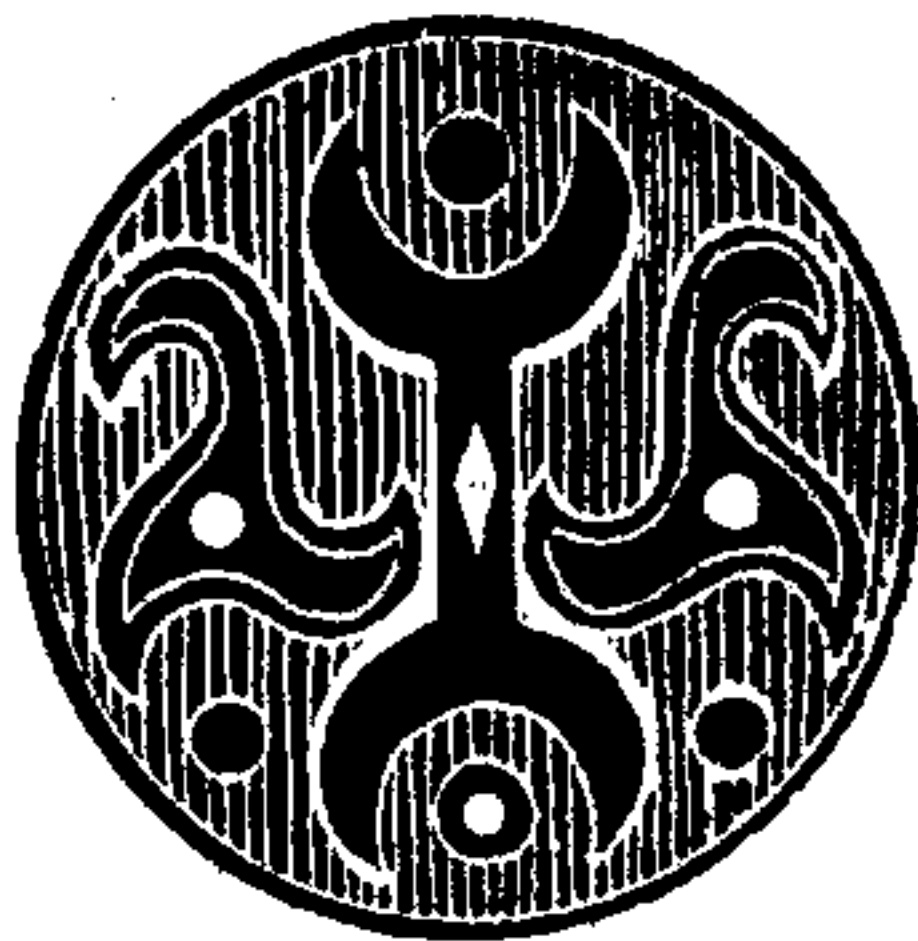
Скажи, неужели тобою забыта
Пословица наша: «Покамест джигита
Убитым твоим не видали глаза,
Не верь, что не встретишь его никогда ты!»
Мы не были с наной ни в чем виноваты,
А ты, Салмирза, обесславил меня.
Без родины милой оставил меня.
Теперь я вернулся воздать за бесчинство.
Тотчас же сложи с себя, подлый, старшинство!
Нет пастбищ в горах для коня твоего,
И пахоты нет для тебя самого!
А жадным муллам, как и ты, живоглотам,
Которые на подаянья сиротам
Позарились, ты передай, чтоб ушли,
Убрались быстрее с моей длинной земли!

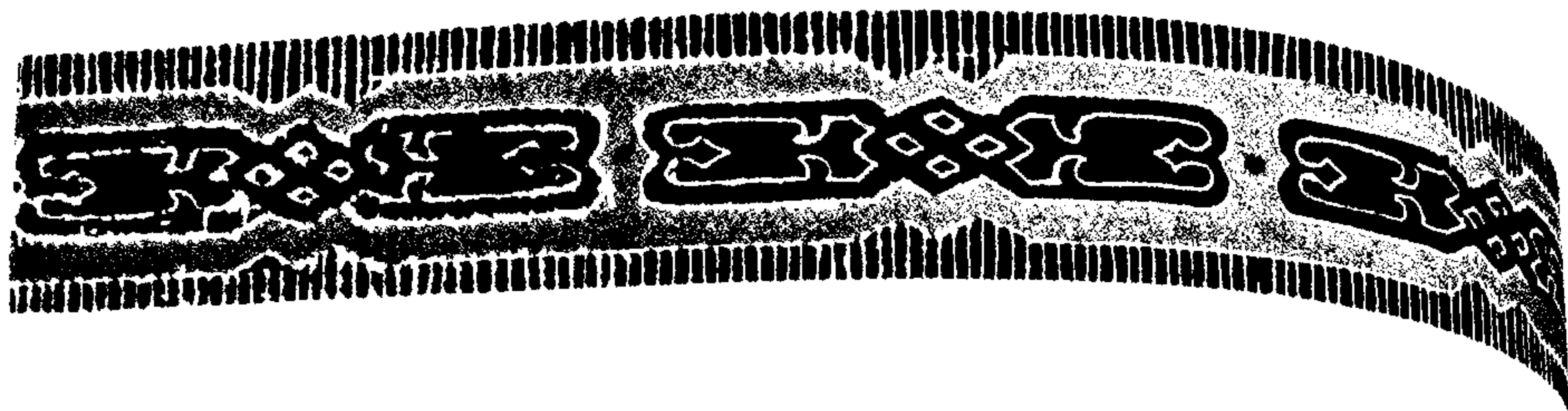
Грабителей чести своей и добра
Спровоживать Автарха стал со двора.
Но тут отозвался Соса, недовольный:
— Да живет твой отец, мой Автарха вольный!
Оставь Салмирзу и умерь свою злость,
Хотя он и враг, — почитается гость.
Где муж погребен нетрусливый и сильный,
Там даже и холм почитают могильный.
Ты стол для гостей разреши мне накрыть.

Соса усадил за столы свои длинные
Гостей двуязыких, пришедших с повинною,

И стал их досыта поить и кормить.
Расправилась жирная пища с их голодом,
Поправила быстрая ниха их головы,
И в путь, что по дальним тропам проходил,
Гостей двуплеменных Соса проводил.
Пока по доносу врагов снаряженною,
Той царской погонею вооруженною,
Еще не настигнуты были друзья,
Но ждать уже более было нельзя —
Ушли они выше в Кавказские горы.
Там в черной пещере, где ярким узором
Сверкает у черного входа цветок,
А лед между скалами холодом дышит;
Где голубь воркует на воле, а выше
Звенит родничок, превращаясь в поток;
Где воет поблизости волк, а под тучей
Клекочет орел, — там в пещере над кручей
Зажожен был очаг тех отважных друзей.

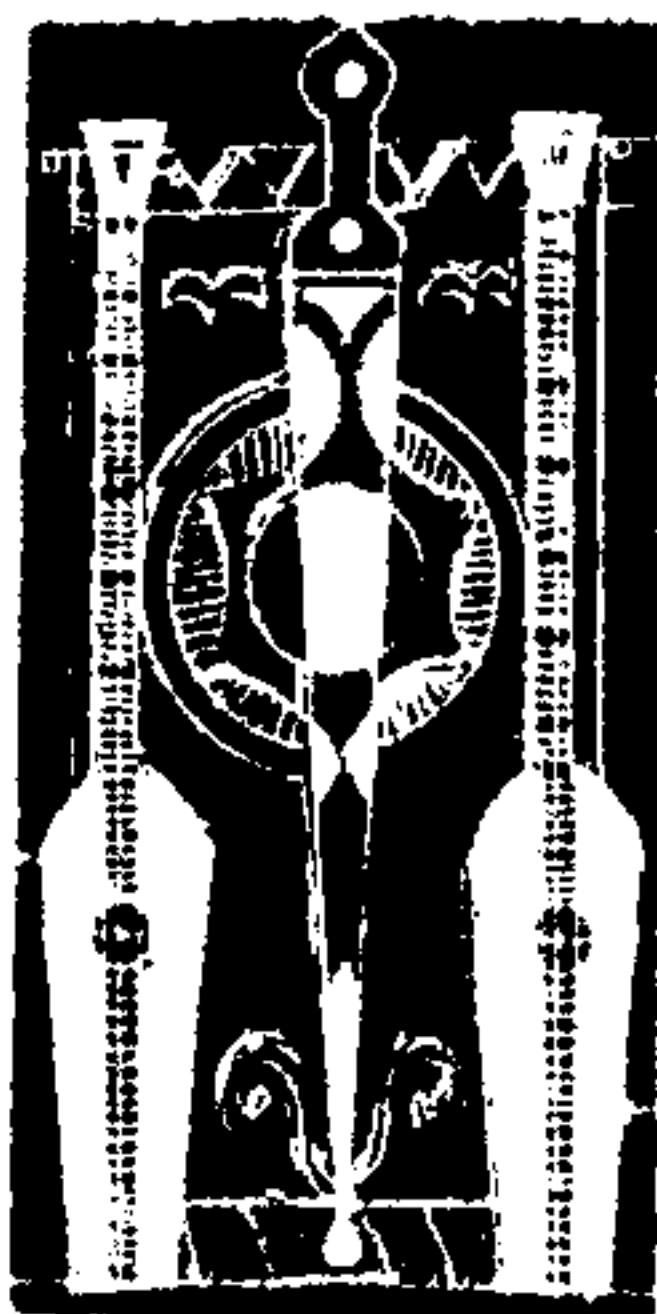
Добро отбирая у важных князей,
Себе на прокорм только часть оставляя,
А большую часть беднякам раздавая,
Высоко, где волчий лишь слышится вой
И клекот орлиный над головой,
В том горном краю надежно укрыты,
Встретили старость
И с жизнью расстались
Те славные в дружбе джигиты.

ИЛЛИ ОБ УМАРЕ, СЫНЕ ТАХИ

Волка смелее был, льва был быстрее
Всех превзошедший отвагой своею
Таха-чеченец.
Стало темным-темно, следом за теменью
Таха-чеченец пустился в дорогу.
Странствовал Таха достаточно времени.
Дней очень много, ночей очень много
Он пробирался долинами ровными.
В край он попал, что лишь зверю был ведом,
Где не видать человеческого следа.
Стан свой горячим конем утомил он,
Спутав, гнедого по лугу пустил он,
Буркой черкесскою плечи укрыл он,
С русским седлом в головах опочил он,
Здоровым сном очи свои утолил он,
Таха-чеченец.

Бетарби шел той дорогой, ногаец,
С ним его храбрых джигитов двенадцать.
Как заприметили Таху лежащего,
Спешились тут же джигиты учтивые.
Бетарби начал у Тахи выпрашивать:
— Кто ты! Ты плоть иль душа джигита, —
Спящий столь мирно в стране необжитой!
Встань, покажись!.. Кто таков! Тебя знаю ль я!

И отвечал ему доблестный Таха,
Таха-чеченец, не знающий страха:
— Бетарби, слышал о Тахе-чеченце!
Я-то и есть он — прославленный Таха.

Бетарби храбрый ответил Тахе:

— Слышал о Тахе, прославленном смелостью,
Встретиться с Тахой давно уж хотелось мне. —
С такими словами приблизился к Тахе
Бетарби храбрый. —

Таха-чеченец, прославленный смелостью,
Дружбу с тобой укрепить мне хотелось бы.
Если судьба одарит сыновьями,
Пусть меж собой они будут друзьями.
Сыном тебя наградит, меня — дочерью, —
Снохой нареку твоей дочь свою тотчас же.

С тем согласился и Таха-чеченец.
Рад тому был Бетарби-ногаец.

Всадника вдруг увидали они.
— Ассалам алейкум, прославленный Бетарби!
Весть моя, верно, джигиту понравится:
Дочь у тебя родилась — красавица.
Так и назвали ее — Малх-Азни!¹

Давши гнедого коня за известье,
Всадника к дому отправил честь-честью
Таха-чеченец.

Всадник другой мчится в пыльной туче:
— Ассалам алейкум, отважный наш Таха!
Прибыл я с вестью из лучших лучшей:
Сына жена принесла тебе в дар,
И нарекли его так — Умар.

Дав вороного коня за известье,
Всадника к дому отправил честь-честью
Бетарби храбрый.

И говорит тогда Таха-чеченец:
— Слушай внимательно, доблестный Бетарби.
Люди доселе не знали, не ведали,
Скоро ли станут для смерти поживой.

Дело закончим, покуда мы живы, —
Наших детей поскорее сосватаем.
По-братски обнявшись,
С Бетарби попрощавшись
К дому направился Таха-чеченец.

А между тем князь коварный, богатый,
Старый их враг устроил засаду.
Поднял кремневку враг вероломный.
Выстрелил метко, и ночью темной,
Даже не вскрикнув, упал, убитый,
Таха-чеченец.

Годы бежали. Мужал, вырастал
Мальчик Умар. На пятнадцатом годе
Как-то из дома утром выходит
Умар, сын Тахи.

Видит Умар: скачет всадник удалый.
— Ассалам алейкум, Умар отважный!
С вестью к тебе я примчался важной:
Должен на мост Солдатский явиться²
Нынче отца твоего убийца.

Давши трехлетка-коня за известье,
Всадника к дому отправил честь-честью
Умар, сын Тахи.

Всадник второй мчится в пыльной туче:
— Ассалам алейкум, Умар, сын Тахи!
Прибыл я с вестью из лучших лучшей:
Други отца — кабардинцы — в дороге,
Скачут и ждут от тебя подмоги.

И в благодарность за доброе слово
Всаднику дал коня вороного
Умар, сын Тахи.

Третий примчался всадник удалый:
— Ассалам алейкум, Умар, сын Тахи!
Ту, что отец для тебя просватал,
Бетарби дочь, из красавиц красавицу,
Силой князя Сала-Тау³ захватили:

«Молод Умар, ему с нами не справиться!»

Четырехлетка отдав ему в дар,
Юный джигит впал в раздумье тяжелое,

Сел, подпирая рукою голову,
Долго молчал молодой Умар.

Стала темным-темно. Тьма стала теменью.
Мать наклонилась к Умару тем временем:

— Что опечален, сынок, мною вскормленный!
Что за беда твое сердце замучила!
Горе какое надвинулось тучею!
Матери все ты поведай, и вскорости
Мать, словно ветер, развеет все горести.

— Счастлива будь, мать, меня породившая!
Всадник сегодня примчался удалый.
«Ассалам алейкум, Умар! — сказал он. —
Должен на мост Солдатский явиться
Нынче отца твоего убийца».
Всадник второй прискакал удалый.
«Ассалам алейкум, Умар! — сказал он. —
Други отца — кабардинцы — в дороге,
Скачут и ждут от тебя подмоги».
Третий примчался всадник удалый.
«Ты, что отец тебе сватал, — сказал он... —
Мать, извини!.. — Малх-Азни, красавицу,
Силой князя Сала-Тау захватили⁴:
Где, мол, мальчишке с князьями справиться!..»
Каждое дело из трех мне — по разуму,
Если все три не нагрянули сразу бы.
С какого начать! — Мне лишь это неведомо.
Вот и расстроились мысли поэтому,
Мать дорогая, меня породившая!

Мать наклонилась с советом и ласкою:
— Князь, вероломный, коварный убийца,
Выйдет не раз еще к мосту Солдатскому —
С ним ты успеешь еще расплатиться!
Что — Малх-Азни!! Есть и лучше красавицы!
Сыщешь невесту — еще не состарился!
А кабардинцы — отцовы товарищи,
Если обидишь их, — больше не явятся!
Ты помоги им, собрав свои силы!.. —
Вот что Умарова мать говорила.

Семь кабардинцев по тропке горной
Скачут к аулу в ночное время.
Вышел навстречу Умар проворно.
Всем семерым поддержал он стремя.
Встретил один он всех семерых,
Будто бы семеро встретило их.

Жирные яства, напитки медовые
Он на столы расставляет ольховые
И обращает к гостям своим слово:
— Кушайте и отдыхайте с пути!
Я ненадолго должен уйти.

Сложенный прочно сарай отворил он.
Повод серебряный крепко схватил он,
Вывел коня и в седло он вскочил,
Плеткой взмахнул и гнедого пустил
К Тереку прямо.

Бросил поджарого в пенные волны,
Смело по волнам пустился бурным.
Плеткой слегка скакуна припугнул он.
Пересекает бушующий Терек.

И выплывает отважный на берег —
К лугу, где княжеские кони пасутся.
Лучших коней он погнал пред собой.
Начал стрелять по нему часовой.
Поднял к плечу ружьецо он кремневое,
Выстрелом метким снял часового
Умар, сын Тахи.

К дому коня он поджарого гонит.
Где кабардинцев привязаны кони,
Царских коней поставил он гладких,
Каждому другу отца — по десятку.

К синему Тереку мчится он снова,
К Солдатскому гонит мосту вороного.
В травы пастись отпускает гнедого,
Чтоб самому ему с травами слиться,
Чтобы в засаде он мог затаиться...

По мосту сам князь-убийца.
Под ним жеребец вдруг оступился
И захрапел, наострил свои уши.
Князь говорит: — Жеребец мой, послушай!
Нынче пора не пришла нам пугаться,
Нынче Умару еще — не пятнадцать,
Если пятнадцать, — ружья еще не дали,
Если и дали, — опасно нам это ли!
Спит он, Умар. Все мальчишки, я знаю,
Спят по ночам, очи сном утоляя.
Время ль бояться нам сына Тахи!!

Вновь жеребец спотыкается в страхе,
Речи такие неумные слыша,
Храбрый Умар из засады вышел:
— Враг мой! Пришло твое время пугаться!
Если не мне, то кремневке — пятнадцать!

Поднял кремневку Умар недаром:
Падает князь. И могучим ударом

Саблей отсек ему круглую голову
Умар, сын Тахи.

В час, когда темная ночь иссякала,
К дому Умар возвратился с удачей:
Рядом с конем кабардинского бячи
Княжеского жеребца привязал он,
Умар, сын Тахи.

Гости Умара дождаться не чаяли —
Думали дом покидать без хозяина,
Вдруг они голос Умара услышали:
— Гости мои! Мать, меня породившая!

Тот, кто принес нам страданья бессчетные,
Нынче убит за дела свои черные!
Гости, довольные честной расплатою,
В путь устремились дружбой богатые.

В час, когда звезды погасли над кручею,
Раньше, чем солнце золотолучее
Лик свой над дальней явило горою, —
Тихою предрассветной порою
Прибыл Умар в тот аул, где жил Бетарби.

Слышит: смеются, родник обступая,
Девушки пестрой, щебечущей стаей.
Плеткой ногайской коня осадил он,
К девушкам радостным речь обратил он,
Умар, сын Тахи...

— Доброго утра вам всем, звездоокие!
— Доброго утра, наш гость издалека!
— Эй, светлоликие, дайте напиться мне!
Чистой меня освежите водицею!
И протянула кувшин ему сразу
Девушка стройная, звездоглазая.

К девушкам снова Умар обращается:
— Девушки, все вы — солнцу сродни!
Все-таки есть ли средь вас Малх-Азни?
Ежели есть, пусть подаст мне напиться,
А от других не возьму я водицы!

И говорит ему та, звездоглазая,
Та, что кувшин подала ему сразу:

— Чистой воды не подам тебе дважды
Если бы даже ты умер от жажды!⁵

Следом за нею коня припускает он,
За руку девушку тут же хватает он,
На скакуна пред собою сажает он,
С белой невестой домой уезжает он,
Умар, сын Тахи.

Только селение в даях скрылось,
Наземь с коня Малх-Азни спустилась,
Смехом веселым оңа заливаётся.
Молвил Умар ей: — Скажи на милость,
Что ты смеешься! Поведай, красавица!
Молвит в ответ та, что ярче радуги:

— Смех мой, чеченский джигит, — от радости.
В жены Умару была я просватана
Тахой чеченским. Меня, беззащитную,
Силою взяли б князя Сала-Тау,
Если б не ты, оставаться б мне с ними!
Смело отняв у салайских князей,
Спас меня ты, кто — не знаю по имени!
Вот почему я смеюсь, извини меня!

— Я твой жених, я Умар, сын Тахи.
Цели достиг я — Умар, сын Тахи.

В горы, играя с конем, он взбирался,
В доли, с невестой играя, спускался.
Под вечер прибыл Умар, сын Тахи,
К дому родному. Свою невесту
К матери в домик направив тесный,
Спать он улегся, Умар, сын Тахи.

Но Малх-Азни с языком «неразвязанным»⁶
В дом не вошла, как ей было приказано.
Думал Умар, что невеста — у матери,
Спал он спокойно на мягком ложе.
Уж на исходе ночь эта темная...
Мчатся бесшумно князя Сала-Тау
И окружают Умара невесту,
С пальца срывают Умаров перстень,
Ружья наставив, бормочут сердито:
— Скажешь хоть слово — будешь убита!
Тихо, бесшумно князя ускакали,
Скрылись с невестой за дальнею далью.

Солнце уже поднялось золотое,
Юный Умар ото сна пробудился.

Мать говорит ему слово такое:
— Встань поскорее, Умар мой единственный!
Там, во дворе, бросив наземь твой перстень,
Прочь от тебя убежала невеста.
Если не любит, так прок ли в невесте!
Женщина-дьявол тебя обесчестила!
Станешь посмешищем ты меж джигитами,
Сын мой, Умар, мной взращенный-воспитанный!
Встань, догони Малх-Азни, мой смелый!
Не возвращайся один, мой милый!
Иль прокляну тебя пищею белой —
Тем молоком, что тебя взрастило!

Мать проводила Умара в дорогу.
Дней очень много, ночей очень много
Ехал по свету джигит удалый.
Прибыл отважный на берег Курпала.
Там пастуха увидал он чудного:
Плачет, смеется он, плачет снова.
Лежа в траве, он горюет горько,
Вставши с травы, он смеется громко.
В чем же причина плача и смеха!
Ближе Умар, сын Тахи, подъехал:

— Горе тебя да минует злое!
В толк не возьму я, пастух, что с тобою!
Ты мне поведай, что это значит:
Что ты смеешься! О чем ты плачешь!

— Гость, да минуют тебя неудачи!..
Если б земле я поведал печали,
Травы б земные немедля увяли.
Если бы речке излил я горе,
Быстрая речка застыла бы вскоре.
Гость издалека, послушай внимательно...
Рос я один, без отца, без матери,
Всеми покинутый сирота.
Стал я рабом у князей Сала-Тау,
Знал я всю жизнь одни наказания,
А ведь отцом моим на родине
Был столь широко прославленный Таха,
Таха могучий, не знающий страха.
Брата Умара сосватать успел он
С дочерью Бетарби — дивно красивою,
Только невеста Умарова — белая —
Нынче захвачена княжеской силою.
Вспомню, что близится пиршество ихнее, —
Я же на свадьбе прислуживать буду! —

Станет мне тягостно, станет мне худо,
Брата жалеючи, горько заплачу я.
Вспомню, что с братниной встречусь невестою, —
Вдруг засмеюсь, до того станет весело!

Бросились братья друг другу в объятья,
Вместе смеялись и плакали братья.
С братом одеждой Умар обменялся,
Наговорился, наобнимался,
С братом к князьям Сала-Тау помчался.

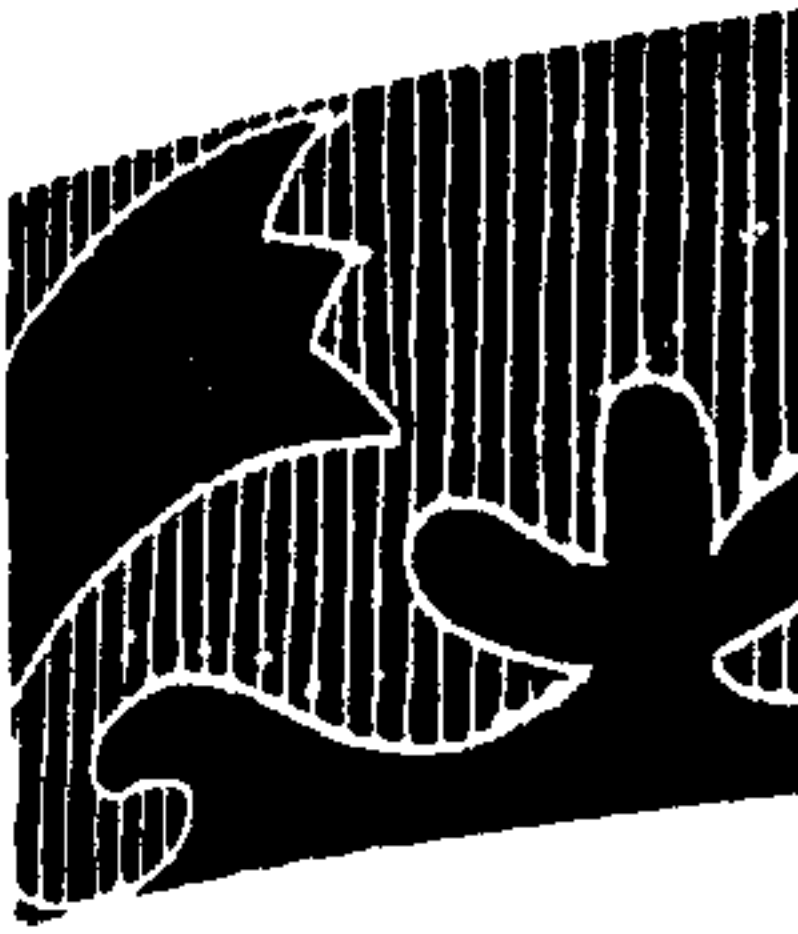
Видя невесту Малх-Азни белую,
Громко воскликнули братья смелые:
Труссы-князья, за аул выходите!
Женщин с детьми от беды оградите!

Бросились братья к прекрасной невесте
И за аул поскакали с ней вместе.
Стали недвижно гордые кони,
Ржут в ожидании жаркого боя.

Сельских джигитов гоня пред собою,
С визгом князья устремились в погоню,
Тучи сельчан насылают на братьев.
Бой над Курпалом длится до ночи.
Пулей прицельной троих поражая,
Пулей шальною двоих убивая,
Бились два брата-героя с князьями.

Оба джигита, спознавшись с удачею,
Славно закончили битву горячую:
С белой невестой, с победою сладостной
К матери прибыли братья отважные.

Мать на пороге встречает их радостно:
— Нету у матери горести тягостней,
Ежели сын уродится без гордости.
Если ж родится, да сгинет он вскорости!
Здравствуй, Умар!.. Здравствуй, сокол мой доблестный!
Мы возвратили все то, что утратили!

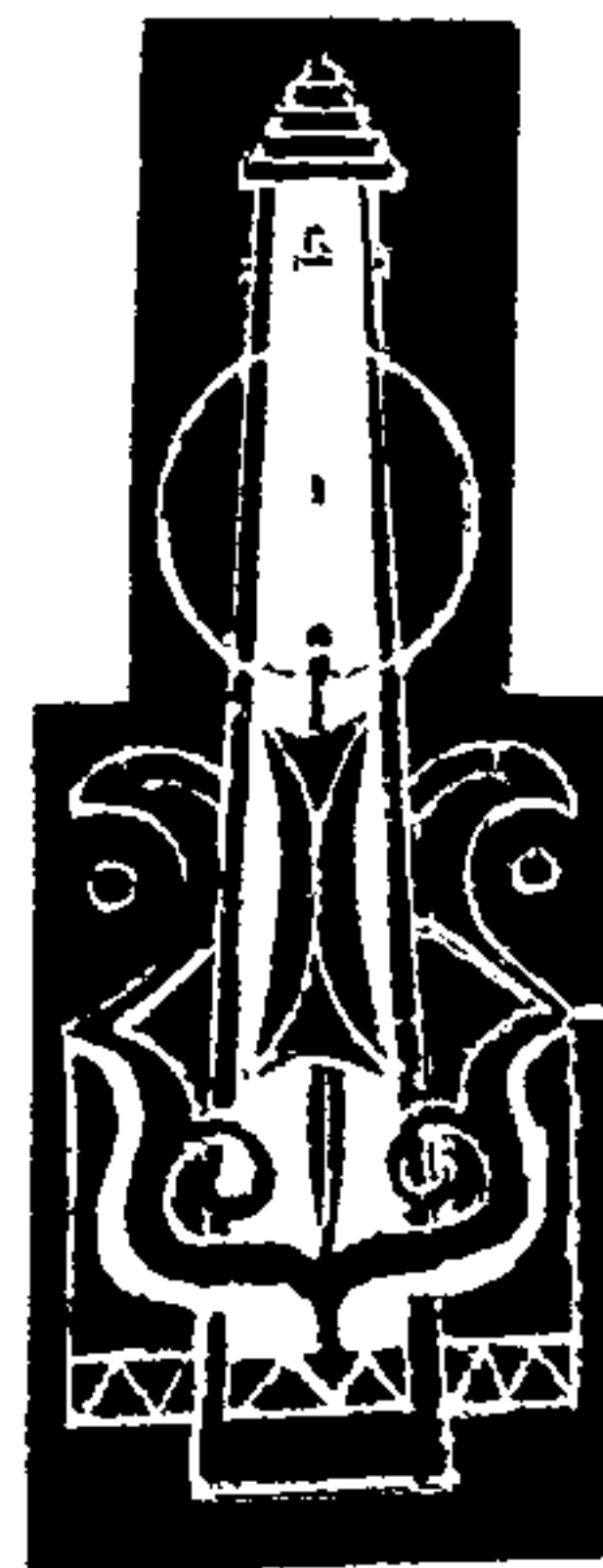

ИЛЛИ О СЫНЕ СТАРОЙ ВДОВЫ

Нет отца, кто бы дал совет,
И помощника-брата нет,
Не оплачет его сестра —
Он на белом свете один,
Как репей посреди двора,
Престарелой вдовы Сын.

Он собрался — вдовицын Сын,
Что на белом свете один,
Он пошел на праздник в аул,
И на празднике подмигнул
Той, кого он сладко любил,
Той, кого тайно любил.
И в ответ мигнула ему!
Как любимому своему.
Та, кого он сладко любил,
Та, кого украдкой любил.

Но заметил вдовы Сын,
Что на белом свете один, —
Вдруг увидел он в этот миг,
Что она глядит на других,
Что кивает она тайком,
Что мигает она глазком
Тем, кто был в походах удал,
Кто славы много достал.
И когда он вдруг увидал,
Сколь коварна она была —
Та, что сердцу его мила,

Та, кого любил с детских лет, —
Тошен стал ему белый свет,
Почернел он, как дно котла,
И еще чернее лица
Стало сердце у молодца.

Он покинул веселый пир,
Стал он думать, стал он гадать,
Почему он убог и сир...
«Как себя с другими сравнять,
С теми, кто в походах удал,
Кого народ героем назвал», —
Думал, в землю вперяя взгляд:
«Есть опасный край, говорят,
Та страна для калмыков — мать,
А пойдет туда кто чужой —
Не вернуться ему домой!

Он далек, этот край степной,
Где песок блестит под луной.
Там, среди привольных земель,
Князь галмацкий постлал постель.
Всех людей, что живут вокруг,
Князь-убийца ввергает в страх.
И большой, тяжелый сундук
У него стоит в головах.
Он казной золотой набит,
Князь недаром его хранит.

Если смерти князя предам,
На куски его изрублю,
Все богатство его раздам,
Между бедными разделю,
Осчастливлю нищих сирот, —
Стану я не хуже, чем тот,
Кто в походах бывал удал,
Кто в походах бывал удал,
Кого народ героем назвал!»
Успокоив себя на том
И опять посветлев лицом,
Распрямивши плечи и грудь,
Сын вдовы оседлал коня,
Не дождавшись белого дня,
Ночью отправился в путь.

Поскакал он во весь опор
И приехал на круглый двор,

В дом, где, мужа похоронив,
Сына в тяжких трудах возрадив,
Его старая мать жила.
К старой матери кант идет,
Чтоб согласие она дала
На далекий его поход —
Коль не даст согласия мать,
Молодцу удач не видать!

Чуть в кунацкую он вошел,
Лег и начал биться об пол,
Не щадя своей головы,
Он — единственный сын вдовы.

Принялся он рыдать, вопить:
— Сердце, сердце, скажи, как быть!
Если я не пойду в поход,
То любимая прочь уйдет,
Если ж в трудный поход пущусь,
Может, родины я лишусь!
Ненадолго притих, замолк,
И опять завыл, как волк.

Услыхав этот голос мук,
Мать-вдова поспешно пришла.
Согнута судьбой как лук.
И спина — круглее седла.

— Что случилось, мой бедный сын?
Ты, мой сын, у меня один...
Даже в люльке и то, сынок,
Так рыдать-кричать ты не мог!
Что за горе в твоей груди!..
Все прошу тебя рассказать!
Не томи загадкою мать,
Сердце старое пощади! —
Так просила сына вдова.
И, услышав эти слова,
Старой матери молвил сын,
Что на белом свете один:

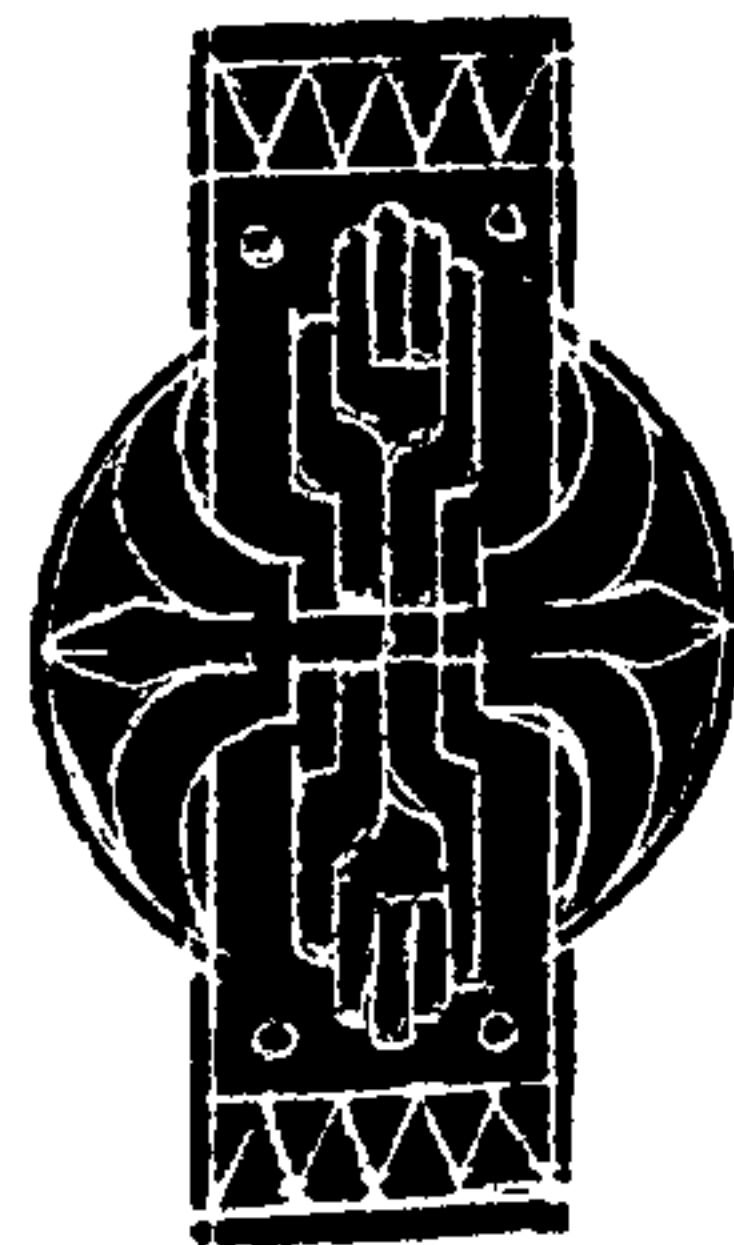
— Долгой жизни тебе, о мать!..
Все могу тебе рассказать:
Я пришел на праздник в аул
И на празднике подмигнул
Той, кого сладко люблю,
Той, кого тайно люблю
С той поры, как увидел свет.

И она мигнула в ответ.
Но заметил я в тот же миг,
Что она глядит на других,
Что кивает она тайком,
Что мигает она глазком
Тем, кто был в походах удал,
Кого народ героем назвал
Увидав такие дела,
Стал с лица я черней котла,
Что стоит на большом огне.
Почернело сердце во мне.
Пир тотчас я покинул, мать,
Начал голову я ломать,
Как себя мне с теми сравнять,
Кто в походах бывал удал,
Кого народ героем назвал...

И сказала вдова тогда:
— Не грусти, дорогой мой сын!
Погляди в камыши низин —
Бродят там, в камышах, стада...
Видишь стадо синих быков!..²
Ободришь, мой сын-молодец!
Стадо это собрал отец
В дни, когда он был жив-здоров.
Стадо это — твое, мой сын!
Ты — его хозяин один!
Никому его не отнять...
Разве скудно твое добро!..

— Бог с тобою, старая мать!
На боках у быков — тавро.
Стадо это отец собрал
В дни, когда я забот не знал,
Сосунком был средь сосунков,
Отличиться не мог в бою.
Вряд ли канты этих быков
За добычу сочтут мою!
Так ответил матери сын,
Что возрос без отца, один.

И сказала вдова тогда
Сыну, что без отца возрос:
— Ты взгляни, мой сын, вон туда,
На далекий этот откос,
Приглядись, мой сын-удалец!
Средь лесистых вершин видны
Резвых неукнов табуны...
Их тебе завещал отец.

Ты владеешь ими один,
Без отца оставшийся сын!
Разве доля твоя мала!..
Трудно тех коней сосчитать!..

— Будь счастливой, старая мать!
И тебе, и отцу — хвала!
Мне и впрямь отсюда видны
Мощных неукнов табуны.
Их отец когда-то собрал,
Я ж в ту пору в люльке лежал,
Я ж тогда сосал твою грудь,
О меня родившая мать!..
Разве станет их кто-нибудь
За добычу мою считать!!

И сказала старая мать:
— Где ж ты хочешь счастья искать!
Расскажи мне, сынок, скорей!
Поделись заботой своей!
Сердце матери не терзай!..

— Слушай, мать: есть опасный край,
Край калмыцкий, широкий, степной,
Где песок блестит под луной.
Кто пойдет туда, говорят,
Не найдет дороги назад.
Там, среди привольных земель,
Князь калмыцкий постлал постель.
Кровопийца, он всех вокруг
Повергает в жестокий страх.
Золотой тяжелый сундук
У него стоит в головах.
Чистым золотом он набит.
Князь калмыцкий его хранит.
Если князя смерти предам,
На куски его изрублю,
Все богатство его раздам,
Между бедными разделю,
Осчастливлю бедных сирот, —
Стану я не хуже, чем тот,
Кто в походах бывал удал,
Кого народ героем назвал,
Заслужу у кантов почет,
И свою любовь мне вернет
Та, кого сладко люблю,
Та, кого тайно люблю,
Будет милая мне верна...

— Трижды будь проклята она! —
Закричала вдова в сердцах. —
Будь отец ее вправду князь,
То она другим на пирах
Не мигала бы отродясь!
Нет, как видно, она из тех,
Кто любовных ищет утех,
Кто, придя на аульский сход,
Всем, кого ни встретит, мигнет!
Не княгиней на свет она,
А распутницей рождена!
И пошла, как видно, точь-в-точь
В мать-распутницу блудливая дочь!

Прокричав такие слова,
Повернулась, ушла вдова.

Солнце на небо не взошло,
В небеса луна не всплыла —
Сын вдовы взлетел в седло,
Дернул с лихостью удила.

Словно девушка, что идет
За того, кто ею любим,
Спешно кант собрался в поход,
Изукрашен оружием злым.
Блещет сабля его, как жар,
Как медведь, разъярен мажар.

Много времени проведя,
Много-много земель пройдя,
Кант увидел тот край степной,
Где песок блестит под луной.

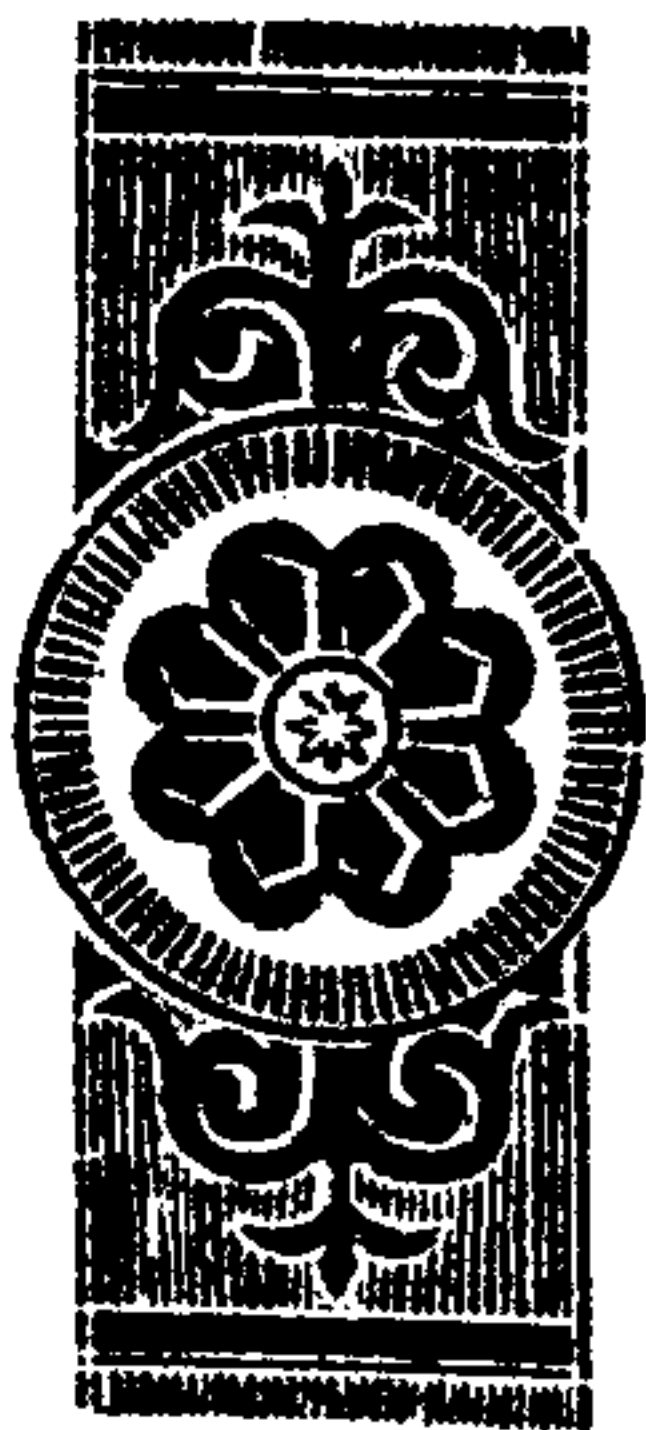
Видит он: среди степных земель
Из подушек мягких постель
Князь калмыцкий постлал-воздвиг.
Возлежал он рядом с женой,
И сундук с золотой казной
В изголовье стоял у них.

— Ассалам алейкум,
Ты, степной калмык!
— Ва алейкум салам,
Одинокий кант!
Ты скажи, какая беда
Привела тебя к нам сюда!
Ты куда собрался в поход!

Слышал, что о нас говорят!
Кто с оружием к нам придет —
Не найдет дороги назад!
И тебе, Сын старой вдовы,
Не сносить своей головы!
Проклянет свой удел вдова,
Навсегда с тобой распротяться...

Вот какие сказал слова
Черноликий калмыцкий князь.

— Я к таким словам не привык!
Придержи свой злобный язык!
Не хочу я простор степей
Пачкать алой кровью твоей!
Оставайся в твоей степи.
На постели спокойно спи
Со своей молодой женой,
Но сундук с золотой казной
Доброй волей мне уступи!
Смерти я тебя не предаю,
Тонкой саблей не зарублю —
Твое золото я раздам,
Меж сиротами разделю,
Осушу потоки их слез...
Соглашайся, презренный пес!
А иначе — не утерплю,
Быстрым порохом осмалю!
Вот какие сказал слова
Тот, кого растила вдова,
Кто без ласки отца возрос... —
— Не упрямясь, проклятый пес!..
Быстрым порохом осмалю
Или саблей зарублю!..

Саблю тонкую кант схватил,
Тут с постели князь соскочил,
За мажар свой взялся едва,
Не успел нацелить мажар,
Просвистел могучий удар —
Князя круглая голова,
С плеч слетев, покатысь и застыв,
Зачернела в траве густой...
Разломал сундук золотой,
И наполнил сумы свои
Вдовы престарелой Сын,
Что на белом свете один.

В переметных сумах — казна.
Тут калмыка-князя жена
Камнем пала канту на грудь,
На его забились груди:
— Милосерден к женщине будь!
Не казни меня! Пощади!
Я великой клятвой клянусь:
Коль оставишь меня живой, —
Сам живым вернешься домой!

Кант убить ее был готов,
Вдруг, однако, вспомнил наказ,
Тот, что в детстве слышал не раз
От почтеннейших стариков:
«Если женщину кто убьет —
Будет вечно несчастен тот!»³

— Будешь, жалкая, ты жива,
Не хочу твоей головы...
И, сказав такие слова,
В путь отправился Сын вдовы.

След его еще не простыл,
Закричала что было сил
Та, кому он жизнь подарил:
— Всем — позор! Всем князьям — позор!
К нам прорвался презренный вор!
Князь большой коварно убит.
Золотой наш сундук раскрыт,
И расхищена вся казна!.. —
Так кричала князя жена.

Услыхав этот страшный крик,
Оседлали коней своих
Стороны калмыцкой князя.
Все князя, все их сыновья
Мчатся вслед за Сыном вдовы...
Сколько их, сосчитать нельзя:
Столько, сколько в степи травы!

Налетели они толпой.
Разыгрался жестокий бой.
Словно осенью дождь иль град,
Из мажаров пули летят.
За мажаром палит мажар,
За ударом звенит удар.
Бьется с тучей врагов один
Престарелой вдовы Сын.

Одинок он в краю чужом,
Но мажар его, точно гром,
Бьет, крушит врага за врагом,
И слетают с коней князя,
Погибают их сыновья.

Но иссяк в мажаре свинец,
Больше нечем канту стрелять.
Чует он, что пришел конец...
Он ударами сабель сбит,
Неподвижно в степи лежит,
Головы ему не поднять.

Закричали тогда князя,
И князя, и их сыновья:
«То, что мы свершили сейчас,
Кроме нас, никто не свершит!
То, что сделали мы в этот раз,
Никому не дано изменить!»

И наполнив сумы свои
Золотою звонкой казной,
Повернули к себе домой
Все князя и их сыновья,
Уцелевшие в том бою.

В стороне калмыцкой степной,
Где песок блестит под луной,
На земле остался один
Престарелой вдовы Сын.

Там, в обнимку с синей травой,
Он лежит в крови, чуть живой,
Одинок кант-сирота,
Кровь стекает черной струей
Из его засохшего рта.
Он лежит, ни жив, ни убит...
Но еще не кончилась ночь,
Белый сокол к нему летит:
— Чем тебе я могу помочь! —
Молвил сокол. — Если могу,
Не щадя себя, помогу!

Отвечал ему Сын вдовы,
Не подняв с земли головы:
— Славный сокол, птица моя!
Если хочешь ты мне помочь,
Ты лети, ты лети всю ночь,

Прилети в родные края,
Где живет моя старая мать,
Та, что сына устала ждать...
Долети до ее окна.
Никого у старухи нет.
Муж — отец мой — покинул свет,
И осталась она одна,
Как репей во дворе пустом.
Расскажи ты ей обо всем,

Ты скажи: «В стороне степной,
Где песок блестит под луной,
Олененок твой смерти ждет.
Трудно дышит он, чуть живой,
Полон рот не горькой травой —
Горькой кровью наполнен рот.
Кровь комками во рту, в груди...
Если хочешь живым застать
Своего олененка, мать,
Поскорее к нему приди!»

Кончить слово кант не успел —
Белый сокол в небо взлетел.
Солнце выплыло из-за гор,
Над аулом взошло едва,
Как влетел тот сокол во двор,
Сел на дом, где жила вдова,
И она услышала вой
Над седой своей головой.

Вышла женщина из дверей —
Вой протяжный еще сильнее.
Не возьмет никак она в толк:
«Может, воет матерый волк!»
В дом вернулась вдова опять,
Все никак не может понять,
Кто там воет, не угадать.
«Не волчонок ли кличет мать!»
Вновь дошла вдова до ворот:
Вой как будто сверху идет,
Точно он поднялся, возрос.
С крыши капают капли слез.
Возвела она взор, глядит:
Сокол там, на крыше, сидит.
Плачет он и рыдает он,
Испускает за стоном стон.
Дик и страшен протяжный крик,
Но не ясен птичий язык.

Поднялась на веранду мать,
Стала с соколом толковать:
— Слушай ты, не рожденный мной,
Слушай, сокол вольный, степной!
Мой кормилец умер, когда
Я была совсем молода.
С ним, рыдая, рассталась я,
Одинокой осталась я,
Как репей на большом дворе.
Как я выла о той поре!..
Как вопила, судьбу кляня!..
Ты ж вопишь сильнее меня.
Что за горе горит в тебе!..

Сокол матери говорит
Человеческим языком:
— Я воплю о горе чужом.
В стороне далекой, степной,
Где песок блестит под луной,
Там, откуда, все говорят,
Не вернулся никто назад,
Там, — ты слышишь меня, вдова! —
Олененок твой смерти ждет,
А во рту не полынь-трава —
Горькой кровью наполнен рот.
По тебе он сейчас скулит...
Поскорее к нему приди!

Отвечала соколу мать:
— Сокол, что я могу сказать!!
Ты лети, лети впереди,
К олененку меня веди!..
Будь мне верным поводырем!
За тобою ночью и днем
В те степные пойду края,
Где лежит мой несчастный сын...
Ты у нас помощник один!
На тебя надежда моя,
Сокол, птица вольных степей!
Одинока я, как репей.

Лишь сказала эти слова,
Белый сокол тут же взлетел.
И летит, как пушинка, бел.
А за соколом, чуть жива,
Поспевая следом едва,
Судьбою согнута, как лук,
На кривой опираясь сук,
Спешит во всю мочь вдова.

Вот пред нею тот край степной,
Где песок блестит под луной,
Где лежит посреди равнин
Он — ее единственный сын...
— Что наделал ты, бедный сын!
Ты же, сын, у меня один!
Нас покинул рано отец!..
Если б здесь ты нашел конец,
Если б мать оставил свою,
Кто б — скажи! — меня прокормил!!
Если б здесь ты погиб в бою,
Кто б — скажи! — меня схоронил!!

Сын ответил старой вдове,
Что, как лук, согнулась над ним:
— Не могу остаться живым!
Здесь умру я, в синей траве!..
Если я возвращусь домой,
Бесславно вернусь живой,
Все меня подымут на смех,
Стану я посмешищем тех,
Кто в походах бывал удал,
Кого народ героем назвал!..
Если встану с земли живой,
Бесславно вернусь домой,
Повернется ко мне спиной
Та, кого я сладко люблю,
Та, кого я тайно люблю!..
Нет, с земли мне больше не встать!
Нет, меня родившая мать,
Видно, мне тебя не кормить
И не мне тебя хоронить!

Отвечала сыну вдова,
От печали едва жива:
— В дни, когда ты был слаб и мал,
В дни, когда ты в люльке дремал,
Упиралась коленом я
В землю, в черный пол земляной,
Белой грудью своей тебя
Я кормила, сынок родной!
Был таков мой судьбе зарок:
Хоть живется мне нелегко,
Пусть пойдет оно сыну впрок —
Мое белое молоко!
Видно, мой зарок не помог!
Не сбылись желанья мои!
Видно, больше пошло бы впрок
Молоко от черной свиньи!

— Перестань себя оскорблять!
Отодвинься в сторону, мать!
Посиди вон там, на траве!.. —
Белый сокол сказал вдове. —
Только солнце взойдет в зенит
И повиснет над головой —
Встанет сын единственный твой,
Сокол боль его исцелит.
Небесам я поклялся в том!
Белоперым своим крылом
Все его страдания сниму,
Канта на ноги подыму!
Хоронить вам рано его.
Заживут все раны его!

Услыхав такие слова,
Отошла в сторонку вдова.
Сокол, словно облачко, бел,
Над землей невысоко взлетел
И над кантом чертит круги...
Тронет рану концом крыла —
Глядь, закрылась и зажила
Рана, что нанесли враги!

Солнце только вошло в зенит, —
Мать глядит, и не верит мать:
Черных ран уже не видать.
Ни одна не кровоточит.
Белый сокол все залечил...
Встрепенулся, с земли вскочил,
Ожил вновь ее милый сын,
Что возрос без отца один!..

Говорит ей: — Вот я — живой!
К жизни соколом возвращен.
Ты пока что ступай домой,
Я в калмыцкий съезжу притон,
У князей сейчас отниму,
Отниму золотую казну.
То богатство бедным раздам.
Я добыл его для сирот...
Мать, иди домой!.. У ворот,
Может, встречу тебя я сам!..

На поджарого сев коня,
Гибкой плетью его гоня,
Он, во власти отваги лихой,
Поскакал за княжеской казной.

Свой шатер с золотой казной
Окружив цепочкой тройной,
Пировали шумно князя,
Ликовали их сыновья.
Ели-пили они, крича.
Говорили все сообща:
— Что свершили мы — кто свершит!!
Кто свершенное сокрушит!!

Сын вдовы, появившись вдруг,
На коне ворвался в их круг,
Тонкой саблей — могуч, удал —
Раскидал их всех, распугал.
Завладевши опять казной,
Так погнал он коня домой,
Что успел в аул прискакать
Раньше, чем возвратилась мать.

Придержав коня у ворот,
Стал скликать он бедных сирот:
— Приходите ко мне сейчас!
Я золото привез для вас,
Всех, что выросли без отцов!

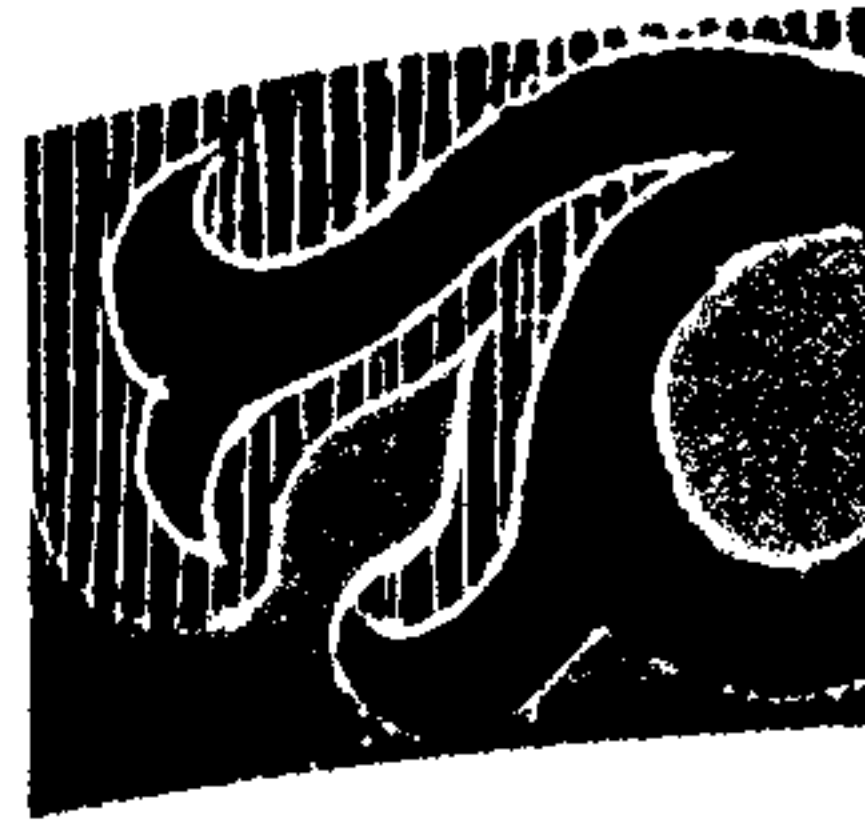
Кант свой зов повторил не раз,
Но услышала этот зов,
Раньше бедных, раньше сирот,
Та, кого он сладко любил,
Та, кого он тайно любил.

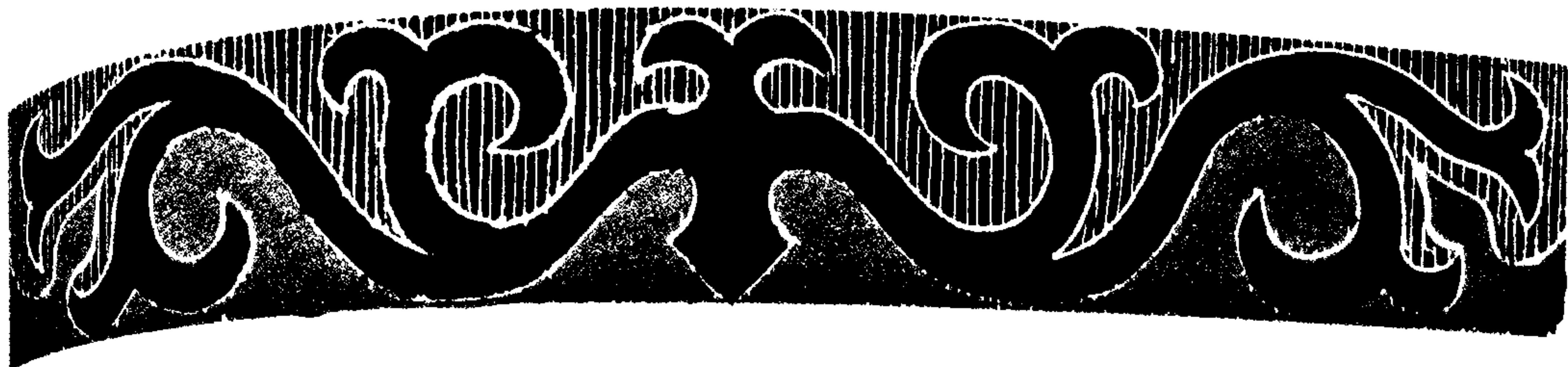
Стала, хитрая, у ворот,
Говорит, словно песню поет:
Милый мой, ты мне всех милей!
Ты любил меня с детских дней!
И тянулась я не к тебе ль,
Чуть оставила колыбель!!
Ну, кому золото пойдет!..
Ты кому его хочешь отдать!..
Верь, любимый, бедных сирот
Вспоит-вскормит родная мать,
Брат отца иль даже сосед...
Что тебе до чужих-то бед!
И добыча твоя пока
Так ничтожна и так скудна!..
Лучше этой своей казной
Поделись, любимый, со мной,
Той отдай, кого сладко любил,
Той, кого ты тайно любил...

Но сказал ей вдовый Сын,
Что возрос без отца, один,
Но ответил ей сирота:
— Мне б не видеть тебя никогда!
Зря тебя я сладко любил,
Зря тебя украдкой любил!
Вижу я: ты одна из тех,
Кто любовных ищет утех!
Головы моей не морочь,
Блудной матери блудная дочь! —
И прогнал, как собаку, прочь
Ту, кого он сладко любил,
Ту, кого он тайно любил.

А меж тем у его ворот
Много-много сошлось сирот.
Стал он им раздавать добро.
Отдал золото, серебро,
Ничего не взял себе сам.
И отправились по домам
Те, кого не взрастил отец...
Лишь тогда подросла вдова,
Приплелась его мать наконец.

И сказала она ему,
Сыну милому своему:
— Счастлив будь, мой желанный сын!
В час, когда ты лежал один
В стороне далекой степной,
Где песок блестит под луной,
Увидав тебя, сироту,
С кровью, что запеклась во рту,
Я припомнила свой зарок,
Заклинание матерей:
«Пусть пойдет оно сыну впрок —
Молоко из груди моей!»
И подумалось мне тогда:
В молоке моем — вся беда!..
А теперь, когда нам легко
И когда миновало зло,
Вижу я: мое молоко
Все ж на пользу тебе пошло!

ИЛЛИ ОБ УМЕ, СЫНЕ ТОВТЫ

Князь Юсуп был главою аварских князей.
Из тринадцати малых его сыновей
Дожил только один до пятнадцати лет,
Все же дожил!.. И в честь избавленья от бед
Князь решил соплеменников чтимых созвать,
И джигитов, народом любимых, созвать,
И наездников неутомимых созвать,
И красавиц, за скромность ценимых, созвать.
Подготовился к пиршеству княжеский дом:
Целый город насытиться мог за столом —
Столько было там яств, и питья, и сластей;
Тамады подготовились к встрече гостей.
Пир у князя Юсупа три дня уже шел,
Но обилен по-прежнему праздничный стол.
Веселились сердечно Кавказа сыны
И достойные дочери нашей страны.
Средь гостей именитых почет был не мал —

Третье место чеченец Муса занимал,
А чеченка, дочь Дуки, у всех на виду
Восседала второю в девичьем ряду.
Только Ума стоял из почтенья к Мусе.
Третьи сутки шумели безудержно все.
Вот (по знаку Юсупа) все ж узденям
Удалось прекратить несмолкаемый гам,
И аварских князей достославный глава
Обратил к приглашенным такие слова:

— Вы, друзья, — моего торжества украшенья,
И у вас, дорогие, прошу разрешенья
Откровенно сказать, что в душе у меня...
Нам осталось еще веселиться два дня.
Трое суток гостям угождал я, как мог,
Без обиды теперь мой примите упрек:
Столько славных джигитов я вижу вокруг,
Вы ж ни разу в молитве не вскинули рук,
Чтобы сын мой, который мне жизни дороже,
Прожил долгие годы по милости божьей!
Здесь сидят удальцы знаменитые наши,
Но ни разу, однако, не подняли чаши
Вы за сына единственного моего,
За пятнадцатую годовщину его!

Промолчали смущенные гости. Но вот
Справедливый сын Алаби слово берет:
— Князь Юсуп! Благоденствуй ты, счастьем согретый!
Ты ведь сам пригласил нас на празднество это,
Почему ж за столом, пред лицом узденей,
Укоряешь ты званых, желанных гостей?
Горько плачут народы по прихоти шаха,
У жестоких отцов дети плачут от страха,
Тамада указывает дорогу толпе, —
Князь аварский, быть сдержанным должно тебе,
Если хочешь гостей уваженья сберечь.

Князь Юсуп оценил прямодушную речь —
Стал Муса у мужчин тамадой нелукавым,
А у девушек — Кабиха, скромная нравом,
Смелый Ума, сын Товты, джигит молодой,
Был объявлен среди молодых тамадой.
Приунывшие гости опять веселились,
За здоровье хозяйского сына молились
И потом за его долголетье до дна
Осушали задравные чаши вина,
От души воздавая хвалу и отцу.
А когда торжество приближалось к концу
И уж гомон застолья гостям приедался,
Князь Юсуп на высокую башню поднялся.
Он вонзил свою шашку в зазор меж камней,
И, повесив медаль золотую на ней,
Он желанным гостям прокричал в тишине:
— Кто взберется на башню верхом на коне
И, медаль подхватив своей шашкой, сойдет, —
Награждается гирдою золота тот;
Серебро — победителю скачек я дам,
Вес его скакуна будет мерою там;

И получит любую из девушек тот,
Кто других в состязанье стрелков превзойдет, —
А отцу ее сам заплачу я калым.

Ездоки, вместе с солнышком встав золотым,
Выводили без седел поджарых коней
И старались удерживать ярых коней,
Натянув недоуздки из кожи дубленой.
Только Ума, сын Товты, наездник хваленый,
Оседлал скакуна. Люди, силы храня,
Стали сбрасывать лишнее платье с себя.
И один лишь чеченский джигит боевым
Опоясался тяжким оружием своим.
И Муса, тамада из чеченского края,
Подозвал к себе Уму, недоумевая:

— Ты послушай, сын Товты! Здесь каждый джигит
Разукрасить коня своего норовит —
Заплетают косичками гриву густую,
В хвост вплетают красивую ленту цветную,
Не седлают коня, — чтоб как птица летал, —
Ты ж черкесским седлом скакуна оседлал!
Облегчаясь, все сбросили лишнее платье —
Ты ж оружие свое надеваешь некстати.
И наездники эти, теряя покой,
Заподозрили, будто чеченец лихой
Не для скачек явился на праздник аварца,
А замыслил дурное, исполнен коварства.

И ответил сын Товты, обиды своей не скрывая,
На слова тамады из чеченского края:
— Не пастух я наёмный на пастбище князя,
Чтобы я на коне неоседланном трялся.
Не в Чечне я, чтоб сбросить с оружием пояс
И свободно расхаживать, не беспокоясь.
У коня моего-то повадка такая:
По тревоге он скачет, врага настигая,
На пирах помогает невесту достать.
Когда с турмалом¹ будешь ты с князем стоять
И увидишь, что я уже мчусь впереди,
Ты Юсупу скажи: «Поскорей уведи
Цветоликих красавиц, столь нежных на вид, —
Их тот бешено скачущий конь устрасит!»

Вот построились всадники в ряд. И когда
Третье слово сказал Ума — их тамада, —
Кони, с места рванув, полетели стрелою.

Князь следил издалека за скачкой лихою,
Чутким ухом улавливал топот и гул.
Вдруг он турмал подозрный Мусе протянул:

— Погляди-ка, сын Алаби. Кони до цели
Полдороги еще проскакать не успели,
А уже к крепостной кто-то близок стене!
То не твой ли товарищ на сером коне!

В ясный турмал Муса посмотрел и ответил:
— Князь, да будет твой жребий и счастлив, и светел!
Скачет Ума, сын Товты, на сером коне.
Этот конь настигает врага на войне,
Помогает невест добывать на пирах, —
Спрячь красавиц, которым внушает он страх.

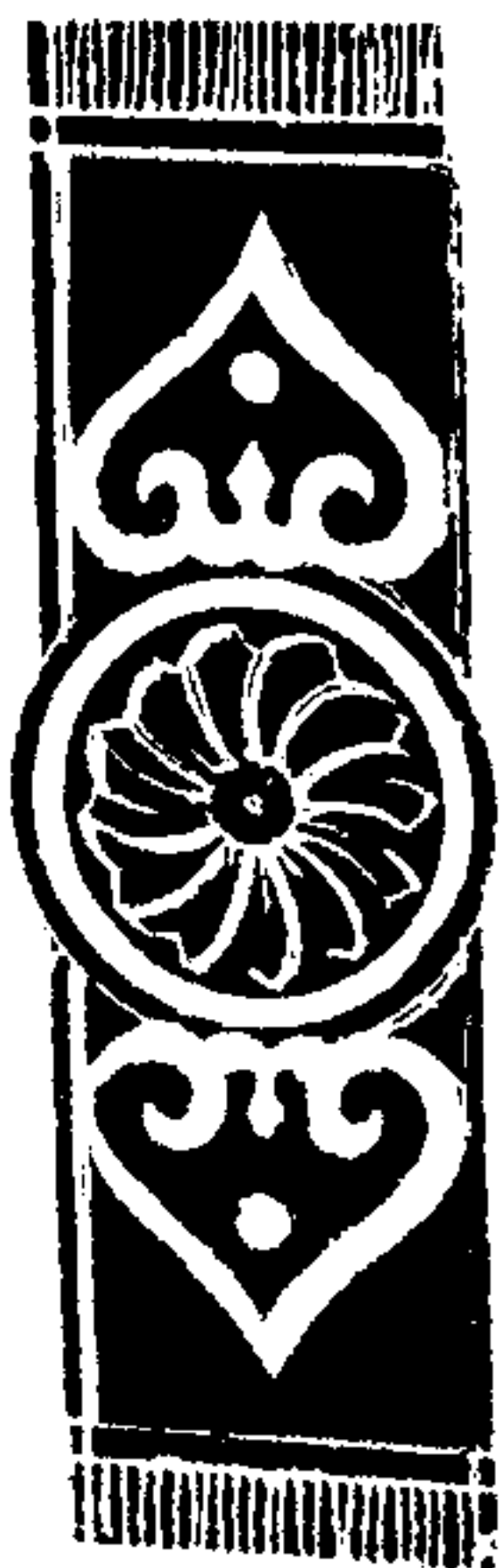
Гости встать не успели, как Ума с наскока
На коне через стол препрыгнул широкий,
Подхватив на лету полный кубок вина.
Так была им добыта награда одна.

Подскакали отставшие всадники к Уме,
Что стоял в стороне, погруженный в раздумье,
И сказали ему: — Что ты медлишь, сын Товты!
Разве с башни медаль доставать не готов ты!
Разве серому силы не хватит коню,
Чтобы золота гирду доставить в Чечню?
Иль серебряный пояс твой редкой длины!
Или перстням твоим нет числа и цены!

Так они, подзадорив чеченца лихого,
К состязаниям стали готовиться снова.
Надо было на башню по лестнице тесной
Подниматься верхом, а хватало там места
Одному человеку — и кони не шли;
С самых нижних ступеней, у самой земли,
Поворачивали ездоки скакунов.
И тогда-то сын Алаби, прям и суров,
Крикнул Уме, джигиту храбрейшего рода:

— Неужель испугался ты узкого хода!
Не лиши меня друга, пойдя, как герой,
Новой славою имя джигита покрой!

— Да лишусь я тебя, если жаден к награде,
Если гирды какого-то золота ради
Я заставляю потеть моего скакуна
Там, на лестнице, что и узка, и тесна!

я попробую все же, но лишь потому,
что я славы народу хочу моему.

Так ответил чеченский наездник известный
И направился к лестнице, узкой и тесной,
Поводной натянул до отказа ремень,
И, как испуганный гончими серый олень,
Он на башню взобрался, упорен и смел,
Тонкой шашкой медаль золотую поддел,
Отдышался и крикнул гостям именитым:
— Слава княжичу! Слава чеченским джигитам!
Пусть бесчестьем чеченских родов мы не станем,
Пред снохами дряхлей стариков не предстанем!
Как попавший на дерево тур круторогий,
На вершине той башни скакун тонконогий
Повернулся, спускаться по лестнице стал:
Он ногами передними грузно ступал
По ступеням, а сзади на круп опирался —
Шаг за шагом до выхода серый добрался.

Так чеченец, наградой двойной награжден,
Отличился среди юношей разных племен.

Когда солнце, садясь, пожелтело слегка,
Там, на выступе башни, поставил слуга
Желто-белую тыкву; потом он литой
Колокольчик на ней поместил золотой.
И уздень всем стрелкам объявил наперед:
— Превратится в раба тот, кто тыкву пробьет,
Кто пробьет колокольчик — уедет с невестой!

Без прицела, а просто по стенке отвесной
Стрелки из кремневок стреляли, боясь
В желто-белую тыкву случайно попасть.

И сказал сыну Алаби Ума: — Пожалуй,
Эти славные парни палят как попало,
Чтобы не угодить ненароком в рабы.
Испытаю я меткость прицельной стрельбы
Восьмигранной кремневки моей. Если я
Попаду в колокольчик — в родные края
Возвращусь я с тобою; а тыкву пробью —
Не увижу Чечню дорогую мою.
Быть рабом у Юсупа себя не заставлю:
Пусть погибну потом, и его не оставлю!

И, прицелившись, выстрелил Ума с колена —
Колокольчик был пулей расплюсчен мгновенно,

И комок золотой Ума поднял с земли,
Отдал княжеским слугам, а те отнесли
Повелителю тот колокольчик разбитый.
Князь Юсуп подозвал молодого джигита,
И, чеченцу хвалу воздавая, тогда
Поднял полную чашу с вином тамада!
Все мужи молодца величали, и только
Малодушные парни породы нестойкой,
Что, почти не борясь, начинали сдавать,
С победителем стали теперь враждовать.

Князь аварский свое обещание помнил:
Красным золотом гирду из липы наполнил,
Серебра навалил еще весом с коня
И чеченцу сказал, его меткость ценя:
— А теперь можешь девушку выбрать себе.

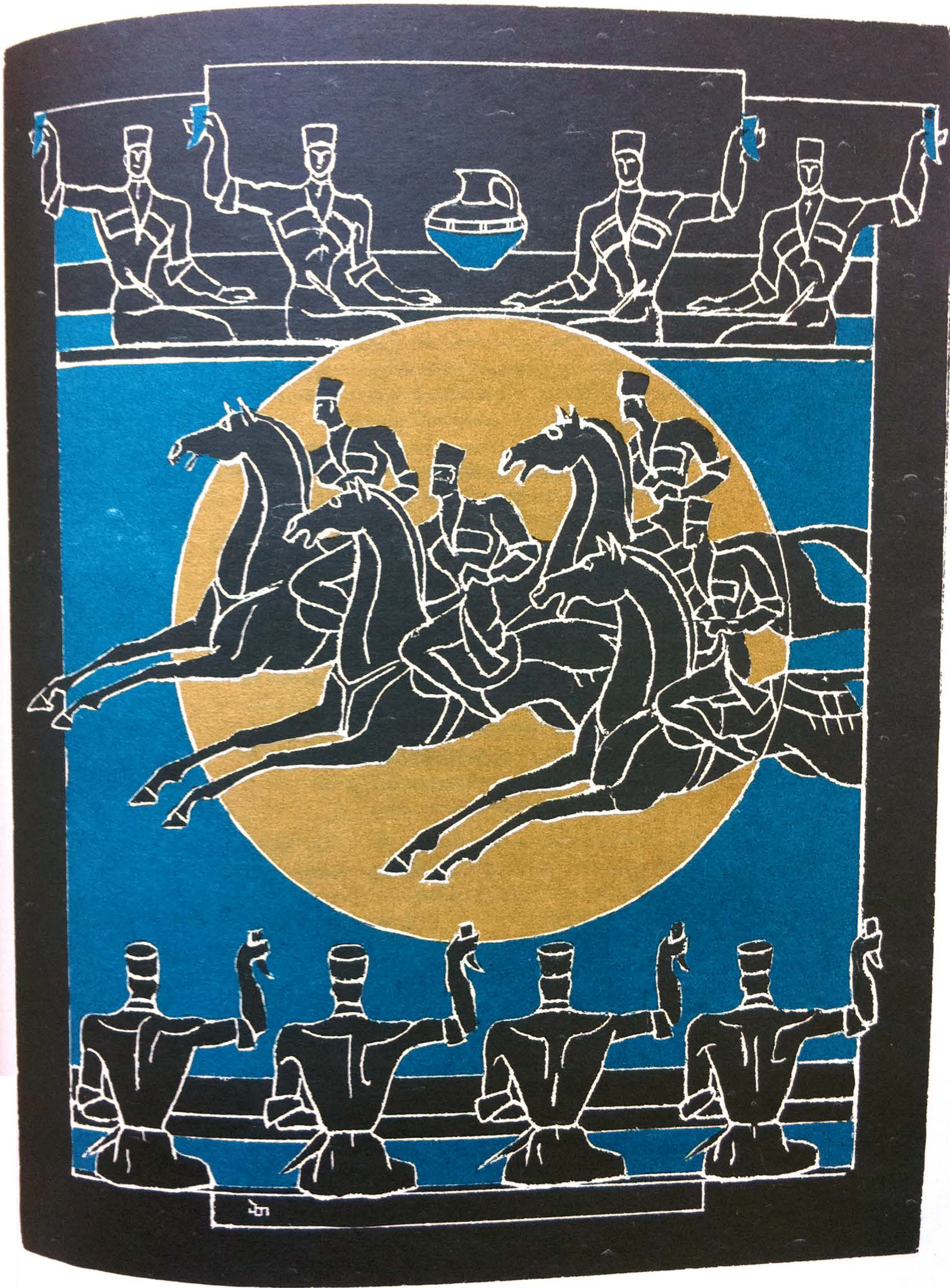
Так ответил ему победивший в борьбе:
— Не привычен ходить под поклажей мой серый.
Среди тех малодушных, что злобой горят,
Раздели золотой и серебряный клад.
Откажусь я от выбора девушки тоже —
Мне при старшем — Мусе — это делать негоже!
Я к девицам коня моего подведу,
Пусть он сделает выбор в девичьем ряду.
Если я той красавице тоже понравлюсь,
С нею вместе домой я охотно отправлюсь!

И к коню обратился он с просьбой такой:
— Укажи-ка, мой серый конек дорогой,
Кто мне станет женой, а тебе госпожою!
И, потряхивая своей гривой густою,
И помахивая горделиво хвостом,
Приподняв свои чуткие уши торчком,
Не спуская с красавиц разумного взгляда,
Серый конь прогулялся вдоль девичьего ряда
И, кумычку одну госпожою избрав,
Потянул осторожно ее за рукав.

— Собирайся, краса, коли по сердцу Ума!
А с родителем дело я слажу без шума, —
Повелел той кумыкской красавице князь.
Будто нехотя воле его покорясь,
Лишь приличию будто бы следуя строго,
Начала собираться кумычка в дорогу.

В доме князя последняя пляска шумела,
И чеченец с кумычкой плясали умело.

Тут заметил сын Алаби, бывший на страже:
Что о чем-то племянники шепчутся княжьи.
И сказал он тогда земляку-удальцу:

— Эти княжичи зло замышляют бесстыдно,
И на серого зарится кто-то, как видно.
Не теряя коня, да и жизни самой,
Возвращайся-ка лучше немедля домой.
— Позволь мне остаться! — ответствовал Ума. —
Какая о нас тут останется дума!!

Вот окончилось пиршество. Княжеский двор
Покидали веселые жители гор.
После шумных и памятных праздничных дней
И чеченцы своих оседлали коней.
Примостилась за Умой кумычка-невеста,
А чеченка опять заняла свое место
За Мусой, и отправились всадники в путь.

А в ауле друзья, не успев отдохнуть,
Разговор прибаутками разнообразя,
О событиях на пире аварского князя
Аульчанам рассказывали без конца,
Услаждали слова их чеченцев сердца.
А для Умы с красивой кумычкой его
Уж готовили свадебное торжество.
Собрались во дворе все джигиты округи,
Были письмами вызваны дальние друзья;
Пировали, пока по ночам и по дням
Веселиться не надоело гостям.

Понанесших подарки друзей проводив
И на выпас в табун скакуна отпустив,
Наконец-то сын Товты на отдых прилег.
В этот час, когда после забот и тревог
Обитатели мира заснули давно,
Поднял Уму пастух, постучавшись в окно.
Обливался он кровью, израненный весь, —
Так под ливнем худой протекает навес.
С тонкой шашкой булатной, обутый в чувяки,
Вышел Ума во двор, утопавший во мраке:
— Спешься, гость мой желанный, и в саклю войдем,
С чем пришел и откуда, — обсудим вдвоем.
Он на гостя взглянул, зажигая огонь,
И без слов догадался: пропал его конь!

Первым делом, занявшись пришельцем неожиданным,
Приложил он целебные снадобья к ранам,

Накормил, напоил, отдохнуть ему дал
И потом лишь о деле расспрашивать стал:
— Мир с тобою, табунщик отважный, живи!
Когда я увидел тебя в ранах, в крови, —
Что лишился я серого, понял я сразу...
А теперь твоему я внимаю рассказу.
— Я с тремя пастухами табун этот пас,
А воров было много, и трое из нас
Были сразу убиты, я — ранен. Ватага
Мне какую-то в руку вложила бумагу
И умчалась, забрав из всего табуна
Одного лишь коня — твоего скакуна. —
Так закончил пастух свой печальный рассказ
И письмо похитителей отдал тотчас.

Уложив пастуха, вышел из дому Ума,
И всю ночь по двору прошагал он угрюмо,
За сигаркой сигарку курил, почернев,
Иногда напевал невеселый напев,
С нетерпеньем об утре далеком мечтая,
Как о вечере — волчья голодная стая.
А когда наконец он дождался рассвета,
Разбудил молодого годами соседа,
Попросил прокричать аульчанам о том,
Что в горах обнаружены трупы. Потом
Он больного табунщика отдал родным
И бумагу прочел с грамотеем одним.

«Здравствуй, Ума! — писалось в ней русским письмом. —
Ты покинул с победою княжеский дом.
Там, на празднестве, сердце твое было радо,
Что сердцам всех джигитов печалиться надо,
А теперь твой скакун, что бежал впереди,
Сам растопчет его в опустевшей груди!
Серый конь твой за то, что на том состязанье
Обесчестил он лучших коней в нашем крае,
Разлучен будет нынче же ночью с тобой.
И с кремневкой своею, что меткой стрельбой
Устыдила все ружья стамбульской работы,
Ты еще попадешься нам, Ума, сын Товты!»
И чеченский джигит помрачнел потому,
Что писавший письмо неизвестен ему.
От утрате коня его сердце болело,
Сокрушала тоска его крепкое тело.
Отобрав удалцов, знаменитых в Чечне,
Разослал их сын Товты по горной стране.

Но друзья ни воров, ни коня не нашли
Ни в горах, ни в долинах кавказской земли.
Храбрый Ума, бессонным встречавший зарю,
Написал всех кавказских ловцов главарю,
Проживавшему в Грузии Бухте-грузину.
Тот ответил: «Поведай угона причину.
Если ради наживы украли коня,
Отыскать его будет легко для меня.
Если ж угнан из мести он или вражды —
Сам ищи похитителей ловких следы».

И тогда, ни на чью не надеясь подмогу,
Приготовился Ума, сын Товты, в дорогу.
Он у друга на время разжился конем,
Снарядился — оружие было при нем, —
А на случай несчастья свое завещанье
Произнес он любимой жене на прощанье.

Закричала жена, начала голосить
И супруга любимого стала просить:

— Серый конь твой примчал меня с пира сюда,
От отца и от матери взял навсегда;
Серый конь твой исполнил судьбу повеленье —
И меня он увез из родного селенья.
Мой любимый, мой сладколюбимый, поверь,
Что я больше, чем ты, огорчаюсь теперь.
Я надела б одежду отца твоего,
Опоясалась верным оружием его...
Мне сын Алаби не отказал бы в коне;
Если б серый нашелся в чужой стороне,
Я бы первой погладила бок его гладкий;
Если б наши враги нас настигли и в схватке
Ты на землю свалился бы замертво вдруг,
Я бы тело твое повернула на юг,
И омыла б тебя, и в тени сберегла бы,
Пригодившись тебе, я поплакать могла бы!
Повезет нам — на сером дорогой прямой
Мы с чужими конями вернемся домой.
А не будет удачи, коня не найдем —
Этот солнечный мир мы покинем вдвоем...
Пусть умру — без меня не поедешь, мой милый!

И любимая Умы коня раздобыла
И была в тот же день в путь-дорогу готова.
И сказал ее спутник, садясь на гнедого:
— Да не знаешь ты горя, подруга моя!
Ты увидишь такие степные края,
Что устанешь их светлым охватывать глазом:

И такие пройдешь перевалы, что разом
Станет сердце твое колотиться в груди! —
И еще он любимой сказал: — Погоди,
я припомнил: когда меня князь одарил,
раньше всех свое черное сердце раскрыл
Некий всадник заносчивый... Именно там
Начинать свои поиски следует нам.

И пустились они по кратчайшей дороге,
И спустились к равнине, минуя отроги,
Проверяя пасущиеся табуны,
В городах средь шумной толпы,
На майданах встречающихся крепостей
Все прислушивались к разговорам людей.
Иногда доходили такие слова:
У аварского князя, мол, в дни торжества
Некий Ума, сын Товты, живущий в Чечне,
Славу многих джигитов понизил в цене.
Говорят, этот Ума коня потерял.

И чеченец опять табуны проверял,
И в селеньях расспрашивал жителей снова,
Но следов не нашел скакуна дорогого.

И кумычка, и Товты настойчивый сын,
Говорят, очутились на землях грузин.

На окраине города сделав привал,
Где из жителей местных никто их не знал,
Отдыхали пришельцы из дальней Чечни,
А коней поpastись отпустили они.
И когда за едой они молча сидели,
Подошел к ним какой-то грузин и, о деле,
Их приведшем, спросив, удалился спеша.
Неспокойной была у чеченца душа:
Не похоже, что то любопытство простое!
И к коням он направился было с уздою,
Как приблизился всадник грузинский к нему.

— Здравствуй, гость чужеземный! — сказал он ему. —
Если вправду ты Ума, тот самый, который
У аварца на пире победою скорой
Узденей того князя в позоре оставил
И чей конь самых быстрых коней обесславил, —
Здесь опасно остаться тебе на ночлег!
Подходивший к тебе до меня человек
Был лазутчиком подлых людей, что гурьбою
Нападут, чтоб расправиться ночью с тобою.

Возвращайся в Чечню, дожидайся меня,
я тебе с наступлением пятого дня
Кое-что о пропавшем коне расскажу,
А затем кое-что предпринять предложу.

И последовал Ума совету благому —
Он с любимой направился к отчому дому.
Двух заемных коней, как приехал в аул,
С благодарностью добрым владельцам вернул.
И, подобно гонимому гончими туру,
Что хотел бы из собственной выскочить шкуры,
Серым волком, томящимся в тесной норе,
Живущим мечтой о вечерней поре,
Птичкою, сжатой кем-то в руке, —
Беспокойный чеченец метался в тоске
Эти четверо суток, пока наконец
Не приехал из Грузии добрый гонец.
Он в горницу гостя-грузина завел,
Усадил за уставленный яствами стол,
Напоил его светлую русскою водкой,
Уложил на целительный отдых короткий
И спросил о коне. Рассказал ему гость:

— Молодцы, на тебя затаившие злость,
Жребий бросили, кто тебя должен убить;
Им коня твоего удалось захватить,
И потом он был Бухте-грузину подарен.
Этот Бухта, который хитер и коварен,
Опасался, пока ты еще не убит,
На твоём иноходце, что столь знаменит,
Появляться открыто — и спрятал его.
Ты коня своего не найдешь оттого,
Что у Бухты везде есть сообщник-кунак,
Он не только таких джигитов вожак —
Он тепсарки-князя любимейший зять;
Чтоб красавицу-дочку у Тепсарки взять,
Двух князей он ограбил и их табуны
Отдал жадным родителям юной княжны.
Совершились недавно события эти,
И для Бухты жена всех дороже на свете.
Коль сумеешь ее увезти от него,
Ты получишь в обмен скакуна своего.

— А скажи мне, — сын Товты у гостя спросил, —
Чтобы справиться, много ли надобно сил?
Если в доме у Бухты большая охрана,
Я, пожалуй, один-то соваться не стану!

— Повезло тебе, Ума, сын Товты, не скрою:
Раз в неделю по средам, вечерней порою,
Отправляется Бухта на Койсу-реку,
Чтоб добычу делить на ее берегу.
До рассвета гуляют сообщники там.
В эту ночь ты сумеешь управиться сам,
А в иную — бери с собой десять дружков.

И отважного Умы ответ был таков:
— Говорят старики: в незнакомом краю
Трудно гончей настигнуть добычу свою.
Ты в ту ночь на четверг покажи нам дорогу!

Тот сказал: — Чтобы мог я с моим соплеменником драться,
Мне бы надо с тобой подружить, побрататься.
Чтоб не сослепу сблизиться нам и не вдруг,
Мне бы надо узнать, что ты стоишь как друг!
До среды в моем доме ты гостем побудь, —
Может, к дружбе с тобой нам отыщется путь.

Взял соседского юношу Ума с собою,
У сородичей близких расстался с женою.
И двинулись в путь два чеченца с грузином.
С каждым часом и днем на пути этом длинном
Их согласие росло, отраду неся им.
Так до цели они уж добрались друзьями.

У грузинского витязя в доме джигиты
Отдыхали с дороги и ели досыта,
И за чарою чара ходила по кругу,
Укрепляя их близость, их верность друг другу.
Вот канун четверга долгожданный настал —
И радушный хозяин коня оседлал,
А гостям он сказал: — Продолжайте беседу.
Обиталище Бухты разведать поеду
И вернусь, не помешкав! — и канул во тьму.

И любимая Бухты в пустынном дому
В одиночестве сладкой тоской тосковала:
То ходила по горницам и распевала,
То, стихая, на пестром лежала ковре.
А ее похититель уж был во дворе.
Кнутовищем в окно постучался он вдруг,
И как только красавица вышла на стук,
Наклонился с коня, подхватил ее, сжал,
Прошептал: «Если крикнешь — ответит кинжал!» —
И мгновенно убрался с добычею прочь.

Полдороги до утра прошла уже ночь.
Отдал женщину всадник гостям из Чечни
И сказал, чтоб покинули город они:
— Если мы до зари не расстанемся с вами,
Со своими расстанемся мы головами.
Неминуемой не ожидая погони,
Да умчат вас из Грузии добрые кони! —
И гостей проводил их грузинский кунак,
И окутал чеченцев предутренный мрак.
Подгоняя коней на равнинах холмистых,
Отпуская поводья на тропах скалистых,
От погони добычу свою увозя,
Приближались к родному аулу друзья...

Сыну Товты, дабы не случилось беды,
Многомудрые дали совет тамады:
Так как Бухта силен и не знает пощады,
А ватага его многочисленна, надо
Эту женщину спрятать на первых порах
Там, где птицы гнездятся, — высоко в горах.
Так и сделал сын Товты. А в узком ущелье,
Где легко в одиночку держать на прицеле
Даже тыщу в атаку идущих бойцов,
Он двенадцать своих посадил молодцов,
Сам же он со стамбульской кремневкой в руке
Затаился за скалами невдалеке.

Когда начало солнце к закату клониться,
На тропе показалась коней вереница.
Это двигался Бухта. Но вот на засаду,
Что внезапно открыла огонь по отряду,
Он наткнулся и, враз потеряв пятерых,
Отступил. Конский топот растаял, затих.
Вышел Ума, сын Товты. Внимательным взором
Он присматривался к бесконечным просторам,
К шуму ветра прислушивался на высотах,
И ходил, и ходил, забывая про отдых.

И такое посланье от Бухты пришло:
«Да умри ты, сын Товты, содеявший зло!
Как туман на деревьях в безветренный день,
Как в стране, где нет барсов, беспечный олень, —
Так лежала жена моя в доме моем.
Но, как волк, что на пастбище рыщет ночью,
Из отары, где нет чабана и овчарки,
Невозбранно берет годовалую ярку, —
Ты похитил жену мою, свет моих глаз,
Когда из дому я отлучился как раз.

Если ты мне жену возвратишь, я прощу
И возмездье людей от тебя отвращу».

Вот что Бухте-грузину отвечивал Ума:
«Да умри ты скорей, а пугать и не думай!
Будь угрозы твои даже столь велики,
Что могли бы в горах растопить ледники,
А геройство речей твоих, с бурею споря,
Усмиряло б волнение синего моря, —
Все равно ты себе не сумеешь помочь!
Не затем я выкрадывал Тепсарки дочь,
Чтоб по первому слову какого-то вора
Возвратить, устрашившись исчадья позора.
А увез я подругу твою для того,
Чтоб ее обменять на коня моего».
И разгневался Бухта, лишенный отрады.
Он на тыщу врагов заготовил заряды,
Всех друзей, чтобы с делом покончить, собрал,
И великое множество гончих собрал,
И за поиски в горной стране принялся.
Он пустил своих гончих в густые леса,
Он ходил по долинам, бродил среди скал,
И немало аульских саклей обыскал,
Но с пустыми руками вернулся обратно.
И тогда, потерпев неудачу двукратно,
Он к чеченцу с письмом обратился опять.

Знавший грамоту Уме помог прочитать:
«Здравствуй, Ума, сын Товты! — в письме говорилось, —
Где, в каком тайнике твоя гордость укрылась!
Что же, Ума, сын Товты, ты прячешься так,
Что в лесах недоступен для гончих собак,
Если ты был настолько отважен и смел,
Что ни в саклях чеченских, хоть все обойдешь,
Ни в убежищах горных тебя не найдешь!!
Что любимую Бухты похитить сумел,
И настолько теперь в своих силах уверен,
Что супругу ее возвратить не намерен, —
В воскресение пестробазарное это
Ты приди на Дако, где и в жаркое лето
Дуют злые метели над снежной тропой.
Не бери, кроме шашки, оружия с собой,
Не бери никого из товарищей ратных —
На вершине сразимся на шашках булатных».

Грубым камнем точильным направлен клинок,
До конца лезвие наострил оселок, —
Это Ума готовился к схватке смертельной.

И в назначенный день на вершине метельной,
На Дако с острой шашкой поднявшись один,
Он увидел: сидит под скалою грузин,
И у ног его рядом с булатным клинком —
Толстошкурый бурдюк с кахетинским вином.

И приблизился Ума к нему, говоря:
— Здравствуй, Бухта-грузин! Чем искать меня зря
По лесам, по горам, по чеченским селеньям,
Разве раньше не мог ты письмо с приглашеньем
Написать мне заморским пером золотым?
Я, как золото красное, недостижим
Для бездельников. Теми ж, которым я нужен,
Как тебе, я могу быть легко обнаружен,
Для таких я, как летом трава, вездесущ.
Там, внизу, на равнинах, — палящая сушь,
Здесь — нетающий лед нерушимых вершин,
Здесь, рубясь, мы поляжем и спор завершим.

— Здравствуй, Ума, сын Товты, пришедший свободно!
Отдохни-ка на этой вершине бесплодной,
Где метель разгулялась над снежной тропой.
Напоследок давай погуляем с тобой —
Мой серебряный рог с кахетинским вином
Мы осушим, а после сражаться начнем.

И весь день удалцы на Дако попивали
Кахетинское, но наслаждались едва ли —
Только головы им горячило вино,
А сердца их не воспламеняло оно.
Когда солнце, садясь, золотило вершину,
Обратился отважный чеченец к грузину:

— Поднимайся-ка, Бухта, оставим бурдюк,
Через час почернеют все горы вокруг —
В темноте же размахивать шашками трудно.
Если в сердце тревога, гулять — безрассудно,
Не залить нам ее и грузинским вином!
И давай наперед согласимся в одном:
Головы не склонять, не окончивши боя.
Начинай — самый первый удар за тобою!
Ведь позорно замужнюю женщину красть,
Я виновен, и вправе ты первым напасть.

— Да живи ты, сын Товты, счастливо и долго
У меня и друзей, и товарищей много,
Но такого, чья стойкость испытана, — нету.

5

я тебя на вершину суровую эту
Пригласил не затем, чтоб убийцею стать, —
Мне хотелось лишь храбрость твою испытать.
Оказалось, не дрогнешь испуганно ты,
Пусть хоть небо на землю падет с высоты!
Так зачем дознаваться, чья шашка острее,
И тела свои делать добычей зверей!!
Лучше будем друзьями до смертного часа.
Если хочешь, ты в Грузию можешь примчаться,
Вместе с милой моею приехать ко мне;
А не хочешь — на сером твоём скакуне
Я отправлюсь в Чечню и прибуду в твой дом.
— Коль к себе приглашу, сам же скажешь, что я
Усомнился в тебе, недоверье тая.
А приеду к тебе — ты же можешь подумать:
Пожалел на гостей поистратиться Ума!
Выбирай, посоветуй мне, как поступить.

— А вот так... — молвил Бухта. — Должны мы распить
Этот рог с кахетинским, докончить бурдюк.
А решение утром появится, друг! —
И они тот последний серебряный рог
Пополоам осушили как дружбы залог.

На вершине, где дуют и летом метели,
Незаметно ночные часы пролетели.
А как солнце взошло над горою светло,
К отдохнувшему Бухте решенье пришло:
— Получив от меня приглашенья бумагу,
Отбери молодцов, проявивших отвагу,
Настоящих мужчин и достойных людей,
С ними в Грузию, друг, приезжай поскорей!
И в желанных друзей превратившись отныне,
Попрощались бывшие враги на вершине.

Вывел Ума заложницу из тайника.
Он, как дочери князя, жене кунака,
Оказал ей почет, поудобней устроил,
Рассказал о случившемся и успокоил,
И в жилище чеченца они уже вместе
Ожидали от Бухты условленной вести.
А грузин приглашенья друзьям разослал,
Он ковер на широком дворе разостлал,
На столе золотую расставил посуду,
Из ореха сиденья расставил повсюду,
Чтоб разумней гостей рассадить дорогих.
Подобрал для джигитов джигитов лихих,
А для зрелых мужей — собеседников равных,
Пригласил он на праздник и девушек славных.

Подготовился Бухта достойно, с умом,
А затем селенье с долгожданным письмом
расторопного юношу к Уме отправил
На коне его сером, что Уму прославил.

Сына Товты в тот полдень сморила жара.
Но внезапно к нему донеслось со двора
Столь привычное, слух услаждавшее ржанье,
Только серому принадлежавшее ржанье!
Этот незабываемый голос узнав,
Храбрый Ума к любимцу метнулся стремглав...
В теплой гриве чеченец лицо свое прячет,
Плачет Ума, и конь его, кажется, плачет.
А когда поутихло волненье сердец,
Подал Уме письмо тот грузинский гонец.

И откликнулся Ума на дружеский зов:
Он с Мусой отобрал удалых удалцов,
Настоящих чеченцев-мужчин отобрал,
Как в поездку к невесте, коней разубрал,
Для себя он в ауле разжился конем,
Своего ж — под грузинским оставил гонцом.
Он вскочил на гнедого, довольный судьбой,
Посадил он любимую Бухты с собой,
За собою построил посланцев Чечни,
И отправились в Грузию в гости они.

На границе их встретили с радостью бурной,
Заливались пандуры и медные зурны,
Как товарищей верных, как близких людей
Принимали грузины чеченских гостей.
И друзья веселились за трапезой длинной,
Ели досыта, пили грузинские вина.
Укреплялся, собравшись под дружеский кров,
Этот разноплеменный союз храбрецов!

Нагулялись джигиты на пире друзей
И, чтоб добрым хозяевам не надоест
И не дать постареть той приязни взаимной,
Уезжали из Грузии гостеприимной.
Чтобы не были дружбы обеты забыты,
На прощанье менялись оружием джигиты,
И, ценя побратимство превыше всего,
Отдал Бухте сын Товты коня своего.
Но грузин побратиму сказал своему:
— Пусть твой серый послужит тебе одному!

Без тебя он лисою визжал по утрам,
Без тебя он, как волк, завывал по ночам,
И слезами его вся земля напилалась.
Я к бедняге такую испытывал жалость,
Что извелся совсем, сокрушаясь о нем.
Ты не должен расстаться с любимым конем!
Мы с тобою сдружились до смертной поры —
Будет время дарить дорогие дары.

Возвещая отъезд, завершая веселье,
Зазвенели пандуры и зурны запели,
И чеченцев грузинского края сыны
Провожали до самой границы страны,
А с границы те славные гости одни
Поскакали по горным дорогам Чечни.

**ИЛЛИ О КНЯЗЕ МУСОСТЕ И О СУРХО,
СЫНЕ АДЫ, ЖИВШИХ У БЕРЕГОВ ТЕРЕКА**

Новый аул основал князь Мусост.
Мужей известных собравши по вызову,
Мужей безвестных собравши по выбору,
Новый аул основал князь Мусост.
Старцев аула призвал князь Мусост.
К князю по вызову старцы являются.
Старцы с почтеньем пред ним склоняются.
— Салам алейкум, наш князь Мусост.
Вот мы явились, как нам приказал ты,
В гости ль, по делу ли нас призвал ты?
— Звал вас по делу. Прошу я сейчас
Дани двойной, небывалой от вас.
— Горько нам слушать тебя, князь Мусост!
Отец твой был князем, а мать княгиней.
Князем и сам ты являешься ныне.
Мы же простые и темные люди.
Ты разоришь наших жен и детей,
Грех тебе, князь, пред ними будет.
Стыдно тебе перед князьями будет.
Дани такой не бери ты с людей.
— То, что решаю я, сбыться должно.
Что запрещаю — забыться должно.
От вас ожидаю дани двойной.
Больше им князь не сказал ничего.
Старцы в печали ушли от него.
— Небывалую дань мы не в силах внести.
Где ж храбреца, где героя найти,
Чтобы он свергнул Мусоста жадного?
Вспомнился тут им сын Ады, Сурхо.

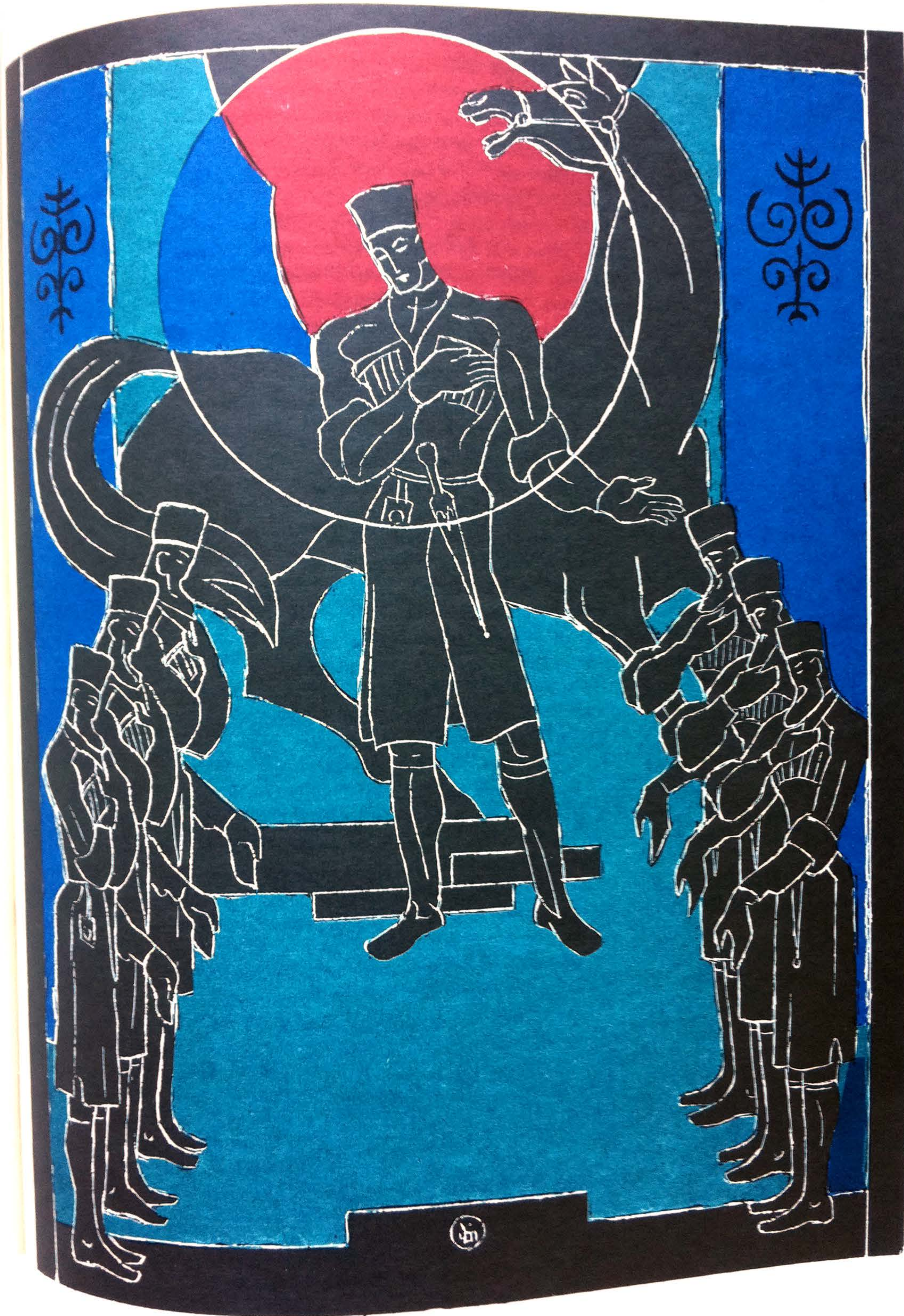
Конь у Сурхо, сына Ады, лихой,
Сердцем герой сын Ады, Сурхо.
— Упросим мать, что Сурхо родила,
Чтобы нам сына она отдала.
К дому Сурхо старики подошли,
Шапки свои во дворе они сняли,
Все как один на колени упали
И пред крыльцом распростерлись в пыли.
Вышла к ним мать молодого Сурхо,
Вышла, приветствовала стариков.
— Что привело, старики, вас сюда:
Добрая воля иль злая нужда?
— В дом твой по собственной воле пришли мы.
Нужен Сурхо нам, твой сын родимый.
Подвиг ему одному лишь по силе.
Сына отдай нам! — так старцы просили.
— Старцы, окиньте вселенную взглядом!
Старцы, вы вслушайтесь в сердце мое!
Кроме Сурхо, никого у меня нет,
Он и отрада, и счастье мое.
Но родила я Сурхо моего
Не для того, чтобы нежить его.
Вам, если надо, отдам я его. —

Так старикам отвечала она.
Спал ее сын и не знал ничего.
Нежно дотронувшись до него,
Сына она своего разбудила.
— Не время спать, мой родной Сурхо, —
Время вставать, дорогой Сурхо, —
Утро совсем не для сна наступило.
— Ты разбудила меня, родная,
Но для чего разбудила — не знаю.
Что же случилось — ответь, родная!
— Старцы аула пришли за тобою.
Старцы просили тебя им отдать.
Я им не в силах, мой сын, отказать.
Если они твою душу потребуют —
Вырви из тела, отдай им душу...
Выслушав мать, с постели поднялся,
Выбежал к старцам Сурхо молодой.
— Старцы почтенные, вас я приветствую.
Вам ли склоняться передо мной?
Молод еще я, вы ж мудры и седы.
Выполню все я, что нужно вам.
Душу свою, если надо, отдам.
Сердцем я предан вам, сердцем вам верен...
Вам ли стоять на коленях пред дверью?
Встаньте же, старцы!.. (И старцев он поднял).

Горе какое грозит вам сегодня!
Горе, что кружится в небе над вами,
Меткою пулей своею собью,
Гнет, что вгрызается в вас зубами,
Тонкою шашкой своею зарублю. —
Так им сказал Сурхо, сын Ады.
Старцы аула ему отвечали:
— В нашей печали Мусост повинен,
Лютая жадность Мусоста преследует —
Дани двойной, небывалой он требует.
Просим мы: свергни ты князя Мусоста.
Храбрый Сурхо наш, не знающий страха,
Свергни ты жадного князя Мусоста!
— Я еще молод. И в силах я разве
Свергнуть Мусоста, могучего князя?
Братьев у князя Мусоста есть много,
Всех их Мусост призовет на подмогу.
— Мы тебе братьями будем тоже.
Мы тебе свергнуть Мусоста поможем.
Храбрый Сурхо наш, не знающий страха,
Храбрый Сурхо собирался молча.
Вышел он к старцам в бешмете белом.
Черную бурку на плечи накиннул он.
Серую шапку на брови надвинул он.
Шашку (клинок с головою волчьей)
Взяв вместо посоха, шагом смелым
Двинулся в путь он к дому Мусоста.
Старцы шагали вослед Сурхо.
Жил князь Мусост от Сурхо далеко,
Но быстро пришли они к дому Мусоста.
Из дому князя Сурхо вызывает.
— Салам алейкум, наш князь Мусост.
— Алейкум салам, — ему князь отвечает.
— В гости ль, по делу, сын Ады, пришел ты?
Старцев зачем за собой привел ты?
— Князь, я — по делу. Ответить прошу я:
Правда ль, что подать ты просишь двойную?
Отец твой был князем, а мать княгиней.
Князем и сам ты являешься ныне...
Дань небывалую просишь ты с нас...
Князь, мы простые и бедные люди,
Грех тебе будет и стыд тебе будет
Так обижать наших жен и детей.
Дани огромной не требуй с людей.
Вот с какой просьбой к тебе пришел я.
Князь отвечает, нахмурясь сурово:
— Ты ль мне указывать будешь, мальчишка!
Вместе со старцами, жалкий трусишка,
Прочь уходи подобру-поздорову.

То, что решаю я, сбыться должно,
Что запрещаю — забыться должно.
Подать двойную сберите быстрее!
Подать двойную вносите скорее!
Гневно Мусосту сын Ады ответил:
— Черт бы побрал тебя, вора-князька!
Раб ты, дурак наихудший в свете,
Помесь холопа и ишака!
Все, чего ты боишься, сбыться должно.
Все, к чему ты стремишься, забыться должно.
Подати мы не заплатим двойной.
Жалким трусишкой назвал тут меня ты.
Завтра узнаешь, князек проклятый,
Ведом ли страх мне, Сурхо, иль неведом.
Землю твою всю, что царь московский
В старые дни подарил твоим дедам,
Землю твою с заливными лугами,
Пастбища лучшие вместе с полями
Я отберу. И своими руками
(Смерив канатом и вырыв канавы)
Землю твою разобью на участки
И разделю их между земляками.
Старцы, на площади в час рассвета
Вы соберитесь! Я с вами вместе
Княжеские отберу поместья.
А чтоб Мусост без земли не остался,
Вдовый участок дадим ему, старцы. —
Так речь закончил Сурхо, сын Ады.
Вечером дома, от князя вернувшись,
В комнате, где принимают гостей,
Юный Сурхо постелил постель
И до рассвета уснул спокойно.
Утром погожим Сурхо пробудился.
Солнце всходило, и день был прекрасен.
Лошадь Сурхо, как невесту, украсил,
Сам, словно девушка, принарядился.
В путь собрался он. И свора борзых
Вкруг него прыгала, лая и воя.
Стая орлов, ему верных, ручных,
С криком вилась над его головою.
Сдерживая свою лошадь горячую,
Грозным оружием весь обвешанный,
Волка храбрее, медведя грознее,
Едет Сурхо дорогой своею.
Мчатся борзые его, визжа,
В небе ручные орлы кружат.
Скоро приехал Сурхо, сын Ады,
К площади той, где встречу назначил.

Дальше с аульскими старцами вместе
Ехал Сурхо наш до княжьих поместий.
Здесь на участки поместье Мусоста
Он разделял, обмеряя канатом,
Вместо границ вырывая канавы.
Кончил он дело свое до заката.
Земли, принадлежавшие князю,
Распределил он между земляками.
— Время в аул возвращаться вам, старцы.
Я же один здесь желаю остаться.
Грусть обуяла меня отчего-то.
Грусть я хочу поразвеять охотой.
К дому, к аулу направились старцы.
Он же в поместье Мусоста остался
И занялся молодецкой охотой.
Зверя бегущего ловят борзые.
Птицу летящую пуля сбивает.
Раненых птиц когтями хватают
И добивают орлы ручные.
Так развлекался охотой сын Ады.
После, когда надоело охотиться,
Наземь он спрыгнул, коня расседлал,
Вместо подушки седло свое взял,
Лег и укрылся он буркою черной,
Лег он, сжимая оружие грозное.
И на земле, у Мусоста отнятой,
Крепко Сурхо молодой задремал.
Но беспокойно Сурхо наш спал.
Видал во сне он невесту-красавицу,
Ту, о которой он годы мечтал.
Видал он, будто невеста-девица,
Та, на которой хотел он жениться,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
Полон тревоги, Сурхо пробудился.
Пóтом горячим во сне он покрылся.
— Плохо мне спится в поместье Мусоста.
Скоро ли смерть постучится к Мусосту! —
Так сам себе он спросонья сказал,
После прилег и опять задремал.
Но, задремавши, увидел он
Тот же тяжелый, тревожащий сон.
Видал он, будто невеста-девица,
Та, на которой хотел он жениться,
Та, о которой мечтал он издавна,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
Видал он, будто бы мать Мусоста
Ныне на шумном пиру веселится.

Мать же Сурхо в печали томится,
Плачет, узнавши о свадьбе Мусоста.
Будто раненый зверь, Сурхо востепенулся,
Быстро вскочил и к коню он рванулся,
Быстро коня своего оседлал,
Сел на коня и домой поскакал.

— Небо и звезды, ответьте вы мне:
Сбудется ль то, что я видел во сне?
Тонкою плетью коня он стегал.
Конь все быстрее и быстрее скакал.
Скоро домчал его конь лихой.
Скоро примчался храбрый Сурхо
К дому матери родной.

Мать со слезами встречает его.

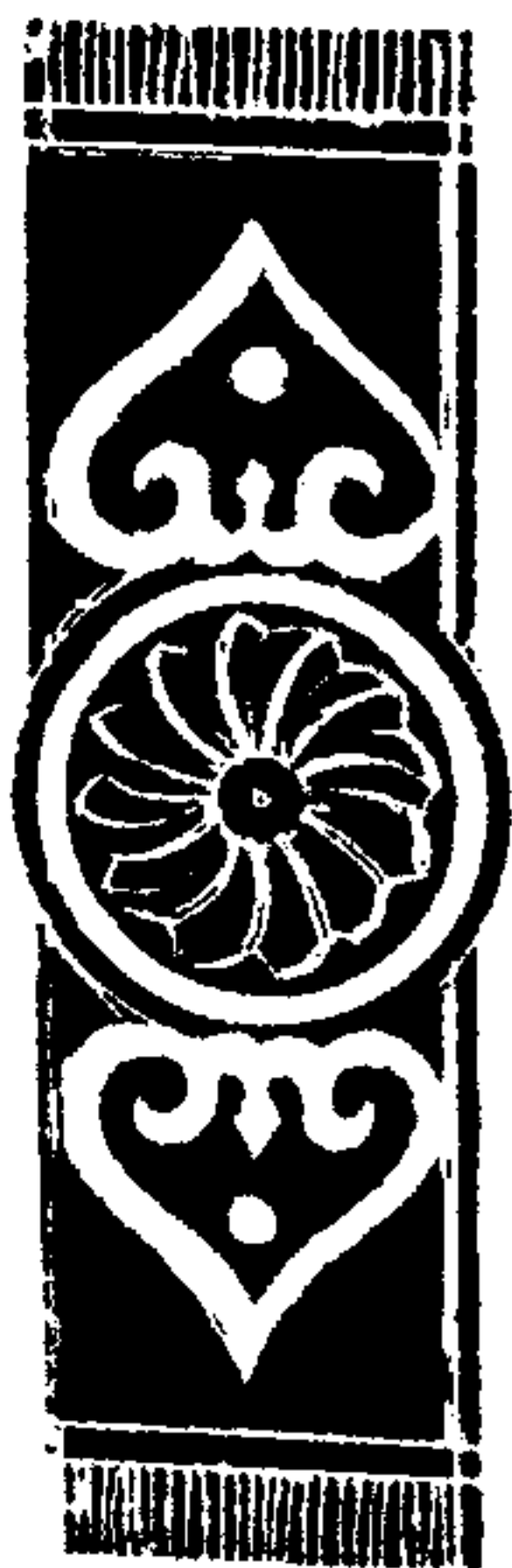
— Мать, дорогая, ответь мне сейчас,
Горе какое свалилось на нас?
Плачешь ты так, как над мертвыми плачут.
Что твои слезы горячие значат?

— Сын мой родимый, пришло к нам несчастье.

Сердце мое разрывают на части
Вести о том, что красавица-девушка,
Та, кого я полюбила издавна,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
В час, когда мать Мусоста ликует,
Мать твоя плачет, томится, горюет.
Плакать заставь ты Мусостову мать,
Сын мой. Иль век нам покоя не знать.
Сын мой, заставь обливаться слезами
Женщину ту, что смеется над нами!
Выслушав вести печальные эти,
Храбрый Сурхо, повернув коня,
К дому Мусоста помчался, как ветер.

К дому Мусоста Сурхо прискакал,
Спрыгнул на землю, коня привязал.
Шашки эфес сжимая рукою,
Быстро вошел он в покои Мусоста.
Там за столами княгини сидели,
Там за столами князя сидели,
Все веселились, и пили, и ели.
И, словно солнце, что тучкой прикрылось,
Скрытая под занавескою белой,
Здесь же в почетном углу сидела
Та, по ком сердце героя томилось.
— Салам алейкум, — сказал Сурхо
Тем, кто на свадьбе врага пировали.
Встав со скамеек при виде Сурхо,
— Алейкум салам, — князя отвечали.
— Если к нам в гости, Сурхо, ты пришел,
Сядь на почетное место за стол.

Жирного мяса есть вдоволь тут.
 Водки прекрасной тебе подадут.
 Если скучаешь и хочешь развлечься,
 Наши княжны тебя развлекут.
 — Все ваши яства противны мне,
 Мне ваша водка противней вдвойне,
 Ваших княжон не надо мне, —
 Так отвечал им Сурхо, сын Ады.
 Старший князь подошел к Сурхо
 С чашею, полной вина дорогого:
 — Кубок почетный тебе подаю,
 Выпей и дай мне заранее слово
 Выполнить первую просьбу мою.
 И отвечает Сурхо: — Я не знаю,
 В чем заключается просьба твоя.
 Может быть, просьба твоя такая,
 Что не смогу ее выполнить я.
 — Просим тебя, не смущай невесту,
 Не для чего заговаривать с ней.
 Любит красавица князя Мусоста,
 Замуж идет по охоте своей.
 — Выполнить просьбу твою не могу я,
 Должен невесту мою дорогую
 Сам расспросить я. Пусть даст мне ответ,
 Любит Мусоста она или нет.
 Если пошла добровольно она,
 Свадьбе я больше мешать не буду.
 Если же силою принуждена,
 То без нее не уйду я отсюда.
 Путь заслонил ему брат Мусоста:
 — Пропадом, подлый Сурхо, пропади!
 Труса, тебя мы не пустим к невесте.
 Лучше — покуда ты цел — уходи.
 Станет женою Мусоста красавица.
 В доме Мусоста невеста останется.
 Брату Мусоста ответил Сурхо:
 — Здесь не придется остаться невесте.
 Ты же останешься здесь, на месте,
 Ибо погибнешь ты смертью плохой.
 Из пистолета османского выстрелив,
 В сердце он брату Мусоста попал.
 Насмерть ужаленный пулею быстрою,
 Тот бездыханным на месте упал.
 Дулом второй пистолет направил
 Храбрый Сурхо на князей других.
 Взглядом грозящим молчать их заставил,
 Ужас навел на врагов своих.
 Все без движенья застыли на месте,
 Страх им и ноги и руки сковал.
 Храбрый Сурхо подошел к невесте,

Вот что Сурхо невесте сказал:
— Что мне ответишь, красавица-девушка!
Скажешь, что любишь ты князя, — тогда
Я распрощаюсь с тобой навсегда.
Если же скажешь, что князя не любишь ты,
В дом свой тебя как жену дорогую
Из дома князя сейчас уведу я.

Девушка шепчет:

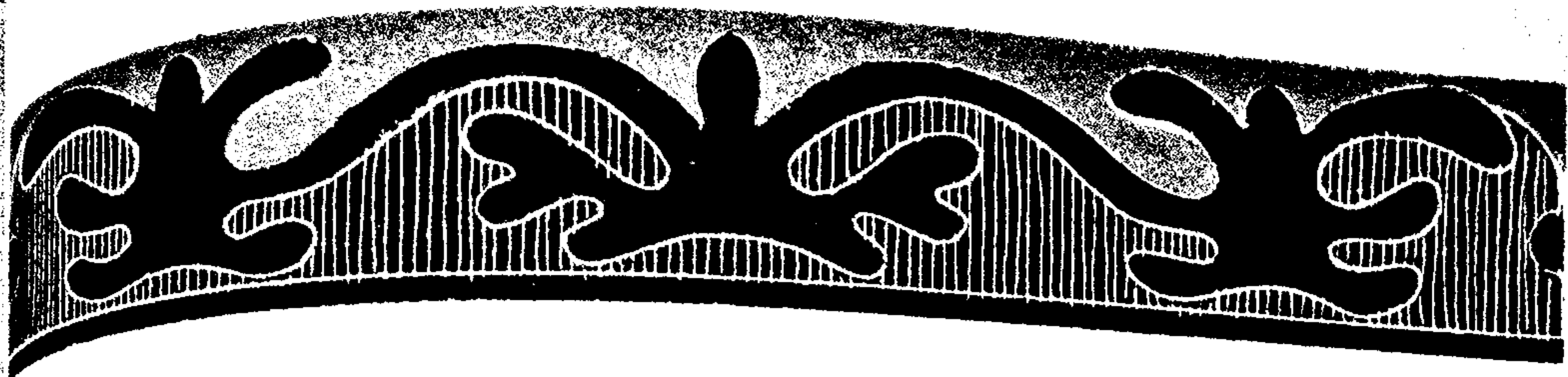
— Сурхо, сын Ады,
Здесь у Мусоста мы, в доме чужом,
Здесь ни о чем говорить не надо.
Мы побеседуем в доме твоём. —
Девушка нежно к Сурхо прикасается:
— Выйдем отсюда. — И вместе во двор
Вышли, обнявшись, Сурхо и красавица.
Сели на лошадь, помчались в опор.
Едет Сурхо со двора Мусоста.
Там веселившихся княжеских жен
Плакать от горя заставил он.
Там он, Мусостова брата убив,
Плакать заставил князей молодых.
Горькие вести дошли до Мусоста:
Земли Мусоста Сурхо поделил,
Брата убил и невесту отбил.
Вести такие дошли до Мусоста.
С шашкою острой, с ружьем, стремглав,
Лошади в спешке не оседлав,
Мчится Мусост за Сурхо в погоню.
Слышит погоню Сурхо, сын Ады,
Спрыгнул Сурхо с гнедого коня,
Видя, что к схватке готовиться надо.
Спрыгнул и князь Мусост с коня.
Крикнул он громко: — Сурхо, сын Ады,
Что же ты медлишь! Стреляй в меня.
— Где мне стрелять — я стрелок плохой.
Трусом ты, князь, называл Сурхо.
Первым стрелять предлагаю тебе я.
Трус я, а земли твои разделил,
Брата убил и невесту отбил.
Трус я — стреляй же, Мусост, поскорее.
Вскинул Мусост ружье кремневое,
Выстрелил в сына Ады, Сурхо.
Чуть покачнулся Сурхо после выстрела,
Словно под ветром камыш сухой.
Вскинул Сурхо ружье кремневое,
Выстрелил, в сердце Мусосту попал.

Пулею меткою насмерть ужаленный,
Наземь Мусост бездыханным упал.

И, возвратившись к невесте с трофеями,
Вспрыгнул Сурхо на коня опять.
В гору въезжая — с конем он играет,
Книзу спускаясь — невесту ласкает.
Скоро приехал Сурхо с невестой
К дому, где жил он, где ждали его.
Вести услышав, от радости мать
Тут же в ограде пустилась плясать,
Сына Сурхо, удальца, восхваляя.
— Мальчики все, что родятся ныне,
Схожими быть с моим сыном должны.
Если не схожими будут, иными, —
Жить оставаться они не должны!
С крепкой любовью, с мечтами красивыми
Зажили дружно Сурхо и красавица.
Песнь о герое на этом кончается.

ИЛЛИ О ГЕХИНЦЕ¹ ГАНИ

А шелку надето столь много на ней,
Что хватит на сотню богатых семей,
И столько серебряных бляшек на ней,
Что хватит на сбрую для сотни коней,
А ветер вершинный платочком играл,
А ветер долинный кувшином бренчал,
Как шла за водою Сестра семи братьев.
Гани средь джигитов стоял молодых.
Бешмет на нем белый, а бурка черна,
Папаха на нем в завиточках крутых,
По самые брови надета она.

А как увидал он Сестру семи братьев,
Запрыгало сердце под белым бешметом
Шальным жеребенком, что резвится летом.
Домой возвратился сын жеро* Гани,
И скрипнул засовом конюшни тесовой,
И звякнул он звонко чеканной уздечкой,
Уздечкой с серебряной тонкой насечкой,
И вывел гнедого коня молодого,
И быстро домчался — быстрее ветерка —
До чистого, словно слеза, родника,
Где тихо журчала вода на закате,
Где грустно стояла Сестра семи братьев.

Сказал ей сын жеро, гехинец Гани:
— Не будь несчастливой, Сестра семи братьев!
Как ядрами пушка, как пулей ружье,
Словами заряжено сердце мое!

* Жеро — здесь: вдова.

Ему отвечала Сестра семи братьев:
— В стрельбе и беседе искусны чеченцы,
Так выстрели словом, что жжет твое сердце!

И так ей ответил гехинец Гани:
— Едва оперившись, летать научившись,
Летит из родного гнезда голубица,
Шелками одевшись, как солнце, зардевшись,
Из дома родного выходит девица.
Тебя полюбил я, Сестра семи братьев,
Давай же мы свадьбу сыграем с тобой,
Как голубь с голубкой, гнездо мы соведем.

Ему отвечала Сестра семи братьев:
— Когда бы лежал ты в проклятом краю,
Где требуют выкуп за павших в бою,
В траве росяной да в росе кровяной
И острую саблю держал бы в объятьях,
К тебе бы примчалась я первой из первых,
Скорее джигитов, друзей твоих верных,
К тебе бы примчалась, как быстрый скакун,
Что мчится вперед, обгоняя табун!

И так ей ответил гехинец Гани:
— Не будь несчастливой, Сестра семи братьев!
Должно быть, не белый ручной голубок,
А перепел² дикий попался в силлок,
Тот перепел серый перо обронил
И юное сердце твое полонил.
Он радуется сердцу твое, несомненно,
Как лошадь голодную радуется сено,
Как много товаров — купца-иудея.
Египетской тонкой иголкой владея,
На мраморе шелком не вышить узор —
Не стоит без толку вести разговор!

Хотел он уйти, но Сестра семи братьев
Сказала: — Зачем ты назад отскочил,
Как бык, что дубинкой удар получил!
Словами хотела тебя испытать я —
Вот так же пытаются клинка остроту,
Когда разрубают лозу на лету.
Всю правду теперь расскажу тебе я:
Приедут за мной Сала-Тау князя,
Отцу дадут саблю — ревун-обезьяну³,
А матери — шелк золотисто-багряный,
А братьям дадут семь горячих коней.
Меня для себя ты отбей у князей,
Иначе вовеки не буду твоей.

Ответил Гани: — О Сестра семи братьев!
Не стану тебя у князей отбивать я!..
Сказал, разозлился гехинец Гани
И прочь удалился гехинец Гани.
Печаль и тоска молодца одолели,
Пришел он домой и постель постелил,
И спать он улегся на мягкой постели,
Себя с головой одеялом укрыл.

А утром, когда еще звезды мигают,
Когда с небосклона луна убегает,
Когда безмятежно он спал-почивал,
А брат его младший коров выгонял, —
Князя Сала-Тау приехали вдруг.
И мальчик увидел, как скачет отряд,
Услышал, как ружья по звездам палят,
И стадо поспешно он выгнал на луг,
И ветра быстрее вернулся назад,
И начал будить в нетерпенье Гани:
— Вставай поскорее, о старший мой брат!
В недоброе утро ты сон прогони,
Что нынче под солнцем творится, взгляни!

Гани произнес: — О мой маленький брат!
Какое несчастье свалилось на нас,
Что спать мне нельзя в этот утренний час!
И мальчик ответил: — Случилась беда —
Князя Сала-Тау примчались сюда
За девушкой той, что ты выбрал любя.
О старший мой брат, заклинаю тебя,
В ауле давай на князей нападем,
Давай мы невесту твою отобьем!
Хоть мал я, но службу тебе сослужу —
В горячем сраженьи коня подержу, —
С князьями мы сладим с тобою вдвоем.

И, брата жалея, Гани произнес:
— Не будь несчастливым, о младший мой брат!
Не надо в ауле ни крови, ни слез,
Пускай из аула уедет отряд,
А там, на дороге, извилистой, горной,
Князей догоню я, настигну проворно
И в жарком бою отниму, отобью
Избранницу сердца, невесту мою.
Ступай же, мой брат, и на улице жди,
За всем и за всеми ты в оба гляди.
И острую саблю проверил Гани,
И выскользнул в двери проворно Гани.

А мальчик стрелою помчался на сход,
Туда, где толпою собрался народ,
Нырнул сквозь толпу и пробрался вперед.
И вышел к джигитам молоденький князь,
И стал говорить он, кичась и хвалясь:
— Не будьте несчастными вы, молодцы!
Вы все как один гордецы, удалцы,
А где тот храбрец, что красавицу эту
Любил и невестой своей называл?
Куда он девался, куда он пропал!
Он струсил, должно быть, коль здесь его нету!

Остался бы этот вопрос без ответа,
Но крикнул гехинец, сын жеро меньшей,
Подросток с отважной и гордой душой:
— Я молод годами, я многих моложе,
И мне говорить прежде старших не гоже,
Но все же скажу тебе: трус, не хвались!
На горной дороге, смотри, не споткнись!
На длинной дороге не встретиться с бедой!..
И вздрогнул испуганно князь молодой.

Сестра семи братьев, подобно лисице,
Которая шкурой своей тяготится,
Своей красотой тяготилась постылой,
Своей красою, отныне немилрой,
Когда ее братья бранили, ругали,
Князя когда брали под белые руки,
Хвалили, ласкали, в повозку сажали.
В толпе она брата Гани увидала
И гордым князьям со слезами сказала:
— От дома вдали я зачехну в разлуке,
Дозвольте, с собою в чужие края
Я мальчика, брата меньшого, возьму.
И мальчика взять разрешили князья.
И руку она протянула ему,
Меньшому братишке гехинца Гани,
И рядом в повозке уселись они.

Заря разгорелась на небе пожаром,
И, в жаркое небо паля из мажаров,
Коней повернул и уехал отряд.
А мальчик привстал, обернулся назад,
Как будто бы что-то искал на дороге.
К повозке князя подскакали в тревоге:
— Прекрасной невесты молоденький брат,
Зачем ты привстал, обернулся назад,
Что видишь, что ищешь вдали на дороге!

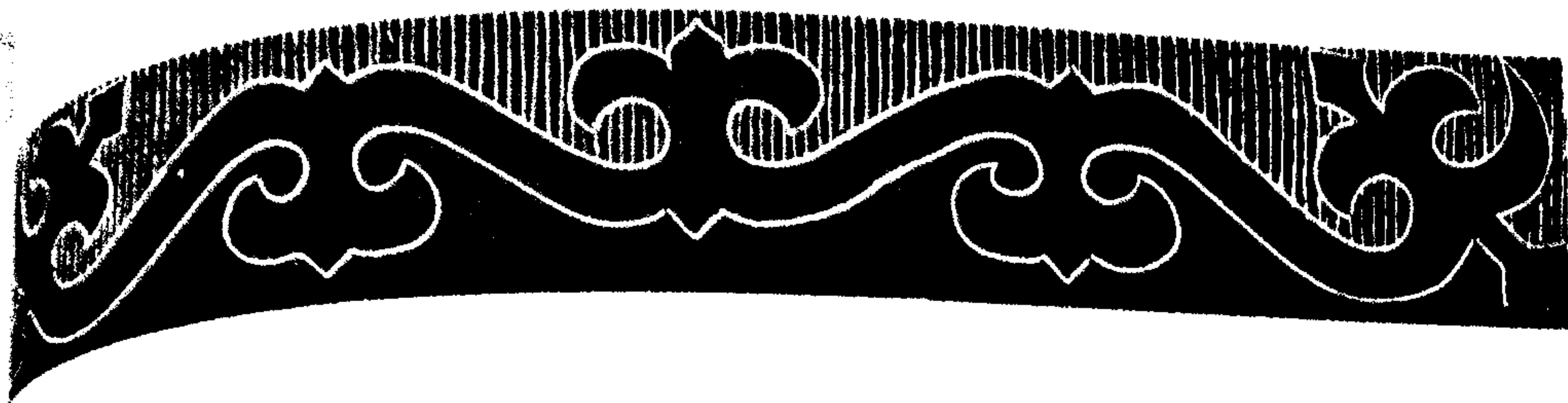
И мальчик красавицу за руку взял,
Сошел с ней на землю и гордо сказал:
— Эй, трусы, уедете вы недалече!
Взгляните на эти широкие плечи,
На черные очи под бровью крутой —
Да разве же я на младенца похож,
Что замуж увозите вместе с сестрой!!
Князя испугались, их бросило в дрожь.

Гехинец Гани из аула скакал,
Гнедого коня торопил, подгонял,
И конь распластался, как волк, на бегу,
И сабля, звеня, описала дугу,
Коня осадил и воскликнул Гани:
— Не будь несчастливым, о младший мой брат!
Не страшно ли было с невесткой в пути!
От страха не ныло ли сердце в груди?
И мальчик сказал: — Я не трусил, мой брат!
Но если убьют нас в неравном бою,
Мне матушку жалко твою и мою.
Воскликнул Гани: — Прогони свою грусть,
Как слабая женщина, мальчик, не трусь!
Ведь старший твой брат родился в ту ночь,
Когда от мороза утесы стонали,
Ведь старший твой брат родился в ту ночь,
Когда от мороза лисицы визжали
И волки, от стужи дрожа, завывали!

Сразился с князьями гехинец Гани,
И выиграл битву гехинец Гани,
И с милой невестой, Сестрой семи братьев,
Домой возвратились отважные братья.
И жить они стали счастливо, красиво —
Всем людям, плохим и хорошим, на диво.

Пусть дующий ветер развеет ненастье,
Пускай унесет от чеченцев беду,
Пускай поскорее развеет вражду,
А нам принесет и любовь, и согласие!

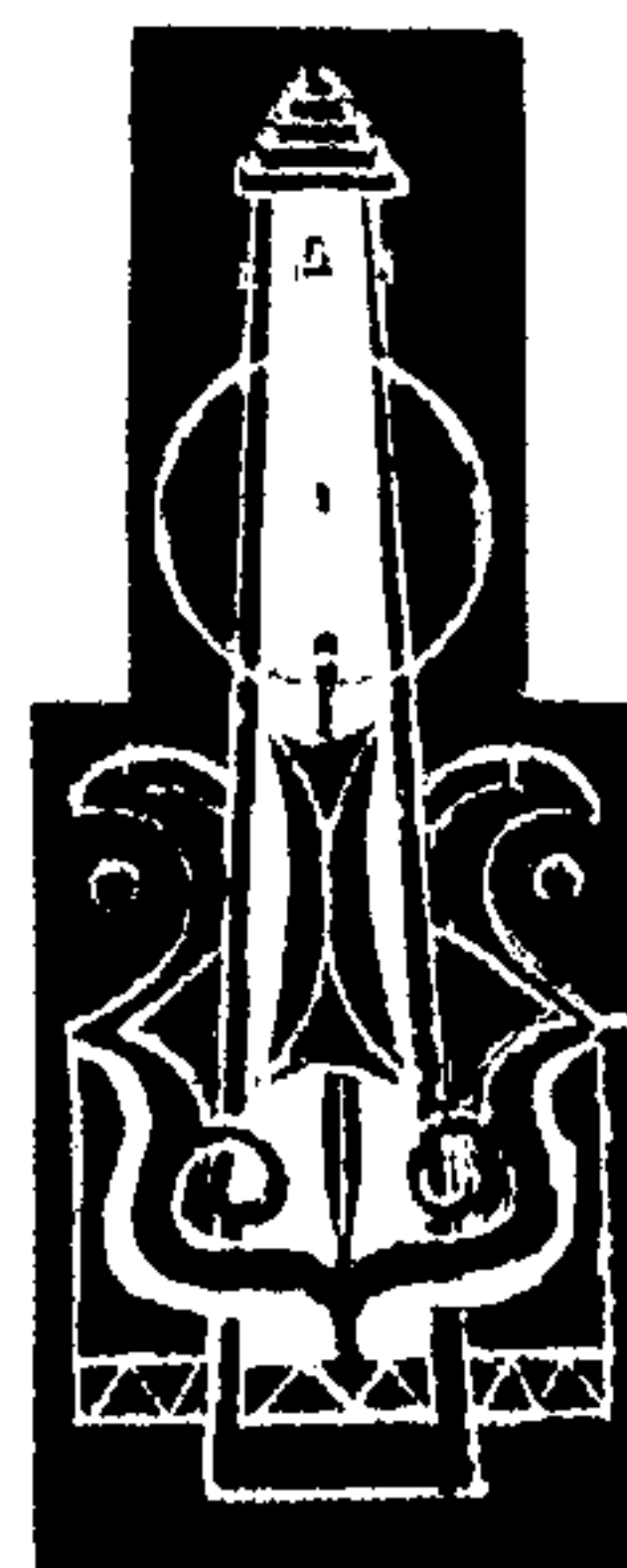
ИЛЛИ О ХУШПАРЕ, СЫНЕ БАХАДУРА

В гости звал к себе князь Нуцалха
Сына Бахадур, Хушпара.
Занималась мать уборкою,
Княжьего гонца не слушала,
Но метлу она отставила.
Лишь гонцу гнедого подали,
К сыну шаг она направила.
Грустно сын играл на пондаре.

«Да не будешь обездолен ты!
Чем, сыночек, взор твой застится!»
«Нана, век не ведай горести!
Грусть-тоска легла мне на сердце.
Пригласил меня князь Нуцалха,
Но в душе моей сомнение...»

«Знай, сыночек ненаглядный мой:
Это третье приглашение.
Дважды, Хушпар, промолчала я:
О коварстве князя знала я.
Но коль ты сейчас откажешься —
Срамота нам небывалая!
Даже если не вернешься ты —
Все равно уж поздно пятиться.
Струсишь — среди честных юношей
Честь твоя навек утратится.

Отправляйся, коли вызвали,
Смерти злей — боязнь постылая.
А убьют — гордиться буду я.
Гордою твоей могилою».

Прибыл Хушпар к князю Нуцалхе,
Злым предчувствием терзаемый.
Крикнул: «Гей вы, люди князевы, —
Повидать бы мне хозяина!»
Тотчас вышел к гостю Нуцалха.
И промолвил гость приветливо:

«Ты позвал — к тебе приехал я.
Жду я слов твоих внимательно...»
Отвечал хозяин молодцу
Да с улыбкою ласкательной:
«Жить вовек в добре и счастья
Сыну Бахадура-сокола!
Коли речь моя понравится,
Ты сойдешь с коня высокого.
А коль будешь недоволен ты.
То поступишь, как захочется...
Славен я и в нашей местности,
И далеко за околицей.
Знаюсь я с чинами знатными,
В генералы я пожалован.
Но хочу я взять в товарищи
Просто преданного малого.
Всех знакомцев я расспрашивал:
Парня где сыскать хорошего!
Сына Бахадура, Хушпара,
Называл мне каждый спрошенный.
Лишь недавно, Хушпар, понял я:
Толку мало в чине-титутле,
Важно, чтоб в беде товарищи
Друга своего не выдали.
Я позвал тебя для дружества.
Коль друг другу мы понравимся,
Слезешь ты с коня высокого —
И на пир в мой дом направимся».

Неохотно Хушпар спешился,
Уздням коня он передал,
А недоброе предчувствие
Назревало в сердце всадника.
Стол большой поставил Нуцалха,
Араку принес обильную.
Угощал едою жирною
И беседою умильною.
Пили до полночи поровну,
А потом ту чашу винную
Наливали гостю полную,
Князь же пил лишь половинную.

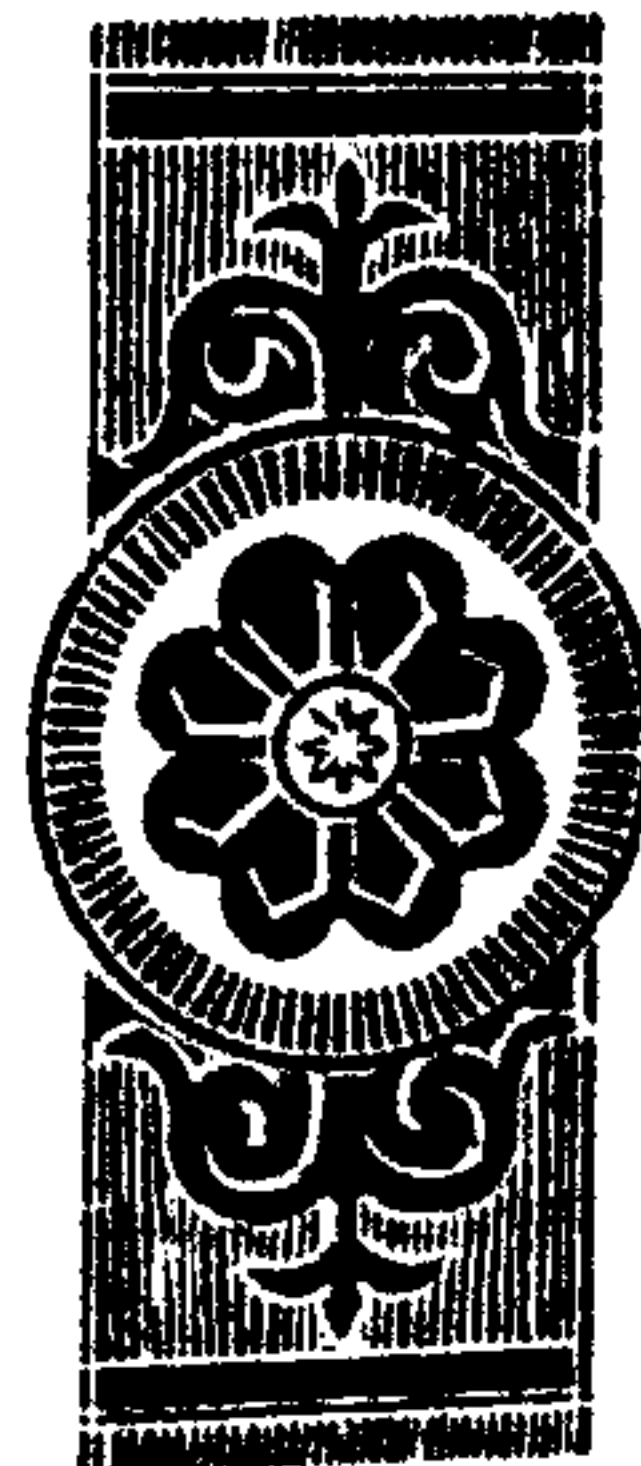
Напоив, свалил он Хушпара,
Руки оцепил железами,
Длинными стальными путами
Ноги его опутал резвые.

И, примяв, как волка лютого,
Посадил на цепь короткую,
Запер крепко дверь железную
И окно забрал решеткою.
А потом поехал в город он,
У ворот оставив стражника,
И звонил он в громкий колокол,
В честь такого дела важного.
В час, как звезды гаснут ранние
И встает заря высокая,
Люди слушали на площади
Злого князя речь жестокою:

«Зверя взял я кровожадного,
Негодяя наихудшего.
Заковал в железа крепкие
Сына Бахадура, Хушпара.
Разложите пламя сильное —
До полудня надо сжечь его...»
Разгорелось пламя синее
Выше росту человеческого.
И на площадь на церковную
Был доставлен Хушпар связанный.
И вокруг костра высокого
Войску было стать приказано.
Молвил узнику князь Нуцалха:

«Приведен сюда ты силою,
Но ответь своею волею.
Скажешь истину — помилую».
Отвечал тут Хушпар связанный:
«Ни насилье, ни увечие
Не заставят лгать отважного.
Правду-истину отвечу я.
Разве в мире этом солнечном
Кто обманет смерть угрюмую!
Все равно умру однажды я.
Все скажу сейчас, что думаю».

Молвил узнику князь Нуцалха:
«Мастер ты играть на пондаре;
Говорят — и пляшешь лихо ты,
И с друзьями пьешь до одури.»

Говорят еще — ты коновязь
Для чужих коней ворованных²
Все твои проказы ведаю,
Покараю я сурово их!
Через пять минут сожгут тебя,
Жизнь разбойничья закончится.
Расскажи, что держишь на сердце,
Попроси, чего захочется».

Молвил Хушпар князю Нуцалхе:
«Обелять себя не стану я.
Да, люблю играть на пондаре
И танцую славно спьяну я.
Весел я, кутя с веселыми,
Хохочу, пою без устали.
Но с несчастными несчастлив я,
Грустно плачу рядом с грустными.
Много обо мне рассказано,
Но не все, поверь мне, истинно...
Напоследок досажу тебе
Просьбой малою, единственной.
Не вскребусь когтями в землю я,
Не взлечу на крыльях в небо я,
Не прошу я, князь, прощения,
Справедливости не требую.
Но перед своей кончиною,
Будь твое соизволение,
Я бы высказал единое
Пожелание последнее.
Разреши мне, щедрый Нуцалха,
Раз сыграть на дечиг-пондаре,
Раз сплясать на этой площади,
Раз пропеть здесь песню бодрую!
И еще хочу я, Нуцалха,
Чтобы все, что здесь я сделаю,
Для чеченцев записали бы
Нынче ж на бумагу белую».

Приказал тогда князь Нуцалха:
«Не сводите глаз с разбойника,
Окружите стражей грозною,
Развяжу сейчас разбойника».
Снял тут князь, приблизясь к Хушпару,
С ног его те путы тесные,
С шеи снял ошейник кованый,
С рук наручники железные.

И тогда поднялся молодец,
Дечиг-пондар взял, попробовал...

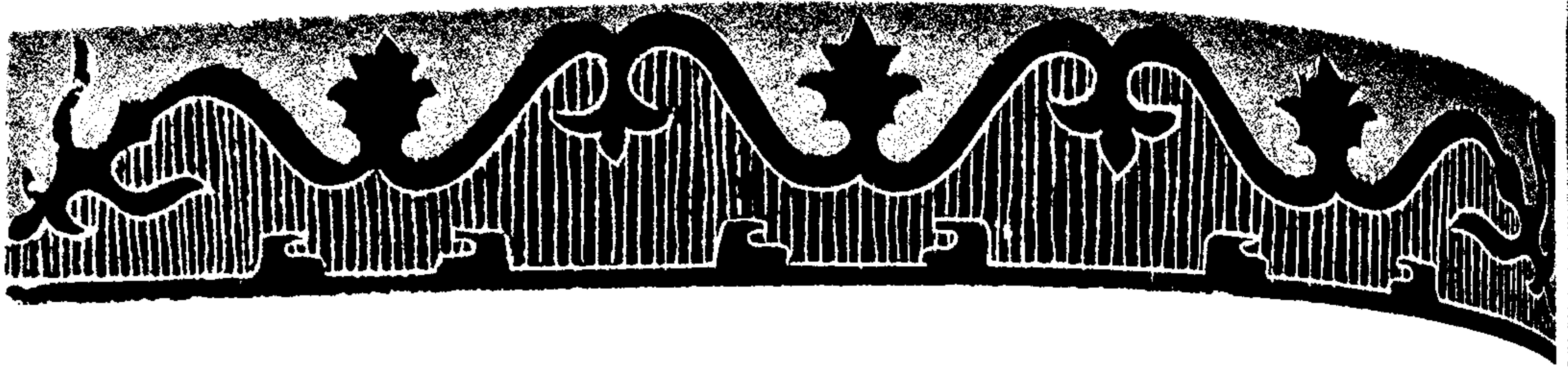
Громко пел он песню бодрую,
О землю ногой притопывал,
Будто бы на свадьбе с милою,
Хушпар танцевал раскованный.
И простой народ и Нуцалха
Любовались очарованно.

С князем были два племянника,
Два любимых сына братнина.
Хушпар в танце к ним приблизился,
Князю делая приятное.
Вдруг на князевых племянников,
Словно молния, он ринулся —
И, схвативши их в объятия,
С ними к пламени он кинулся.
Войско было следом бросилось,
Да огонь велел попятиться...
Крикнул Хушпар князю Нуцалхе:
«Подлый сам за подлость платится!
Хорошо ты позаботился
Обо мне, своем колоднике:
Приготовил пламя знатное,
А сгорят твои же сродники!

Говорят, что сердце Нуцалхи
Лопнуло от страха-жалости.
А едва лишь умер Нуцалха,
Войско враз и разбежалось.
Из огня с юнцами вырвался
Хушпар, не спалив ни волоса,
И в толпу парней глазеющих
Крикнул он, что было голоса:
«Коли спросят — порасскажете,
Как я нынче позабавился!»

И, кивнув им на прощание,
Восвояси он направился.

ИЛЛИ О КНЯЗЕ КАХАРМЕ КАБАРДИНСКОМ

Смертью отца, как горою, придавлен,
Сон потеряв и тоскою отравлен,
Брата, чтоб горе делить, не имея,
И потревожить сестренку жалея,
Кахарма, князь-кабардинец, жестоко
Скорбью сыновней скорбел одиноко.
Вдруг среди ночи пришли к нему в дом
Дяди — отца его братья — вдвоем.
Думая, что их душа сокрушалась,
Что привела их забота и жалость,
Их посещенью нежданному рад,
Так кабардинец сказал, говорят:

— Ныне, о братья отца моего,
Вашим приходом я в горе утешен,
Ибо подумали прежде всего
Вы о племяннике осиротевшем.
Благо вам, братья отца моего!
От одиночества вы избавители,
Я не забуду о вашем добре,
Чтобы мою вы признательность видели,
Встаньте, мои тамады, на заре.
Вместе пойдем мы без лишнего слова
Горной тропой и тропой полевой,
Мерить большое наследство отцово:
Я — своим шагом, а вы — бечевой.
По справедливости я на три части
Длинную горную цепь разделю,

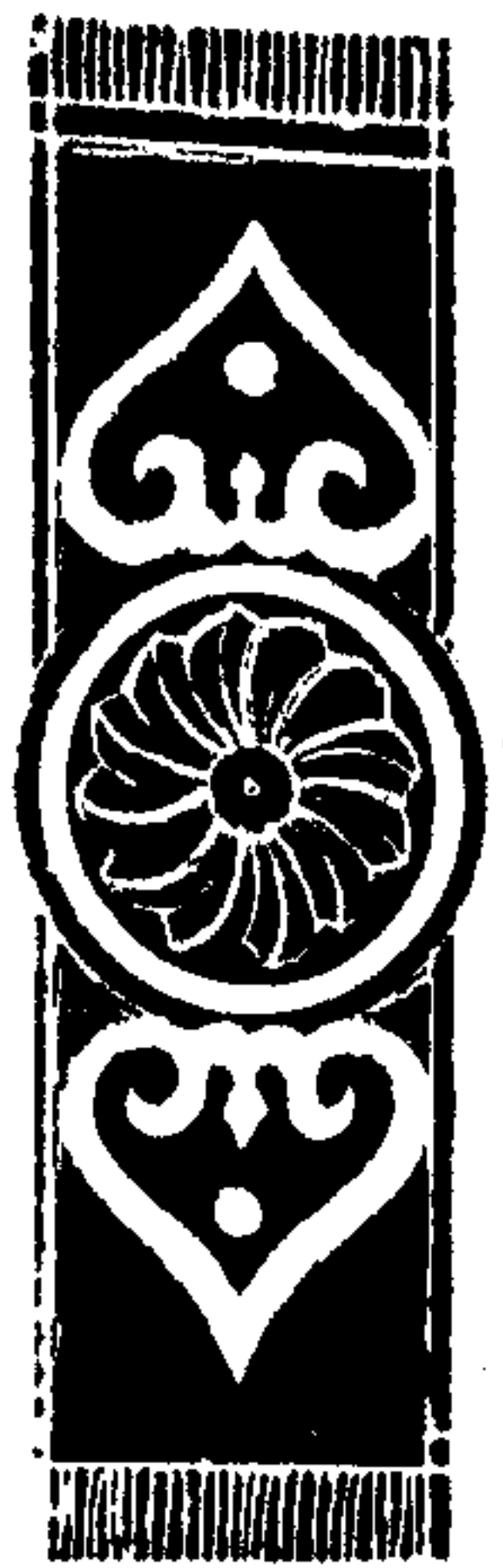
Так же я ровную степь разделю,
И без обид на три равные части
Конский отборный табун разделю.
На семь железных запоров закрытую,
Кладом серебряным, златом набитую,
Вскрыть я отцову казну повелю
И на три части ее разделю.

Дяди такое промолвили слово:
— Первенец нашего брата родного!
Шли мы к тебе не за долей наследства,
А известить о приезде царя,
С коим был дружбою связан отец твой.
Чтобы вернее ты сердце привлек его,
Нужно попотчевать гостя высокого
Пищей, какой не едал он доселе,
Нихой, какой не пивал он доселе.

Но хитрецов отвергая совет,
Кахарма-князь возразил им в ответ:
— Где я достану, скажите сначала,
Пищу, какой еще царь не едал,
Ниху, какой еще царь не пивал!
Трудно найти их, а времени мало!
Вдоволь поставлю я мяса вареного,
Вдоволь подам я питья светлодонного,
И чужеземцы высокочтимые
Будут похваливать нас, тамады мои.

Выслушав князя суждения здравые,
Заговорили братья лукавые:
— Если ты примешь, как гостя простого,
Друга отца да еще властелина.
Не избежишь ты упрека царева,
Будет и нам тебя жалко, как сына.
И потому, как ни разу дотоле,
Думая ночь напролет о застолье,
Так мы решили: царя с провожатыми
Жареными угостим мы орлятами,
Пить мы глаза им предложим орлиные,
Все это будет им внове, быть может.
Быстро ты связывай полосы длинные,
Выкроенные из зубровой кожи¹,
Вместе орлят добывать мы отправимся.

Князя коварная речь обманула.
Он заготовил веревки ременные,
Ночью, в часы ее самые темные,
Вместе с дядьями ушел из аула.

Прибыл князь Кахарма к скалам громадным,
Прибыл к обрывам кремнистым, и там
Перевязался ремнем сыромятным,
Отдал конец его в руки дядьям,
И, говорят, этот Кахарма честный
Начал спускаться по круче отвесной,
Чтобы к гнезду подобраться орлиному.
Вот сообщил он, что цели достиг.
Стал он птенцов отбирать у орлицы,
Стала орлица над князем кружиться,
Не оставляя его ни на миг.
И под ударами клюва и крыльев
Князь отступил и, вконец обессилев,
Чтоб не погибнуть в гнездилище каменном,
Вверх своим родичам крикнул тот Кахарма:

— Доблести мало — насильно отнять
Птенчиков малых у матери-птицы,
Да и устал я с орлицею биться,
Мне от орлят ее не отогнать.
Стали тогда говорить ему дяди:

— Не для того же тебя опускали мы
Вниз, до гнезда под отвесными скалами,
Чтобы вытаскивать, Кахарма-князь!
Сладишь с орлицей — твоим это птичье
Станет жилище, о Кахарма-князь,
Если не сладишь — сам станешь добычей
Грозной жилицы, о Кахарма-князь!

Понял князь Кахарма — братья отца его,
Алчные, жадные, жаждут конца его,
Чтоб захватить все наследство отцово.
И обещал им князь Кахарма снова:
— Меряя землю веревкой, шагами,
Я на три части — увидите сами —
Длинную горную цепь разделю,
Так же я ровную степь разделю,
Да и отары на пастбищах горных,
И табуны на равнинах просторных.
Но не бросайте меня, ослабевшего,
Здесь, где клекочут одни лишь орлы,
В этой расщелине дикой скалы.

И отвечали алкавшие власти:
— Незачем, князь, разделять на три части
Горы вверху и равнины внизу,

Скот на лугах, под замками казну,
Их пополам будет легче делить нам!
И, говорят, удалились они,
Князя в гнездилище бросив гранитном,
Бросив из зубровой кожи ремни.
А на погибель покинутый Кахарма
Вслед им кричал, что душою клянется
С ними расправиться, если вернется.

Там, на высотах, дядья поделили
Кряжи, отары на пастбищах горных,
Вниз по тропинкам сойдя, поделили
Степь, табуны на равнинах просторных
И, возвратившись на княжеский двор,
Прочь оттолкнули сиротку-племянницу,
Рады, что целой казна им достанется.

Князя три дня не видала любимая:
В турмал подозрный смотря то и дело,
Девушка все глаза проглядела —
Милого нет... Лишь под вечер заметила:
Друг ее князя отправился на реку.
С медным кувшином, повешенным на руку,
Быстро бегом побежала вдогонку
И позвала она юношу звонко,
Тонкой рукою к себе поманила
И, говорят, со слезами спросила:
— Что с твоим другом, признайся, случилось!
Я в эти дни извелась, истомилась...
И, говорят, говорил ей тот юноша:

— Если ушел он порою полунощной,
Будет неделю без вести отсутствовать.
Утром ушел — будет месяц отсутствовать.
Смертью отца огорченный, он в горы,
Видно, ушел горевать свое горе.
Будь терпеливой: вернется твой Кахарма,
Ждать его будем без всякой опаски мы.

Девушка вымолвила со слезами:
— Сделанного мастерами армянскими
Турмала с двенадцатью зеркалами
Пальцем колесико я поворачала,
Горы с долинами вблизи приближала,
Долго следы на тропинках разгадывала,
Долго пути, где он ходит, разглядывала —
Горные цепи и ровные степи,
Но, кроме кручи кремнистой, весь свет
Клятвой клянется, что князя в нем нет.

А над скалою кремнистою в небе
Только орел одинокий парит,
Кружит над ней, а в гнездо не садится.
Сердце мне: Кахарма там! — говорит.
Кажется мне,— на наследство позарившись,
Князя там бросили злые дядья,
С кручи в кремнистую щель опустя.
Полосы зубровой кожи ты связывай,
Надо, к далекой скале поспешив,
Нам осмотреть тот суровый обрыв.

Юноша без промедленья, как сказано,
Вяжет веревки ременные туго,
И достигает с подругою друга
Кручи отвесной средь каменных гряд,
Где лишь орлы парят.
Вдруг из расщелины в темном утесе
К девушке стон ее князя донесся,
И закричала она, говорят:
— К нам по ремню поднимайся, любимый! —
Друг ей из бездны ответил незримый:
— В этом обрыве дядьями оставленный,
Перед приездом владыкой ославленный,
В схватке с орлицею дикой ослабленный,
Голодом мучимый, горем подавленный
И от желанья жизни избавленный,
Я не могу уже муки терпеть
И лишь прошу: дайте мне умереть.

И отвечала она, говорят:
— О, мой любимый! Умри ты сегодня —
Лишней мне будет жизнь опостылая,
Если ты ночью злосчастною этою
С жизнью расстанешься несправедливо,
Небом клянусь — за тобой я последую.
Иль поднимись — или прыгну с обрыва!

Сердцем поверил ей Кахарма-князь:
Смерти той девушки в пропасти черной
Больше, чем собственной смерти, страшась,
Выбрался он из расщелины горной.
Другу и девушке, любящим, преданным,
О злоключенье поведав изведенном,
Заторопился домой он... Рыдая,
Встретила князя сестренка родная,
Очи от слез у бедняжки красны.

И за разделом отцовской казны
Братьев отца захватив неожиданно,
Выполнил Кахарма клятву о мести:
Насмерть сразил их обоих на месте.

Так поступил он с богатым наследьем:
Роздал все золото близким соседям.
С мертвыми так поступил он телами:
Вместе зарыл их в мусорной яме.
Поздней ночью улегся князь Кахарма.
Вдруг он проснулся — то ли от топота,
То ли от ржания лошадиного —
Спешный гонец верховой разбудил его:

— Эти бумаги из Белькузур-города
В город Москву для владыки царей
Через леса, и равнины, и горы ты,
Можешь не можешь, доставь побыстрей.
Не утаив ни единого слова,
Передал я приказанье царево.

Только умчался гонец верховой,
Князь, еще слабый, поник головой.
Думы собрал он, лишенный покоя,
Вспомнил, что есть тут джигит боевой —
Имя его — Астемир из Шатоя.
И разбудил он сестру свою младшую:

— Коль угрожает селенью беда,
Кто совладеет с лихою бедою!
Только один Астемир из Шатоя!
Сбегай к нему, пусть приходит сюда.

Кахарму, что наклонился над нею,
Девушка выслушала краснея —
Втайне любила она Астемира,
И оттого покраснела она,
Что побывать в его доме должна,
Что предстояло его ей увидеть
И что боялась она себя выдать,
Кахармы передавая призыв...
И побежала она, затаив
То, что ей душу так долго томило,
И со двора позвала Астемира.

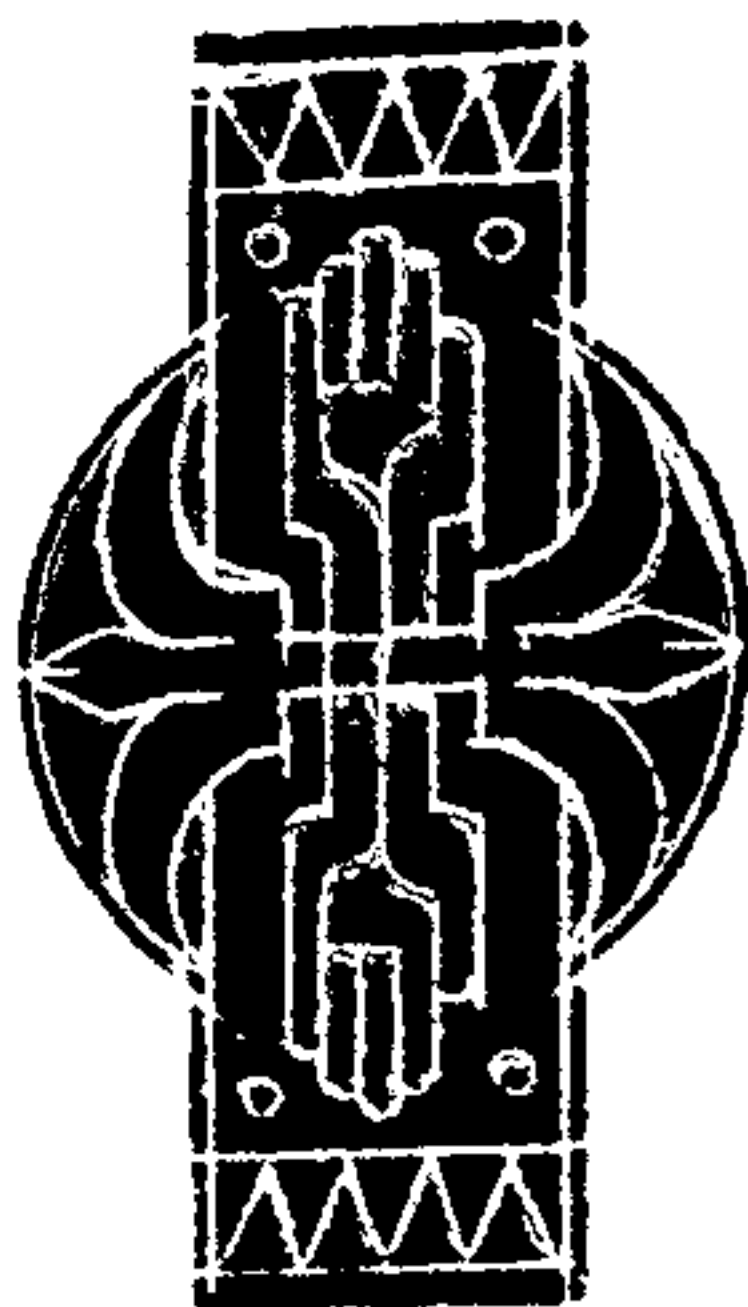
Славный джигит Астемир из Шатоя,
Храбрость которого чтит весь аул,
На ноги бычьи чувяки обул,

На лоб надвинул шапку баранью,
В руку зажал он ярлыгу чабанью
И перед князем предстал, говорят.
— Есть у тебя ко мне дело какое! —
Князя спросил Астемир из Шатоя.
Князь ему сказывать стал, говорят:

— Братья отца моего меня предали,
Горю предаться сыновнему не дали,
Стали со мной толковать и хитрить,
Чтобы наследство отца захватить.
Замыслом был я обманут преступным,
Брошен в орлином гнезде недоступном,
В схватке с орлицей, от жажды и голода
Я в эти ночи вконец изнемог,
Стрелами горя все сердце исколото,
Переступить не могу за порог.
А между тем перед самым рассветом
Конный гонец ко мне прибыл с пакетом
И с приказанием: «Эти бумаги,
Можешь не можешь, доставь поскорей
В город Москву для владыки царей».
Ныне ослаб я, ты полон отваги —
Некому больше исполнить приказ,
Добрый джигит Астемир из Шатоя!
И говорит Астемир из Шатоя:

— Хоть и живем мы в селенье одном,
Раньше не звал ты меня в этот дом.
Вот и пришел я с чабаньей ярлыгою,
Думаю — скот посылаешь пасти.
Ты уж меня за оплошность великую,
Мой тамада досточтимый, прости!
Переоденусь, достану оружие,
И на коне моем черноколенном,
Слово даю вам, вернусь непременно, —
Молвил и вышел из дома наружу
Славный джигит Астемир из Шатоя.

Князь закричал, догоняя его:
— Лучше возьми скакуна моего,
Лучше оружием моим опояшься!
И отвечал Астемир богачу:
— Князь, на слова мои не обижайся,
Ими я вовсе сказать не хочу,
Что моего снаряжения хуже
Конь твой лихой, дорогое оружие.
Благодарю за твой щедрый дар,
Но у меня есть армянский мажар,

Глазу привычный, двенадцатигранный,
Черноколенный скакун неустанный,
Ветру противостоять привыкший,
Бок под свинец подставлять привыкший.
Если паду, на чужбине погибший,
Жизнь мою кончить хотелось бы мне
С верным ружьем на любимом коне.

И поспешил он домой, и отменным
Верным оружием вооружившись,
И на коне своем черноколенном
Возле усадьбы своей покружившись,
Он возвратился на княжеский двор
И, говорят, продолжал разговор:
— Кахарма-князь, аульчанин почетный!
Этот тептар², кой-кому неугодный,
Не пропускает в город Москву,
Путь перекрыв на железном мосту,
Ахта, джигит из Галоя. В засаду
Там он с семьей сыновьями засел.
Как бы я ни был упорен и смел,
Я не уверен, что, встретив преграду,
Не поплачусь в том бою головой,
Но не теряю надежды живой.
Если ж мне не суждено возвратиться,
Ты моей матушке платье из ситца
По одному ежегодно дари, —
Молвил и в путь, говорят, до зари
Выехал тот Астемир из Шатоя.

Перевалил через горы чеченские,
Перемахнул через горы черкесские,
Черноколенному дал скакуну
Вольную волю, хлестнул его плетью,
Да и помчался ровною степью,
Вытянувшись с поджарым в струну.
У переправы единственной стоя,
Ахта с сынами моргнуть не успел —
Молнией Астемир из Шатоя
Через железный мост пролетел!

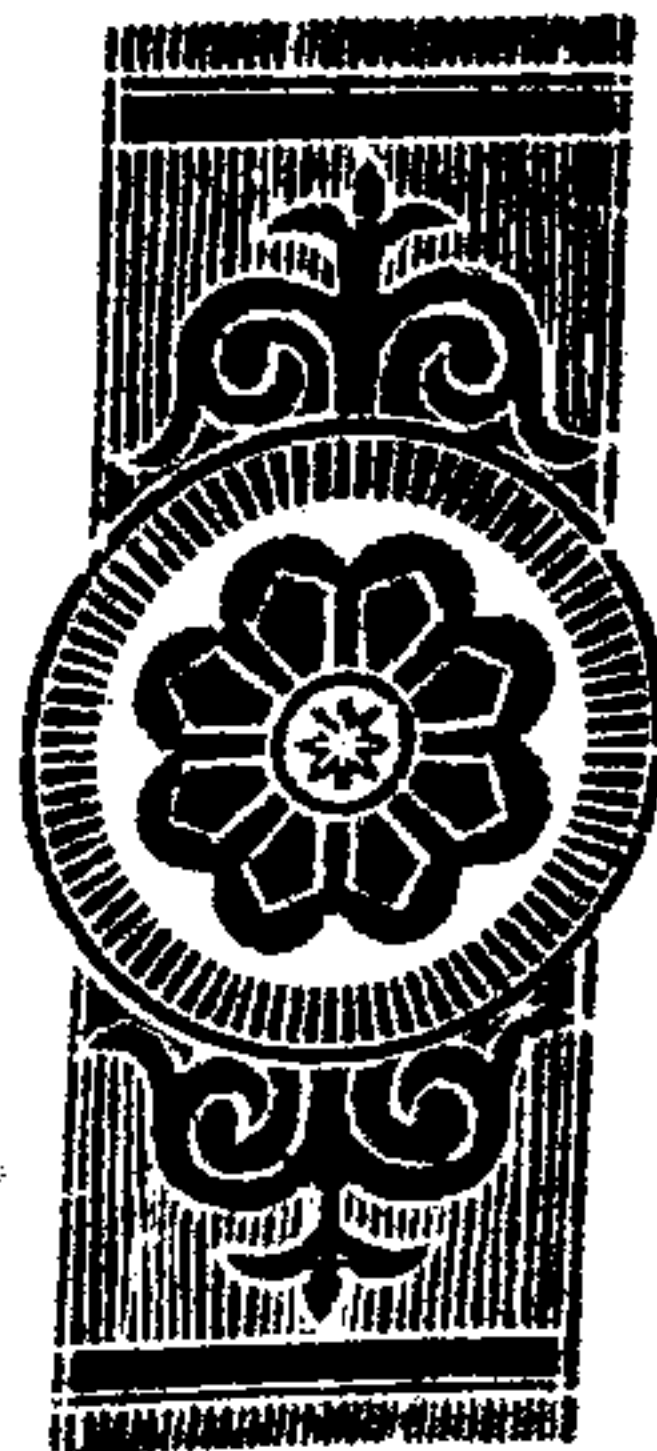
Вот проскакав по дороге наметом,
Въехал он в город Москву наконец,
И, приближаясь к дворцовым воротам,
Стражникам крикнул чеченский гонец —
Царь-де московский пусть выйдет к нему.
Строго сказал ему старший по страже:
— Сам ты по делу зайди своему.

Крики услышал властитель столицы,
И, говорят, Астемир из Шатоя,
Близко увидев воочью царя,
Так обратился к нему, говоря:

— Знак ты мне выдай, что я в твои руки
Отдал бумаги из Белькузур-города!
Слову чеченского всадника гордого
Царь удивился, а сам говорит:
— Спешься, чеченский хороший джигит.
Я ни от горца и ни от солдата
Раньше не слышал столь радостной вести.
Будешь ты нами одарен богато,
Встречен старшинами нашими с честью,
А для веселья у нас есть княгини.
Так же, как каждое утро, и ныне
Вновь мы отправим к железному мосту
Всадников сотню. Ты с ними пойдешь.
Правда, обычно из них девяносто
Не возвращаются: Ахта проклятый
Десятерых оставляет в живых —
Дескать, пусть царь и узнает от них,
Где остальные бойцы... А сегодня
Не возвратилась оттуда вся сотня.
Все же тебе мы дадим провожатых.

И отвечал Астемир из Шатоя:
— Я не приехал сюда с провожатыми,
Без твоих ста офицеров с солдатами
И доберусь я один до Чечни.
Царский прием я не вспомню с обидой,
Лишь об одном попрошу: ты мне выдай
Знак, что бумаги тебе вручены,
Чтобы достойно вернулся я в горы.
Твердость джигита чеченского видя
И что бессмысленны все уговоры,
Знак о бумагах полученных выдав,
Царь, говорят, отпустил Астемира,
Благополучья желая и мира.

Как растается с землею солнце,
Так этот храбрый джигит чеченский
С городом в тыщу дымов растается,
И по дороге, ведущей к Чечне,
Зверем прислушиваясь к тишине,
Он возвращается, настороженный.

Тут его Ахта, в Галое рожденный,
Глазом увидел и зовом позвал:
— В прах превратись этот город проклятый!
Если царю ты московскому передал
Тайный тептар, защищайся джигит!
Если ж ходил за добычей богатой,
Мир тебе, путь пред тобою открыт.

Ахте в ответ Астемир говорит:
— Тайный тептар из Белькузур-города
В руки царю я московскому передал,
Вот он — за пазухой — знак о врученье!
Если не солнце я вижу, а тени,
Если нет воли мне, кроме той воли,
Что по своей ты подаришь мне воле, —
Пусть потеряет ее голова моя!

Проговорив это слово упрямое,
Храбрый чеченец рванул вороного.
Ахта тогда пригрозил ему снова:
— Стой, одинокий чеченский джигит!
Знай, не для мира здесь Ахта сидит,
А сыновьям — мир и вовсе не нужен!
Но Астемир все неистовей мчался:
Спекшийся крик, что в груди не вмещался,
Выпустил в яростном гневе наружу,
Вскинул двенадцатигранный мажар,
Глазом наметанным тщательно целя,
Выискал точно у Ахты на теле
Место, входное для смерти мгновенной,
Крымский свинец в это место направил,
Бой начиная, он, дерзновенный,
Сусликом вскрикнуть кремневку заставил!
Бились с утра до полудня джигиты.
Были шесть братьев с отцом их убиты.
Бой продолжавшего брата их младшего
Стал Астемир уговаривать вкрадчиво:

— Слушай совет мой, сын Ахты убитого.
Разве для Ахты позором не будет,
Если какой-то чеченский наездник,
Кончив наследника, род прекратит его?
А для меня, коль судить по примете,
День этот ясный на этом свете
Станет последним и первым — на том.
Дай лишь под взглядом твоим неизменным
Мне на коне моем черноколенном
Погарцевать на мосту. А потом
Жизнь я оставляю тебе и свободу,

Чтобы не кончиться вашему роду,
Сам же я в землю уйду, в темноту...

И, с позволения Ахты меньшого,
Погарцевал на железном мосту,
И, к удивлению Ахты меньшого,
Крикнул лукаво прощальное слово,
Гикнул задорно лихому коню,
И по дороге, ведущей в Чечню,
Вдруг ускакал Астемир из Шатоя,
Реки, равнины, степные просторы
Пересекал Астемир из Шатоя,
Все, возвращаясь, чеченские горы
Пересчитал Астемир из Шатоя.

Сделанного мастерами армянскими
Турмала с двенадцатью зеркалами
Тихо колесико пальцем вращая,
Кахармы-князя сестренка меньшая
В горы свой ищущий взор устремила,
Любящими увидала глазами
Скачущего по горам Астемира.
Девушка больше уже не разглядывала
Дальние тропы, но, счастьем согрета,
Радостной вестью брата обрадовала
И попросила подарок за это.
И, говорят, отвечал ей князь Кахарма:
— Не беспокойся, сестра дорогая:
Все я припас, этот день ожидая,
Будут дары и тебе, и ему!

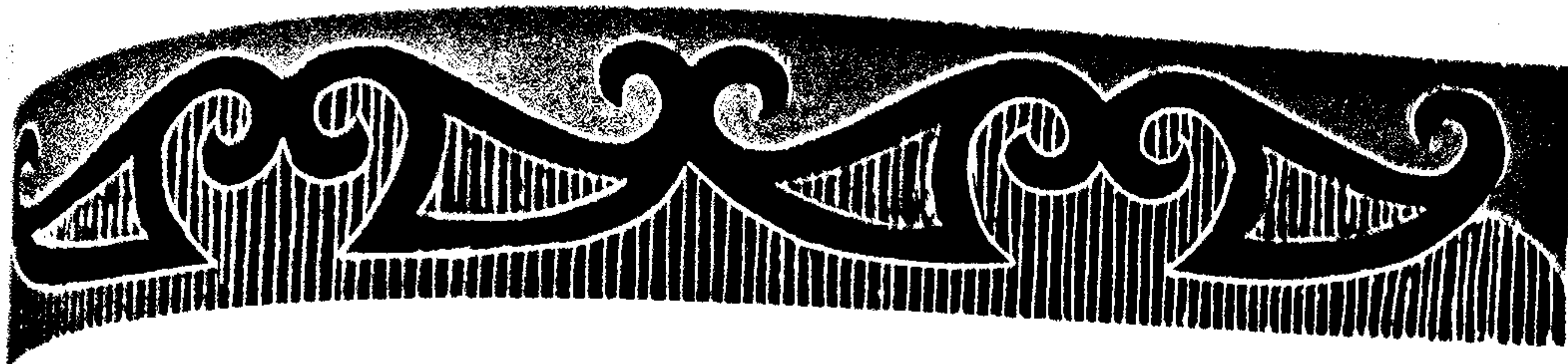
Только промолвил, как в горницу к князю
Быстро вошел Астемир из Шатоя.
Знак о вручении отдал, и сразу
К нане ушел Астемир из Шатоя.
День не успел еще за день зайти —
К празднеству были столы уж накрыты.
Князь и соседи за ним позади
Шествовали к Астемиру-джигиту.
И, говорят, говорил ему Кахарма:

— Если остался джигит в одиночестве,
Брат благородный, как ты, ему нужен.
Я — тот джигит. Будь сестре моей мужем.
И, говорят, на три дня и три ночи
Свадьбу затеял тот князь-кабардинец...

* * *

Смерть да страшится джигитов гордых,
Если их девушки горские любят.
Жизнь да продлится джигитов гордых,
Если их девушки горские любят.
Тех же, кто гордости горской лишен,
Смерть — и пожить им не дав — да погубит!

ГАЙТАК, СЫН ГЕЛЫ*

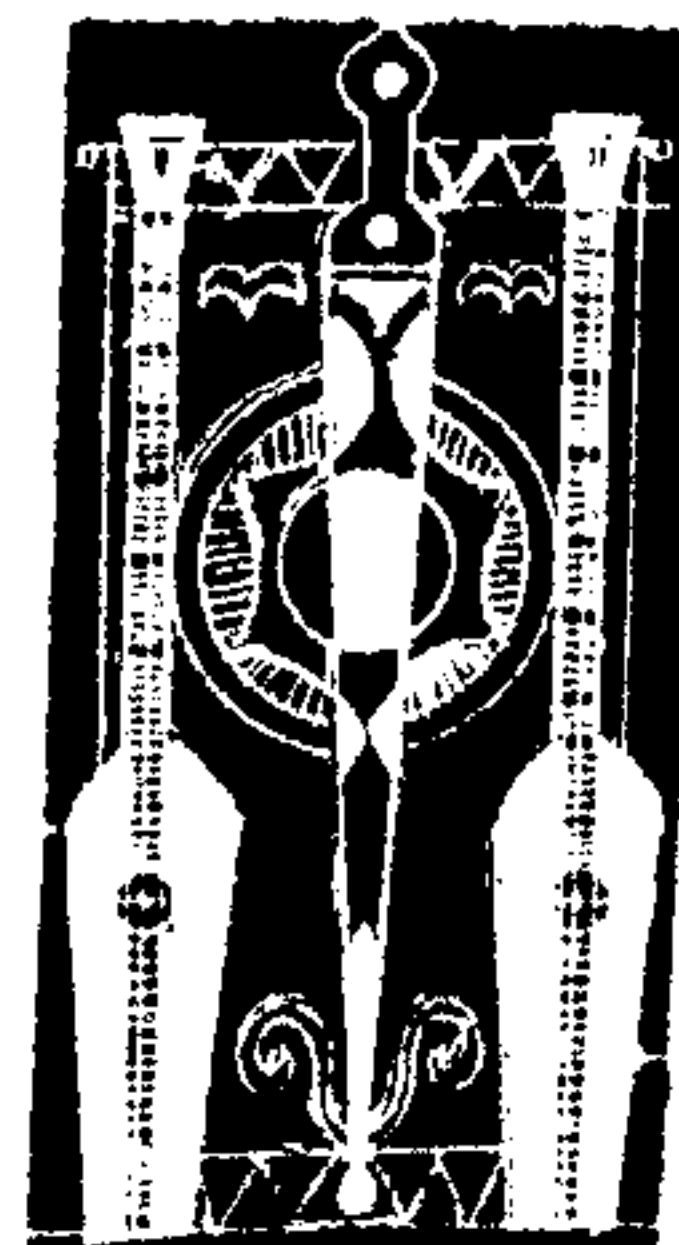
Эй, вы, канты! Эй, молодцы!
Кто сказал, что вы — храбрецы!!
Ваши подвиги кто назовет!..
Точно вялый ленивый сброд,
Вы слоняетесь по селу,
Трётесь спинами о забор.
Не воздашь за это хвалу!
И без вас много всяких свор...
Разве мало в лесу свиней,
Разрывающих скопом грязь!!
А бесстрашный волк — одинок.
Станьте, канты, волков храбрей!
Да пойдёт моя песня впрок!

Скажут люди: «Гела Гайтак»,
Говорю я: смелый Гайтак.
Он — сын Гелы — волка храбрей.
Он — сын Гелы — барса резвей.
Стоит стаи целой — Гайтак!

Так же, как ведущий овец
Круторогий виден козел,
Так же он — Гайтак-удалец
Виден всем среди окрестных сел.

В белый день превращая ночь,
Белый день превратив во мрак,

* Печатается с сокращениями.

Достославный Гела Гайтак
Спал без просыпу сладким сном
В час, когда постучался в дом
Гелы единокровный брат.

Пробудил он Гайтака так:
— Эй, вставай, по отцу мой брат,
Достославный Гела Гайтак!
Полно спать день и ночь подряд,
Когда все другие не спят!

Я спустился с высоких гор,
Я оставил наш круглый двор
И нелегкий проделал путь,
Чтоб ты мог на отца взглянуть.
Умирает старый отец.
Знай, что близок его конец.
Эй, вставай! Поскачем спеша.
Может быть, домчимся, пока
Не прервалась жизнь старика,
Не угасла его душа.

— Будь неладен твой злой язык,
Брат, прервавший мой сладкий сон!
Для таких ли вестей дурных
Был ты, брат мой, в доме возвращен!
Падать духом — нам не к лицу!
Мы сейчас поскачем к отцу.

Поскакали в горы вдвоём.
Так оставил Гайтак свой дом,
Так оставил старую мать
И невесту сладкую — ждать.

Гнали братья коней своих.
Солнце за гору не зашло,
Прискакали они в село
И застали отца в живых.

Насмерть раненный старый волк
Не скулит, как презренный пес.
Без ненужных жалоб и слез
Старый дада — седой отец,
Покидая земной наш край,
Уповая только на рай,
Ждал, когда наступит конец.
И сказал он Гайтаку так:
— Что сидишь ты в горах, Гайтак,
Сосунок, покинувший дом!..

Без родных, ты — в краю чужом
Одинешенек-одинок,
Птенчик, выпавший из гнезда,
От росы ты насквозь промок.
Что с тобою станет, когда
На тебя морозом дохнет,
Ведь роса превратится в лед!!
Если храбрых рождает мать,
Будет род расти и стоять.
Если ж трус родится, тому
Да не будет места в дому!..

Отвечает Гайтак: — Отец!
Я совсем не жалкий птенец,
Что свалился в траву без сил.
Словно сокол я — быстрокрыл.
Словно сабля я — для врага.
Камень я, что сбивает с ног.
Нет, отец, я не одинок!..
Шашка острая, сердца жар —
Восьмигранный меткий мажар,
Конь, что быстрых ветров быстрее...
Где найдешь ты верней друзей!!
Видишь сам: я не одинок.
И не трус я, не сосунок.

Молвил сыну старый отец:
— Эй, Гайтак! Эй, кант-удалец!
Наконец-то я убежден,
Что ты в нашем роду рожден!
Тверже стали сердце твое.
Волчьим стало сердце твое.
Как матерый волк меж волков,
Вожаком стань из вожаков,
Ты — опора вдов и сирот,
Обездоленных верный щит,
Пусть удача тебя хранит!
Всюду счастье героя ждет.
Сын мой! Честь береги свою.
Все, что ты, удачей храним,
Раздобудешь в честном бою,
Достояньем будет твоим.
И закончив этот завет,
Старый дада покинул свет.

Все друзья в село собрались
Старца мудрого помянуть,
А когда они разошлись,
И Гайтак отправился в путь.

За встающим туманом вслед
Поднимался к снегам вершин.
За плывущим туманом вслед
Опускался к лугам низин.
Но конца пути не видать,
И не может Гайтак понять,
Почему — лишь тропа свернет —
Спотыкается верный конь,
Не желает идти вперед.

Поднимался ли вверх Гайтак,
Всюду видел недобрый знак,
Вниз дорога ль его вела,
Всюду были приметы зла.

Лисы красные белым днем
Канту перебегали путь.
Черной ночью не дал уснуть
Волк протяжным своим вытьем.
«Что могло случиться! Беда!!
Что терзает мне душу она!..
Сердце словно бы вдруг замрет
И велит мне: «Спеши вперед!»
Конь, скакавший ночи и дни,
Споря с ним, велит: «Отдохни!»

От волнения чуть живой
Возвратился Гайтак домой.
Что ж нашел он в своем дому!!
Ох, не дай судьба никому
Видеть то, что видел Гайтак!..
Кары да не минует враг!

Дом в развалинах. Ветер злой
Во дворе играет золой.
Слышен вой голодных собак,
Кот мяукает... Где же мать!!
Где невеста!.. Пошел искать.
Не видать нигде никого,
Все кругом — безлюдно, мертво.
«Горе! Как мне врага нагнать!..
Где он! Кто он! Кому отместить!
Как жестокою боль избыть!!
Я как дуб, что свиньей подрыл.
Без корней, он едва стоит,
Гнется он под властью ветров
И свалиться вот-вот готов...

Что со мною! Иль в эту ночь
Стало сердце мое сдавать!
Горем я оглушен, как мать,
У которой сбежала дочь.
Одолела меня печаль...
Нет, сдаваться нам — не под стать!
Иль заржавела в ножнах сталь!
Иль не бьет мой верный мажар!
Может, конь мой, храбрый, как барс,
Спотыкается всякий раз!
Может, сердца угаснул жар!!
Где оно — терпенье мое!
В нем одном — спасенье мое!
Кто я! Разве я не Гайтак!!
Нет, чем злее глумится враг,
Тем стальная шашка острей,
Боевой мажар — тем верней,
Тем живее сердца огонь!..
Точно лев — зверей тамада —
Разъярись, мой могучий конь!»

Так подумал Гайтак тогда.
И храбрец, совладав с тоской,
Стал собираться на смертный бой.

И когда, подобно лисе,
Он кричал, вокруг кустов мечась,
Из кустарника лисы все
Отвечали ему тотчас.
А когда взвыл по-волчьи он,
Перейдя на рысь, то ему
Братья-волки со всех сторон
Отвечали, как своему.

От сожженных, черных ворот —
Видит он — три пути пролегли.
Первый путь ведет на восход,
Путь второй бежит на заход,
Третий — прямо на север земли.

По какому из трех скакать! —
На закат, на север, восход!
«Пусть дорогу конь изберет,
Встанет там, где захочет стать», —
Про себя решает смельчак.

Легче птицы, что вверх, на бук,
Вдруг взлетит и сядет на сук,

Легче птицы, севшей в гнездо,
На коня взлетает Гайтак.
Дрогнул конь, зазвенел уздой,
И помчался скакун вперед
По пути, что вел на восход.

Долго, нет ли Гайтак скакал,
Много ль, мало часов прошло,
Но примчался Гайтак в село —
То, где жил Тарковский Шовхал.
Стал скакун на краю села,
Где землянка в почву вросла.
Стоны слабые донеслись...
Глянул кант с тревогою вниз.
То зверек ли попал в капкан?
Человек ли введен в обман?

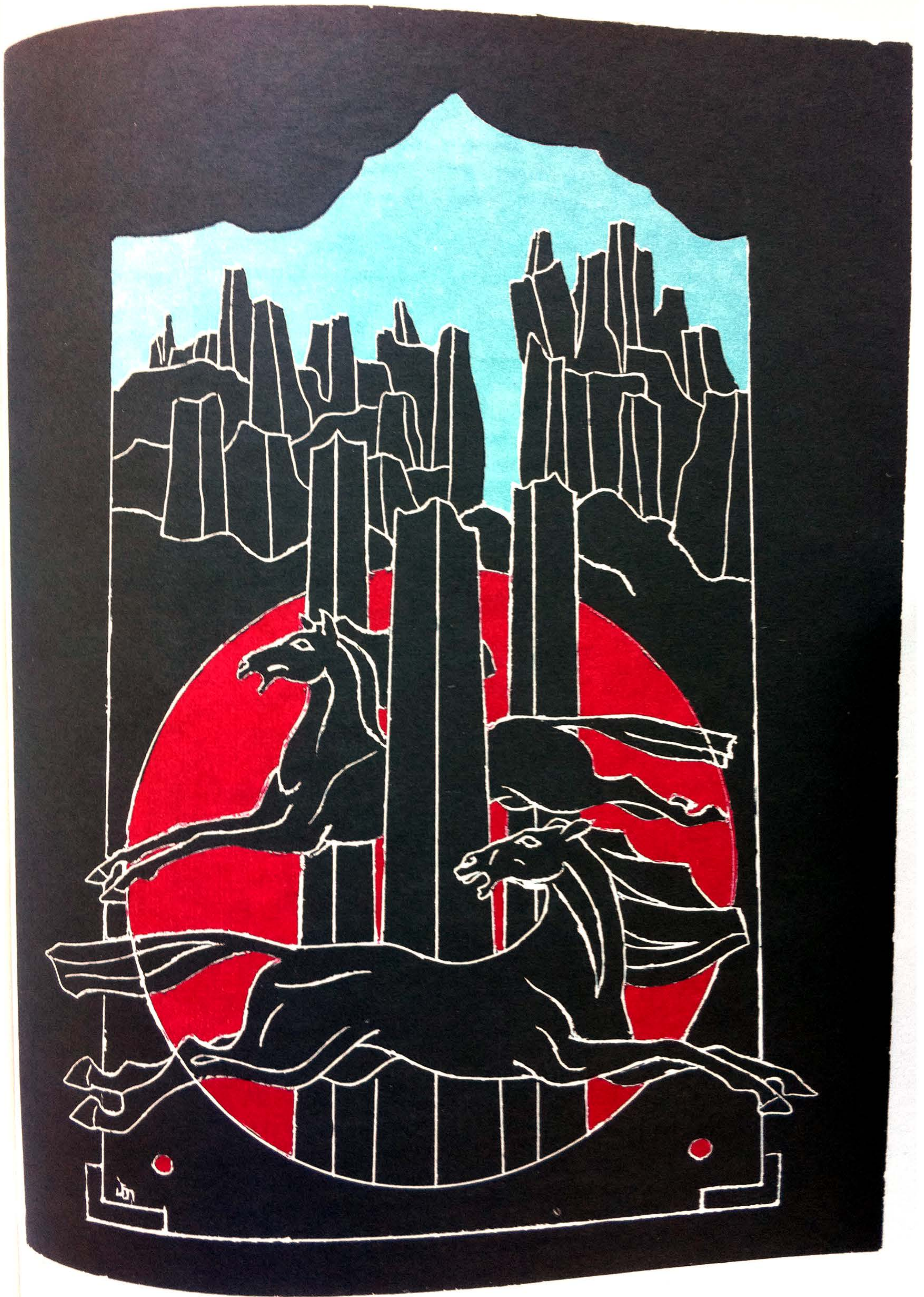
Стал он вглядываться во мглу.
— Отвечай: кто живой тут есть!..
Видит он — старушка в углу.
Плачет старая, чешет шерсть,
И от слез ослепла, видать.
Он слепую за руку взял,
Из землянки вывел на свет,
Глянул ей в лицо и узнал:
Перед ним его старая мать!

И поклялся Гела Гайтак:
— Будь я проклят тысячу раз,
Не бывать мне в родном краю,
Если, мать, за один твой глаз
Шестьдесят врагов не убью!

— Да счастливо пройдут твои дни!
Шестьдесят врагов не казни,
Одного срази наповал —
Да умрет Тарковский Шовхал!

И к Шовхалу кант поскакал,
Посреди села жил Шовхал.
Принимал он, Шовхал, гостей,
Был души он своей черней,
Уставляя на всех подряд
Свой раскосый, свой рысий взгляд.

Чай за чашкою чашку пьет,
В свое жирное брюхо льет
Тот Шовхал Тарковский — злодей,
Веселяся среди гостей.

Пред Шовхалом предстал Гайтак,
И сказал он Шовхалу так:

— Салам алейкум, Тарковский Шовхал!

— Ва алейкум салам, славный кант!

Ты скажи: какая нужда

Привела тебя к нам сюда!

И в ответ ему кант сказал:

— Слушай ты, Тарковский Шовхал!

От рождения до сих пор

Я не знал, что значит — нужда.

И меня на твой круглый двор

Привела не нужда — беда.

Я нуждаюсь только в одном, —

Чтобы ту, что схожа с котлом,

Чтоб башку твою с жирных плеч

Верной сталью своей отсечь!..

Не к лицу мне до темноты

В твоём доме стоять с тобой!

Выходи, собака, на бой,

Если все же мужчина ты!

Гости, что пришли пировать,

Ломая двери, стали выбегать,

И Шовхал укрыться хотел,

Не желал он идти на суд.

Но Гайтак — разъярен и смел —

Поднял вверх свой ременный кнут.

Как пошел он хлестать кнутом

Трусов, что метались кругом!

И тогда лишь оружие взял,

Все же вышел на бой Шовхал.

Бьется с ним Гайтак-молодец.

И ступились шашки вконец,

И в можарах иссяк свинец.

И тогда враги меж собой

В рукопашный вступили бой.

Оплеухой Шовхал был сбит,

Был ударом ноги убит.

Вновь Гайтак воссел на коня.

Табуны Шовхала гоня

И отары овец ведя,

Мать богато принарядя,

Кант поехал к родным местам.

С друзьями построил он дом.
Мать-старуху оставил в нем.
Ну а сам, не теряя дня,
Вновь торопит в дорогу коня.

Путь на север — ты длинен-далек!
Край ногайский, как ты широк!
За добычей идущий волк,
Тут не спрячешь ты головы!
Столько, сколько листвы-травы,
Тут ногайцев среди лощин...

Кант прильнул к седлу своему,
А седло прильнуло к кошме,
А кошма прильнула к коню.
И при свете дня и во тьме
По лощинам они неслись,
Воедино они слились.

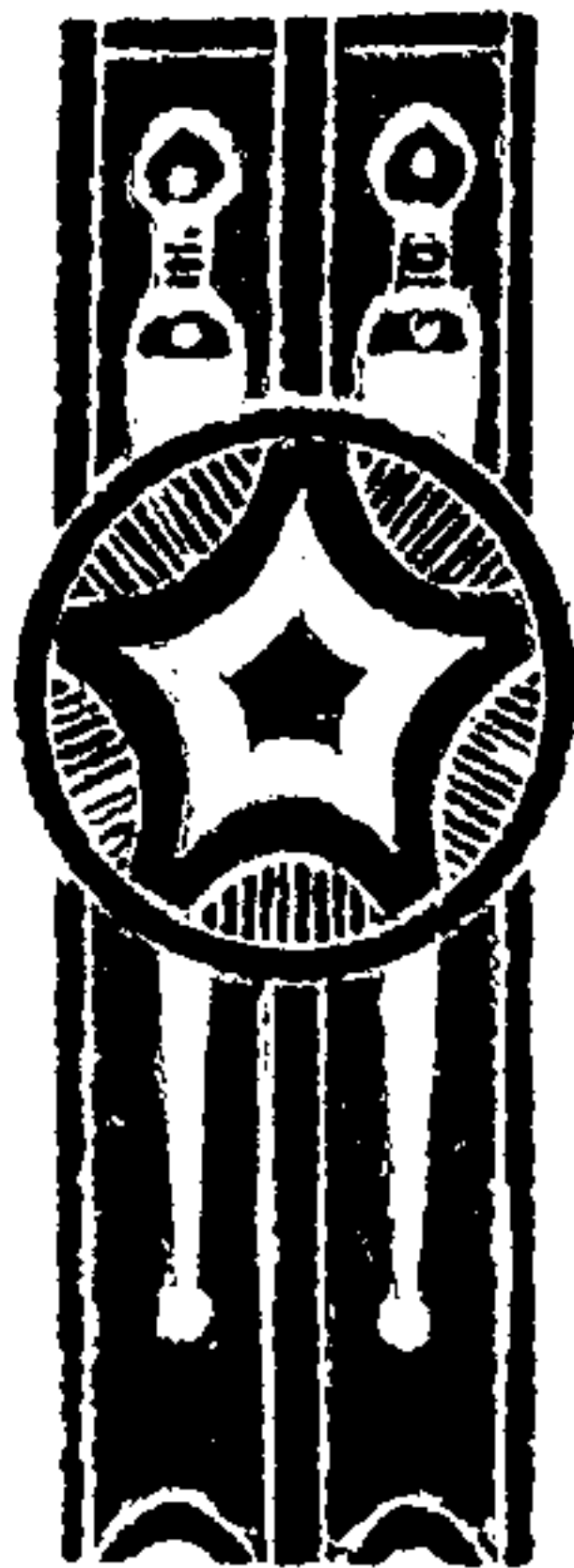
Мчался кант по пути на юг.
Разве ж то не горячий друг —
Бурка теплая на плечах!
Разве он не надежный друг —
Тот мажар, что внушает страх!

Скачет-мчится Гела Гайтак.
Видит всадника на пути,
Скачет он на коне лихом
И кому-то велит идти,
Волоча того по песку,
Хлещет пленника на скаку.

Смотрит Гела во все глаза,
Придержав коня своего:
На коне — невеста его,
А в пыли — ногайский мирза.
Словно пес трусит перед ней,
Он — глава ногайских князей.

— Ты скажи, невеста моя,
Ты, что столь душе дорога,
Как попала в эти края,
Как смогла ты скрутить врага,
Так что стал он послушен, враг,
Под свистящим твоим кнутом!..

— Иль считал ты, Гела Гайтак,
Что обижена я умом!

Не глупа невеста твоя.
В плен мирза захватил меня
И силком из дома увез
Тот презренный ногойский пес.
Втайне от своих узденей
Он меня в палатке своей
Продержал очень много дней,
Домогаясь любви моей.

Но бузы он как-то хватил —
Слишком крепкой была буза!
И свалился наземь без сил,
Как мертвец,— ногойский мирза.
Я тогда скрутила его,
На коня взвалила его
И теперь здесь, в краю глухом,
По дороге гоню кнутом.
Что с ним делать? Решай, Гайтак!

— Да погибнет коварный враг!
Слушай, жалкий, пленный мирза!
Слушай ты, презренный мирза!
Был силен ты и был жесток,
А теперь, как червяк, ты слаб.
Ты рабов сосчитать не мог,
А теперь — сам ничтожный раб.
С кем задумал равняться ты!!
С кем рискнул состязаться ты!!
Иль не знаешь, гнусный червяк,
Сколь могуч я — Гела Гайтак!!
Что ж, узнаешь, какой я есть,
На себе убедишься в том!
Измерял ты золотом честь,
Мерил мужество серебром.

А теперь выпускаешь дух,
Чуть влачишься в краю глухом...
Что ж, хорош ты князь — пастух.
Будь, Мирза, моим пастухом!
Будешь ты, мирза, с этих пор
Затевать с пастухами спор
Из-за места у очага,
Из-за лакомого куска.
Ты добычу взял не в бою,
Взять хотел невесту мою,
Да не вышло!.. Паси тогда
Табуны чужие и стада!

И невеста мирзу опять
Принялась по дороге гнать,
Норовя побольней хлестнуть.
А Гайтак продолжал свой путь.
И примчался он в те края,
Где ногайские жили князья.

Восседали они, гордясь,
Красовался пред князем князь,
Над Гайтаком злобно смеясь,
Над оружием, что на нем,
Над одеждою, над конем...

И сказал им Гела Гайтак:
— Эй, князья! Ваш главный вожак,
Круторогий чванный козел,
Тот, что вас, как баранов, вел,
Он — мирза горделивый тот —
У меня овец стережет.
Бьет его невеста моя!

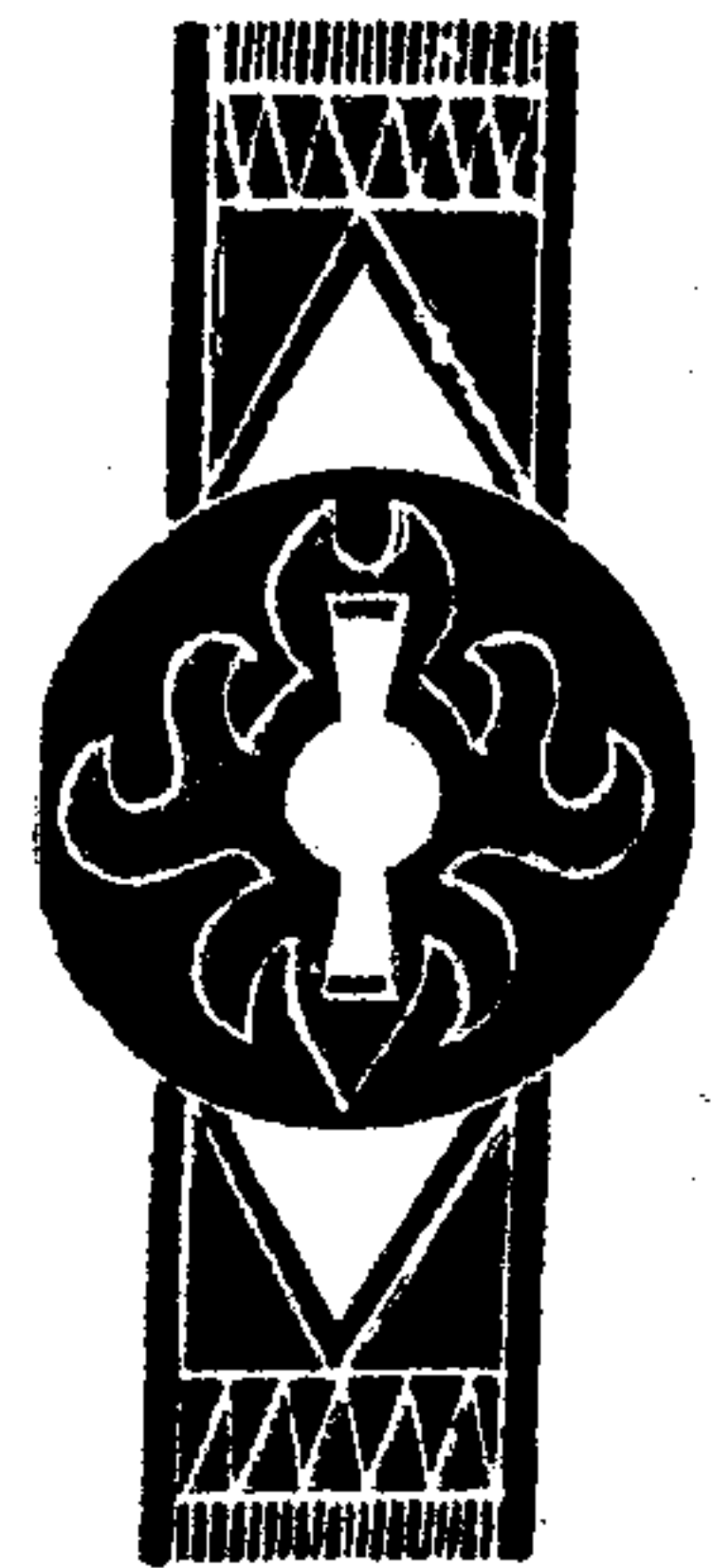
Изменились в лице князья,
Как торговцы, которых вдруг
На базаре ограбил вор.
Охватил их сердца испуг,
Опалил их сердца позор.
На Гайтака князья — гурьбой!
Закипел на площади бой.

Метко бьет Гайтаков мажар,
Верен шашки его удар.
Косяки княжеских коней,
Сотрясая простор степей,
Кант погнал в родное село.

И сказал он матери: — Мать!
Рана в сердце моем зажила.
А на теле им — нет числа:
Ран кровавых не сосчитать!
Видно, смерть за мною пришла.

Стала мать рыдать-причитать:
— Солнце, ты, что по небесам
Совершаешь за кругом круг.
Почему ты померкло вдруг!!

О, яви же милости знак!
Погибает Гела Гайтак.

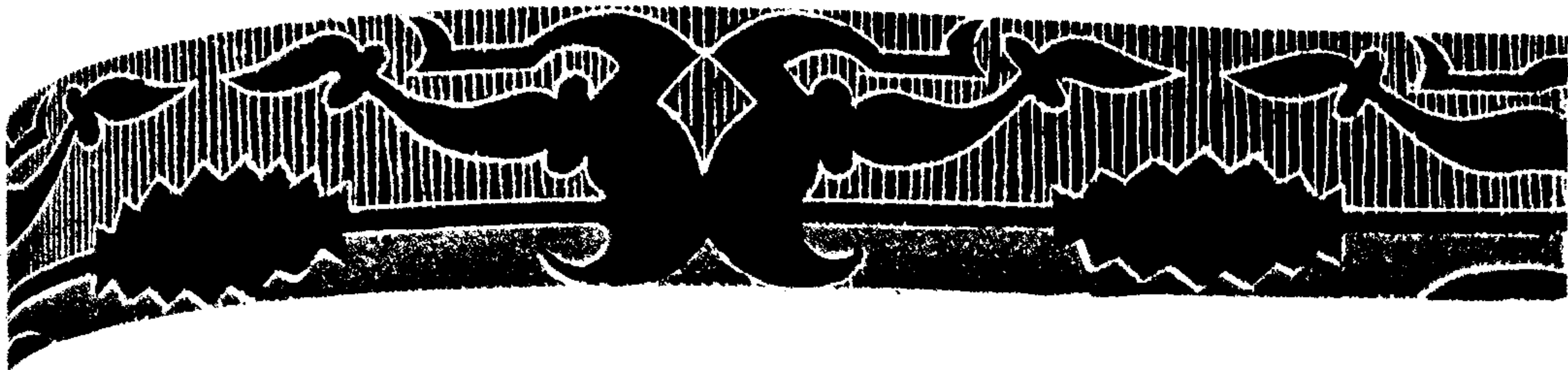
Он, врагов не страшась в бою,
Привозил добычу свою
Не для дома, не для себя,
А для бедных, нищих сирот,
Жизнь свою до срока губя.
Он, Гайтак, — опора, оплот
Обездоленных горьких вдов!
Он давал им пищу и кров!
А теперь он лежит чуть жив,
Неужели мой сын умрет,
Жизни радостей не вкусив,
Мужем сладкой невесты не став,
Сыновей своих не ласкав!
Помоги, о небо, ему,
Сыну смелому моему!
Он не встанет — и мне не встать!

Так стонала, рыдая, мать,
И металась, страдая, мать,
Причитала она с тоской,
Глядя раны белой рукой.
И от легких касаний рук
Раны эти начали вдруг
На глазах у всех заживать...

И Гайтак стал жить-поживать.
Жил, пока не сделался стар.
И построил село — Шахар
Достославный Гела Гайтак.

Если храбрых рождает мать,
Будет род расти и стоять,
Если ж трус уродится, тот
Пусть на свете и не живет!..

ИЛЛИ О ШИХМИРЗЕ, СЫНЕ ЗАЙТЫ

Вечерней зарей,
 под первой звездой,
В белом бешмете, с шашкой кривой,
В папахе, надвинутой на глаза,
Сидел на сходке Зайт-Шихмирза.
Не ветер пылит на склоне крутом —
То всадник, влеком
 гнедым конем,
Прискакал и стал пред Шихмирзой —
Под первой звездой,
 вечерней зарей.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
Ты простись с покоем, Зайт-Шихмирза.
Заломи папаху, открой глаза.
— Алейкум салам, гонец удалой!
Что привез с собой?
 Чем смутишь покой! —
Говорит Шихмирза, потряхнув головой.
Тут гонец молодой потемнел лицом:
— В круглой крепости был я, — промолвил он, —
Туда за добычей я прискакал,
Там — эй, Зайт-Шихмирза! — белый был генерал,
В гнутый рог он трубил, он войско сзывал,
В медный круг ударял,
 офицеров сбирал,
Тебе он войной кровавой грозил
И так говорил:
«Захочет биться — смерть ему,
Захочет мириться — плен ему,
Приведут его в крепость, бросят в тюрьму.

Стадо спрячем в загон — стада нет к утру,
Стадо выгоним мы — стада нет ввечеру,
Кзаков на валу преследует он,
Кзачек к ручью не пускает он;
Как пиявка в реке, как в небе гроза,
Так докучен, так страшен нам Зайт-Шихмирза.
Хочу, чтоб живым он пришел на суд,
А нет — пусть мертвым его привезут!» —
Так промолвив, в крепость ушел генерал.
Тут пестрый сержант поднялся на вал,
Он увидел меня на круглой стене:
«Шихмирза — мой друг, — сказал он мне, —
Пусть бежит скорей, пусть кинет свой дом —
Окружат его ночью тройным кольцом».
Так промолвив, замолк джигит молодой.
Говорит Шихмирза, тряхнув головой:
— Конь мой скачет под солнцем от тени своей,
Своей гривы страшится он в пору дождей,
Горячо люблю я коня своего,
Но тебе, джигит, подарю его.
Прекрасен зари восходящий свет,
Но шашки моей прекрасней нет,
Когда воздух сечет, врагов казня, —
Так промолвив, гонцу подарил он коня.
Сам стал думу думать в сакле своей,
А гонец скакал ветра быстрее.
Под навесом, к столбу прислонясь плечом,
Жена Шихмирзы убивалась по нем:
— Да хранит тебя небо, Зайт-Шихмирза,
Брата нет у тебя, с кем рубиться вдвоем,
Ты беги, Шихмирза, брось родимый дом —
Окружат тебя ночью тройным кольцом.
Тут промолвил с усмешкой Зайт-Шихмирза:
— Не трусливым природа меня создала,
Кровный друг есть под солнцем — Джума-Актола:
Клятвой связаны мы, неразлучны мы с ним,
Ты его позови — пусть придет побратим. —
Так сказал своей милой Зайт-Шихмирза.
В смятенье, тревогой окрылена,
К тому Актоле устремилась она:
— Будь весел день твой, Джума-Актола!
— Будь жизнь твоя долга и светла!
Вольной волей ты иль неволей пришла!
— Вольной волей я и неволей пришла:
В великой беде Шихмирза-побратим,
Окружат его ночью кольцом тройным,
Тебя, кто клялся умереть вместе с ним,
Тебя, Актолу, кто тверд душой,
Тебя призывает друг верный твой,

Зовет на помощь, на смертный бой. —
Так промолвив, ответа она ждала.
Тут молвил в ответ ей Джума-Актола:
— Мне дороже души невеста моя,
Увезут ее завтра чужие князя,
Выручать ее еду в далекий край, —
Это слово мое Шихмирзе передай.
И как только замолк Джума-Актола,
Шихмирзы голубка домой пошла —
Привет на устах,

гнев в очах —

Медленным шагом домой пошла.
От ворот ей навстречу — старый Джума,
Отец Актолы — старый Джума.
— Будь жизнь твоя долга и светла!
Вольной волей ты иль неволей пришла!
— Вольной волей пришла я, старый Джума,
И неволей пришла я, старый Джума.
Актолу зовет Шихмирза-побратим,
Окружат его завтра кольцом тройным.
Того, кто клялся умереть вместе с ним, —
Твоего Актолу зовет Шихмирза,
На помощь кличет Зайт-Шихмирза.
Так промолвив, пошла своим путем.
Тут старый Джума потемнел лицом.
— Что ж ответил тебе мой сын родной!
Шихмирзы голубка смутилась душой:
— Тоскует он по невесте своей,
Отбивать ее едет у дальних князей.
— Лучше б дочь, не тебя, я взрастил, Актола,
Дочь, уж верно б, в мужья удальца избрала,
Не пришлось бы краснеть мне на склоне дней,
Не пятнал бы он доброй славы моей.
Ты скажи: на смерть я, старый Джума,
И в бой, скажи, готов я, Джума,
Скажи ему: верен старый Джума,
Шихмирзе не изменит старый Джума.
Ты скажи ему, страха не знай, Шихмирза,
За тебя будет биться старый Джума. —
Ее отпустил он с речью такой.
Шихмирзы голубка летит домой,
Тут Зайт-Шихмирза подходит к ней:
— Что сказал Актола! Отвечай скорей.
— Невесту увозят, сказал Актола,
Отбивать ее еду, сказал Актола.
На смерть, сказал тебе старый Джума,
И в бой, сказал тебе старый Джума,
Я готов, сказал тебе старый Джума,
Будь тверд, сказал тебе старый Джума,

Не страшись, сказал тебе старый Джума,
Вдвоем будем биться, сказал Джума,
Своей голубке внимал Шихмирза.
Умолкла она — сказал Шихмирза:
— Ах, не будь ты несчастлив, Джума-Актола,
Коли милая так тебе мила,
Возьми мою — иль моя лоза
Не слаще твоей! — так сказал Шихмирза.
Вечерней зарей,
 под первой звездой
Тут лег Шихмирза на отдых ночной,
Чтоб думы и сердце сном укачать.
Вот свет прекрасный взошел опять,
Зайт-Шихмирза глядит из окна —
Сакля врагами окружена,
И речь генерала ему слышна:
— На небо не влезешь — глубока вышина!
Не уйдешь и в землю — земля плотна!
Захочешь биться —
 умрешь, Шихмирза,
Захочешь мириться —
 пропадешь, Шихмирза,
В круглой крепости нашей сгниешь, Шихмирза!
— Чтоб сам ты умер, враг-генерал!
Я в небо уйду — не даром стрелял,
Я в землю уйду — мой отточен кинжал.
На свет я рожден не с трусливой душой,
Рожден я затем, чтоб рубиться с тобой! —
Так промолвив, выбежал Зайт-Шихмирза,
Тонкой шашкой сверкнул, как молнией гроза,
И стал тут рубиться Зайт-Шихмирза.
Враги подступили кольцом тройным,
Тут вихрем густым
 всклубился дым,
Тут синий свинец загудел дождем,
Джума пробудился в доме своем.
К конюшне бревенчатой он бежит,
Уздечкой серебряной он гремит,
Словно невесту, убрал он коня,
И был тот конь горячей огня.
Тут вскочил Джума на коня своего,
Тут молвил коню, лаская его:
— Горячим трехлетком снова будь! —
Так молвил Джума и пустился в путь.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
Не дрогнул ли ты, эй, Зайт-Шихмирза!
Не падай духом, джигит молодой, —
Старый Джума — рядом с тобой!
— Не пал я духом, старый Джума,

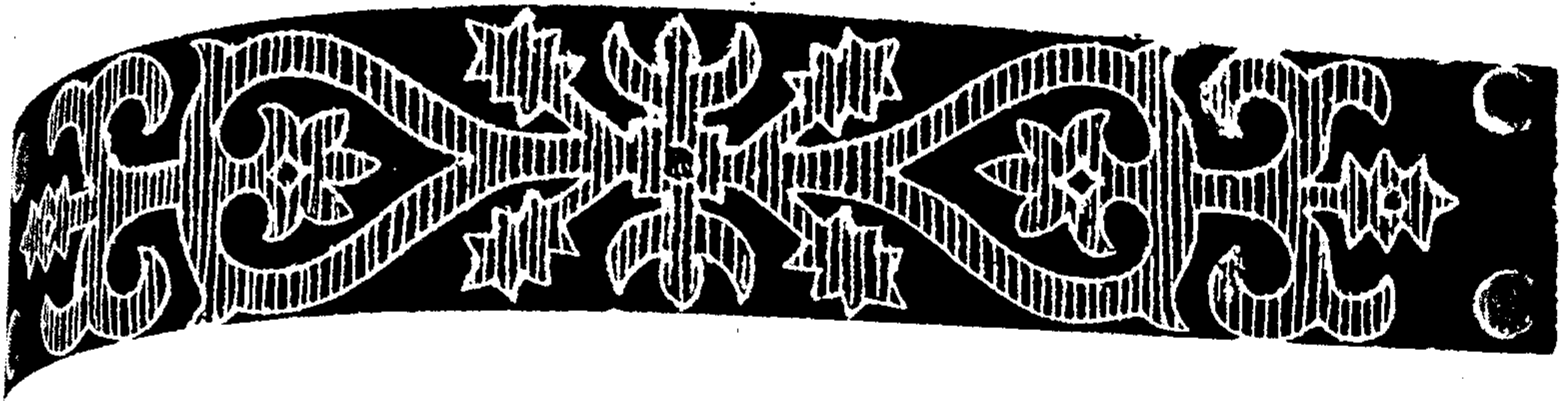

Чернокрылый ты сокол, старый Джума,
Соколенок я горный, старый Джума.
Ты зачем на бой прискакал незван!
Не снесет твое тело смертельных ран.
— Мое старое тело закалено,
Любую рану снесет оно,
Немало битв у меня за спиной.
Тут кинулись в бой Джума с Шихмирзой.
Не трава растет — то войско встает,
Молодецкая кровь из ран течет,
Тут вышли из боя они сам-друг,
Тут склонились они на зеленый луг.
Промолвил, стоная, старый Джума,
Шихмирзе тут молвил старый Джума:
— Не будь ты несчастлив, Зайт-Шихмирза,
На тропинку вон ту обрати глаза,
Не скачет ли там мой сын Актола,
Не проведал ли он, что смерть нам пришла!
На слабых руках приподнявшись с земли,
Глянул Зайт-Шихмирза на тропу вдали:
— Не будь ты несчастлив, старый Джума,
Белый полк окружал нас, старый Джума,
И я вышел один на полк царский тот,
Но несметное войско теперь идет,
Все царское войско на нас идет.
— Не падай ты духом, Зайт-Шихмирза,
Глянь страху в глаза, эй, Зайт-Шихмирза,
То не царское войско на нас идет —
То мой сын Актола молодцов ведет,
Юный мой Актола к нам на помощь идет.
И как только умолкнул старый Джума,
Вот уж едет, вот скачет Джума-Актола.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
— Алейкум ва салам, Джума-Актола!
Не хотел ты помочь мне, Джума-Актола,
Тебе милая больше души мила,
Я б свою тебе отдал — моя ль лоза
Не слаще твоей! — так сказал Шихмирза.
Джума-Актола тут молвил в ответ:
— В твоих упреках правды нет.
Ты чем недоволен, Зайт-Шихмирза!
Что с недругом вышел на смертный бой!
У чеченских джигитов обычай такой,
Иль позабыл ты, эй, Зайт-Шихмирза! —
Так промолвив, объехал его Актола.
Тут увидел отца своего Актола:
— Ассалам алейкум, мой старый Джума!
Что случилось с тобой, эй, отец мой Джума!
— Алейкум ва салам, мой сын молодой,

Я телом здоров, но убит душой.
 Лучше б дочь, не тебя, я возрастил, Актола,
 Дочь, уж верно б, в мужья удальца избрала,
 Он, уж верно б, не бросил меня в бою,
 Он встал бы грудью за честь мою!
 Молодой Актола тут молвил в ответ:
 — В твоих упреках правды нет.
 Ты чем недоволен, старый Джума!
 Что с недругом вышел на смертный бой!
 У чеченских джигитов обычай такой,
 Иль позабыл ты, эй, старый Джума!
 Тут в бой устремился юный джигит:
 Кто скачет в бой — с коня вдруг сбит,
 Кто скачет из боя — попал в аркан,
 Враг дрогнул, страхом обуян.
 Актолу подзывает старый отец,
 Актоле тут молвит старый отец:
 — Уходит из тела душа моя,
 Пока свет не потух, пока гневен я,
 Ты голову сбей с генеральских плеч,
 Чтоб мог я спокойно в могилу лечь. —
 Так промолвил Джума и вновь затих.
 Стал глядеть Актола на врагов своих,
 Гневный взор пробежал по их рядам,
 Но не нашел генерала там.
 Тут пестрый сержант в дыму мелькнул,
 К нему Актола коня повернул:
 — Зачем генерала не видно в бою!
 Отвечай — иль надвое раскрою!
 Отвечай — иль синим свинцом залью!
 — Ни свинец твой, ни шашка мне не сделают зла,
 Я ведь друг Шихмирзы, эй, Джума-Актола! —
 Так промолвив, тропинку он указал,
 По которой умчался вскачь генерал.
 Над конем засвистела тонкая плеть —
 То Джума-Актола помчался вслед.
 — О храбрый
 чеченский джигит!
 Отпустишь меня в родные края —
 Меру белого серебра дам тебе я,
 Обнимет меня подруга моя —
 Меру красного злата дам тебе я!
 — Мне белое серебро — плоть твоя,
 Злато красное мне — голова твоя,
 Когда с плеч сниму ту голову я. —
 К отцу прискакал: — Эй, старый Джума,
 Ну что ж, враг убит, старый Джума,
 Этого хотел отец мой Джума! —
 И старый Джума тут встал, исцелен

И Зайт-Шихмирза тут встал, исцелен,
И каждый боец вскочил на коня.
И рубились все трое до заката дня.
Тут враги распростились со счастьем своим,
Тут удалцы подружились с ним.
Зажав подпругами раны коней,
Пояса стянув над болью своей,
Отдохнуть от ран улеглись бойцы.
Тут был им желанный отдых дан,
Но горько томились они от ран.
Вдруг пестрый сержант прискакал на луг,
Их раны лечил, исцелял недуг,
Стал друг Шихмирзы — их общий друг.
Встали, смерти в укор,
 три бойца удалых,
Жили в дружбе с тех пор
 три бойца удалых.
Кто с поля битвы бежит, устрашен, —
Пусть душу, бегущий, извергнет он,
А кто до конца не покинет бой —
Пусть владеет счастье его рукой!

ИЛЛИ ОБ АКТОЛЕ, СЫНЕ ДЖУМЫ

В дорогу коня снарядил Актола,
Себя окружил он поджарыми гончими.
Садятся на плечи к нему покорно
Серебряноклювые серые ястребы.
Отправился в путь отважный Актола.
Туда он погнал коня быстрого,
Где диких кошек не сыщет охотник,
Где только птичьи крики разносятся.
К высоким горам, говорят, Актола,
Сын славного Джумы, примчался, странствуя.
В тот час опускалось все ниже солнце,
В тот час приближались медленно сумерки.
Тогда стремяна оставил Актола,
На землю он спрыгнул с коня высокого,
Тогда скакуна своего стреножил
И лег отдыхать под покровом вечера.
Седло положил он под изголовье,
К бокам он придвинул сумки седельные.
Над ним загорелись первые звезды,
И ветер его убаюкал шорохом.
К нему прикоснулся холод рассвета,
И, словно олень под стрелой охотника,
Тотчас вострепнулся юный Актола,
Взглянул на седые вершины горные.
И Терек окинул он зорким взглядом —
На желтой земле островка песчаного,
Там, где шумят камышовые стебли,
Он увидел табуны черкесские...
Там люди стояли и песню пели,
Летела песня над синим Тереком,

И слушал молча юный Актола,
И мчался напев над вершиной горною.
И сын Шабы, Шахбулат, подъехал
На легком коне и сказал приветливо:
— Салам алейкум, храбрый Актола,
Да будет день твой отмечен радостью!
— Алейкум салам, Шахбулат отважный,
Прими простое мое приветствие!
Скажи, Шахбулат, какими вестями
Меня ты хочешь сейчас порадовать! —
Так отвечал ему Актола.

А Шахбулат сказал задумчиво:
— Выслушай слово мое, Актола.
Брата ищу я, брата названного!
Спутник мне нужен, верный товарищ,
Чтоб разделял он со мною горести,
Чтобы делил он со мною радость.
Вот я какого ищу товарища!
Так Шахбулат свою речь закончил.
И улыбнулся Актола ласково:
— Нелегкое дело ты задумал,
Но я помогу Шахбулату смелому!
Я честью своей поклянусь, товарищ,
Тебя никогда не покину в бедствии,
С тобой разделю я радость и горе,
Во мне ты увидишь брата названного!
Они провели за беседой сутки.
Их речи были теплы и радостны.
Когда же им время пришло расстаться,
Обнялись они, словно братья кровные.

И сын Шабы, Шахбулат, явился
В дом Актолы под кровлю желанную.
И вышла во двор сестра Актолы,
Прикрытая легкою шалью шелковой.
Она лицо свое закрывала —
Так месяц облаком заслоняется.
По имени гостя она назвала...
— Входи, Шахбулат, о тебе я слышала!
Правда ли то, что ты друг Актолы,
Верный товарищ брата любимого!
Я с почестью гостя такого встречу,
Слезай же скорее с коня высокого!
— То, что ты слышала, справедливо.
Но дай наглядеться сперва, прекрасная,
На стройный стан, на твою улыбку,
Потом я покину седло высокое...

И на эти слова Шахбулата
Гордо сестра Актолы ответила:
— Если ты голоден — в нашем доме
Пища для путника приготовлена.
Если сразила тебя усталость —
В доме готова постель для путника.
Но не гляди на меня так долго,
Но не гляди на меня так пристально!
То, что ты в сердце своем скрываешь,
Лучше с собой унеси далеко...

И Шахбулат повернул обратно,
Выслушав эти речи суровые.
И в этот день отважный Актола
Меж тем пригнал табуны угнанные,
В большой аул на площади старой
Собрались большого аула жители.
— Сколько б у вас их ни угоняли,
Не переводятся кони быстрые! —
Слово такое молвив, Актола
Легких коней возвращает жителям.
Затем он в родной аул прибывает.

Сестра встречает его печальная.
И, брови высоко подняв, Актола
К прекрасной сестре своей обращается:
— Я никого не убил в дороге
И сам невредим явился, сестра моя!
Зачем глядишь на меня так грустно?
Зачем слезой глаза затуманены!
И отвечает сестра Актоле:
— Я огорчу тебя этим признанием...
Брат твой названный сюда приехал.
Меня полюбил он любовью пылкой.
Любовь затаив, он домой вернулся.
Сказала и опустила голову.
Тогда приказал ей юный Актола:
— Одежду невесты надень, сестра моя,
И отправляйся в дом Шахбулата!

Сестра исполнила приказание.
Быстрые кони ее примчали
В большой аул, к Шахбулату статному.
— Вот я к тебе, сын Шабы, явилась...
Гостью встречает хозяин радостно.
— Ты оказала честь Шахбулату.
— Ты полюбил меня... Я приехала!
— Входи же в дом, о сестра Актолы!

Я отлучусь на одно мгновенье.
Есть у меня небольшое дело.
Он остается один, в раздумье...
«Не погуби меня, злое сердце!
Многие шли навстречу желаньям,
Многие сердцу давали волю —
И навеки себя опозорили...
Я укрошу тебя, сердце злое!
Я нанесу тебе рану страшную!
Он пистолет берет восьмигранный,
В грудь посылает пулю свинцовую.
Падает он на твердую землю.
«Скоро ты, сердце мое, успокоишься!»
На выстрел вышла сестра Актолы.
— Горе, горе тебе, безрассудному!..

Всадника в миг она снаряжает.
Всадник помчался быстрее молнии.
— Выйди скорей, не медли, Актола!
Я привез тебе вести тревожные!

— Ты запыхался, я вижу, всадник.
С чем ты примчался ко мне! Рассказывай!
И, не слезая с коня, ответил
Всадник, дыша тяжело, прерывисто:
— Кровного друга беда постигла,
Твой брат названный лежит, не движется.
Он пистолет поднял восьмигранный
И прострелил себе грудь в отчаянье.

И вышел Актола во двор поспешно,
Вывел коня из конюшни бревенчатой.
Его оседлал он седлом широким
И молчаливо в дорогу отправился.
Скакун летел, как быстрая птица.
Актола сзывал врачей ученейших,
Искусных врачей из аулов ближних,
Из дальних аулов мудрейших лекарей.
И прибыл Актола в дом Шахбулата.
На ложе горячем метался раненый.
Глаза покрывались пленкою смерти.
У ложа столпились врачи искусные.
И сын Шабы, Шахбулат, увидел
Актолу юного, брата названного,
И сын Шабы, Шахбулат, услышал
Слова Актолы, простые, теплые:
— Салам алейкум, Шахбулат отважный,
Ты встанешь с постели живой и радостный.

— Алейкум салам, мой верный товарищ,
Спасибо тебе за речи хорошие!..

Тогда на врачей поглядел Актола
Суровым взглядом: — Врачи искусные!
Если он с этого ложа встанет,
Шелком я вас награжу и золотом.
Если ж померкнут глаза Шахбулата,
Острая сабля снесет вам головы!..
И взялись за дело врачи не медля.
Не спали ночей ученые лекари.
И время летело. И встал с постели
Сын Шабы, Шахбулат отважный.

И в дом Шахбулата радость вернулась.
И жил Шахбулат с женою любимой.
Была нерушима дружба с Актолой,
И все изумлялись той дружбе пламенной.
И волосы им заснежила старость...
Они благородно и мудро жили.
И песня об этой дружбе осталась,
Которую поколения сложили!

ИЛЛИ О КАБАРДИНЦЕ КУРСОЛТЕ

I.

В тихой долине, где Терек смиреннее, —
Там основал и расширил селение
Старец почтенный, седобородый,
Дада — отец Цонторойского рода!

Сильным — опора, слабым — защита,
Выросли в этом селенье джигиты:
Наитрусливейший — волка храбрее,
Наиленивейший — серны быстрее!

Солнцеподобная — близким на счастье,
Стан ее гибкий и облик милый
Точно вытачивал лучший мастер,
Выгнуты брови, как ветви кизила,
Змеями косы сбегают черные,
Очи, что ягоды горного терна,
Плечи округлые, тонкая талия,
Девушки краше в Чечне не видали,
Да и нигде на земле, может статься! —
Выросла дочь у почтенного старца.
Роем вокруг дивной красавицы вьются
Храбрые юноши Дады-Юрта.

...Старец почтенный
Кликнул клич громогласно: — Джигиты!
Гордые юноши нашего юрта!
Славьтесь вы недаром как будто!
Слушайте, что говорить я буду:
Дочь у меня подросла — красавица,
Нежно воспитана — сами знаете.

Все вы желаете ей понравиться,
Все вы жениться на ней мечтаете.

Не за богатого дочь я выдам,
Не за мудрейшего из мудрецов.
Пусть ее муж не прельщает видом,
Лишь бы добыл он трех жеребцов.
Пусть эти три жеребца красивые
Будут столь схожи хвостом и гривой,
Мастью и резвостью, каждой статью,
Чтобы с трудом их мог различать я.
Кто жеребцов приведет мне таких,
Тот моей дочери — лучший жених!

Юноши, слово услышав такое,
Разом лишились сна и покоя:
Тот, кто богат, побежал покупать,
Кто воровит, возмечтал своровать.

С сердцем разбитым, с душою угрюмой,
Тяжко вздыхая, совсем один
Брел, погружен в невеселые думы,
Юноша — честной вдовицы сын.

Тот, кто богат, побежал покупать,
Кто воровит, возмечтал своровать.
Я же, кто к бедности с детства приучен,
Кто воровству с малых лет не обучен,
Твой обездоленный сын молодой,
В горьком раздумье бреду я домой.
Из-за того, что бедны мы с тобою,
Из-за того, что мы скромно одеты,
Я не решался поспорить с судьбою,
Не приближался к красавице этой,
С ней никогда не вступал в разговоры,
Хоть на меня и бросала взоры
Девушка, горькой души отрада.
Мне же другой невесты не надо!
Мать, извини, что о ней говорю я.
Но от любви и печали горю я.
Нет у меня тяжелее беды.
Мудрого друга нет, нет тамады,
Старшего нет, кто меня повел бы,
Младшего нет, кто за мною пошел бы,
Нет у меня дорогого брата.
Видно, затем лишь меня родила ты,
Чтобы, тоскуя, блуждал я впотьмах.

Лучше мне было б на свет не родиться!
Не с кем печалью мне поделиться.
Только и есть у меня — ты одна —
Мать моя, горестная вдовица.
Все, что ни скажешь, свершу я сполна.

— Сын мой, надежда моя и отрада,
Скорбная тень без отца и без брата,
В жизни отчаиваться не надо.
Может быть, девушка, сердца услада,
Все же придет в небогатый наш дом,
А не придет — велика ли утрата!
И не таких мы красавиц найдем!

Шла об отце молва наилучшая,
Был он отважный и мудрый воин.
Да и со мной не бывало случая,
Чтоб я отстала хоть в чем-нибудь.
Если окажешься нас недостойн,
Сам на людей постыдишься взглянуть!
Трех жеребцов — можешь быть спокоен! —
В лавке не купишь, будь трижды богат.
И не найдется такой конокрад,
Чтоб ухитрился достать их бесчестно.
Людям известна всем сакля та,
Где кабардинец живет Курсолта.
Он, Курсолта, — человек знаменитый,
Нет в Кабарде храбрее джигита.
Ты отправляйся, сынок, в Кабарду,
Гордый Солта, он развеет беду.
Только отец был с ним равен силой, —
Сыну-джигиту вдова говорила.

И материнские выслушав речи,
Взял он серебряную уздечку,
Вывел поджарого скакуна
Вон из бревенчатого сарая —
Конь чистокровный плясал, играя!

Он привязал коня к коновязи,
Тонким черкесским седлом покрыл,
Сбруей украсил, достойной князя,
Споро в далекий путь снарядил.
Тут же и сам джигит понемногу
В дальнюю стал собираться дорогу.
Платье надел на себя дорогое,
Словно самими княгинями сшитое,
Саблю отца захватил с собою,

Взял он с собою ружье знаменитое,
Шапки каракуль он сдвинул на брови,
Стиснул в руке свистящую плетку,
Вышел из комнаты легкой походкой,
Славный джигит этот — отпрыск вдовый.
Грыз удила его конь поджарый,
Всадник взлетел на коня, как будто
Ястреб на верх могучей чинары.
Выехал юноша из Дады-Юрта.

Словно под вечер солнце с землею —
Так он расстался с саклей родною.
Так же, как в клуб офицер отправляется.
Так, как мужик к реке спускается,
Так он отправился в Кабарду —
То ли на радость, то ль на беду.

II.

Всадник с конем говорит по дороге:
— Друг, хоть в ответ ты не скажешь ни слова,
Верю — поймешь ты мои тревоги.
Щедро кормил я тебя, гнедого,
Светлой весною — травами горными,
Летней порою — овсами отборными.
В осень зерна не жалел для коня,
В зиму — вареного ячменя.

Я за тобою, за жеребенком,
Нежно ходил, как за малым ребенком,
Мылил и чистил, ладонями глядя,
Спереди челку твою — от ветра,
Гриву твою — чтоб не портилась — сзади...
Слушай, хоть ты и не дашь ответа,
Ты, кто бы мог заменить мне брата!..
Трех жеребцов — вдруг да купит богатый,
Кто воровит — может их своровать,
Мы же с тобою — особая статья.
Мне, злополучному сироте,
Что остается!.. Спешить к Курсолте!
Если на пользу пойдут им старания,
Если желающий покупать
Или мечтающий своровать
Трех жеребцов раздобудет ранее,
Девушка эта пойдет не к нам!
Вот будет горе, и стыд, и срам!
И потому, мой скакун любимый,
День предстоит нам, ни с чем не сравнимый.

Больше не будет такого дня!
Не посрами же чести коня!
Если тебя, гнедой, пожалею,
То расплачусь я жизнью своею,
Если себя пожалею я, —
Станет расплатою жизнь твоя.

Гибкий свой хлыст поднимает он,
Верный скакун, что с любовью взращен,
Хоть и не знающий языка,
Понял все мысли наверняка.
И, точно вихрь, понес смельчака.

Только натянет джигит поводья —
Конь, в поднебесье взлетев, уходит,
Только отпустит поводья джигит —
В землю скакун уйти норовит.
Скачет-несется конь чистокровный.
Прянет — хребет рассекает горный.
Прыгнет — минует ущелье длинное,
Словно проскальзывает долиною.

Благодаря стараньям коня
Задолго до окончанья дня,
Горную миновав гряду,
Прибыл чеченец-джигит в Кабарду.

Улица светом заката облита.
Там, где дороги крутой поворот,
Видит приезжий — сошлись джигиты.
Там — кабардинских джигитов сход.
К ним обращается сын вдовы:

— Ассалам алейкум! Счастливой беседы!
Силой и доблестью славитесь вы,
К вам я не зря издалёка еду!
И кабардинские молвят джигиты:

— Ва алейкум салам, джигит незнакомый!
Коль в гости приехал — с коня сойди ты
И в Кабарде у нас будь как дома.
Если по делу, то вымолви слово:
Гостю помочь кабардинцы готовы.

— С гостем хлопот у вас будет немного:
В дом Курсолты покажите дорогу.
Верно, известна вам сакля эта!

Младшему тут же велели джигиты:
«Гостя живей к Курсолте проводи ты!»

На брови белую сдвинул папаху,
Огненными очами сверкая,
Тонкою саблей небрежно играя,
Гордый джигит, не знававший страха,
Он восседал пред своим порогом
Низко на стуле аварском, треногом,
Вечера он созерцал красоту.
Так сын вдовы увидел Курсолту.

— Ассалам алейкум, здоров будь, джигит!
Ты, что по всей Кабарде знаменит!
Счастье да будет с тобой, Курсолта! —
Молвил чеченский джигит-сирота.

— Ва алейкум салам, мой гость незнакомый!
В гости ты прибыл? Иль, может, по делу?
Если по делу, рассказывай смело.
Если же в гости, так будь как дома.
Слушай, с гнедого коня сойди-ка.
Сядем на русские стулья с тобою.
Лучшие вина нальет нам Альбика,
Блюда подаст с обильной едою. —

Вот что чеченцу сказал Курсолта.
И отвечал сын вдовы-сирота:

— Друг, благодарность тебе приношу я.
Слушай внимательно то, что скажу я:

Там, где становится Терек смиреннее,
Там основал и расширил селение
Старец почтенный, седобородый,
Дада — отец Цонтаройского рода.
Жили мы с матерью с ним по соседству.
Дочь старика приглянулась мне с детства.
И на меня она взоры бросала.
Сердце красавицу эту избрало.

Старец однажды пошел к мечети.
Вот что сказал он на минарете:
«Не за богатого дочь я выдам,
Не за мудрейшего из мудрецов,
Пусть ее муж не прельщает видом,
Лишь бы добыл мне трех жеребцов.

Пусть эти три жеребца красивые
Будут столь схожи хвостом и гривой,
Мастью и резвостью, каждой статью,
Чтобы с трудом их мог различать я.
Кто жеребцов приведет мне таких,
Дочке моей — наилучший жених!»

Тот, кто богат, побежал покупать,
Кто воровит, возмечтал своровать!
Смалу я не был к богатству приучен,
Матерью я воровать не обучен.
Брата лишен я, лишился отца.
Нане излил я тоску до конца.
Вот что мне мать отвечала на это:
«Людям известна всем сакля та,
Где в Кабарде живет Курсолта,
Гордый Солта — он джигит знаменитый,
Лучшего не было в мире джигита,
Сын мой, сыщи Курсолту в Кабарде,
Он, Курсолта, и поможет в беде...

Время мне дорого. Сам посуди-ка:
Если за стол я усядусь с тобою,
Если вина поднесет нам Альбика,
Если поставит блюда с едою,
Если с тобой поведу разговоры,
Могут меня обогнать богатеи,
Опередят меня сельские воры —
Трех жеребцов раздобудут быстрее.

Вот что сказал Курсолте сирота,
И отвечает ему Курсолта:
— Гость мой, прибывший сюда издалека,
Очень скромна твоя просьба-речь.
Думал я: горе твое жестоко.
Мать-Кабарду я должен поджечь!
Трех жеребцов одинаковой масти
Можно достать, это — труд невеликий.
Но лишь сегодня достиг я счастья,
Свадьбу сегодня сыграл с Альбикой.

Нет, этой ночью не сдвинусь я с места,
Из дому я никуда не поеду,
Не поглядев на красу невесты,
Не заведя с ней мирскую беседу.
В путь не зови ты сегодня меня,
Ты пережди эту первую ночь.
Будь моим гостем, сойди с коня.
Завтра успею тебе помочь.

Гость повернул к воротам гнедого.
В гневе такое сказал он слово:
— Что ж, оставайся с невестою белой,
Ждать ни одной я не буду ночи!
Хочешь свое довершить ты дело,
Дело мое отложить ты хочешь.
Не о тебе говорила мне мать.
Еду другого Солту искать!

Но Курсолта стальною рукою
Крепко схватил коня за узду:
— Что ты еще задумал такое!!
Что ты затеял мне на беду!!
С миром меня ты решил поссорить,
Имя мое захотел опозорить!!
Видимо, тот, кто вдовою воспитан, —
Как ни была бы разумна мать! —
Не понимает шуток джигитов:
Думал я только тебя испытать.

Если хоть где-нибудь в мире кобыла
Трех жеребцов-близнецов породила,
Как бы далеко не было это, —
Будут они во дворе к рассвету!
А не окажется на заре
У коновязи здесь, во дворе,
Трех жеребцов, что равно красивы,
Схожи друг с другом хвостом и гривой,
Знай, что погиб Курсолта-джигит,
Знай, что врагами джигит убит.

Слушай, мой гость, в комнатушке маленькой
Мягкую нынче постель постлали мне.
Ляг на нее, отдыхай, вдовый сын,
Дело твое совершу я один.
Но на твоём скакуне проворном —
Уж разреши! — я отправлюсь в поход.
Конь мой пасется на пастбище горном.
Стану искать — целый день пройдет.

Словно бы ястреб на верх чинары,
Сел Курсолта на коня поджарого.
Солнце еще не успело зайти,
Красный закат горел на земле,
А Курсолта был уже в пути.
Сидя удобно в кленовом седле,
К цели спешил он, удачу клича,
Мчался, как ястреб летит за добычей.

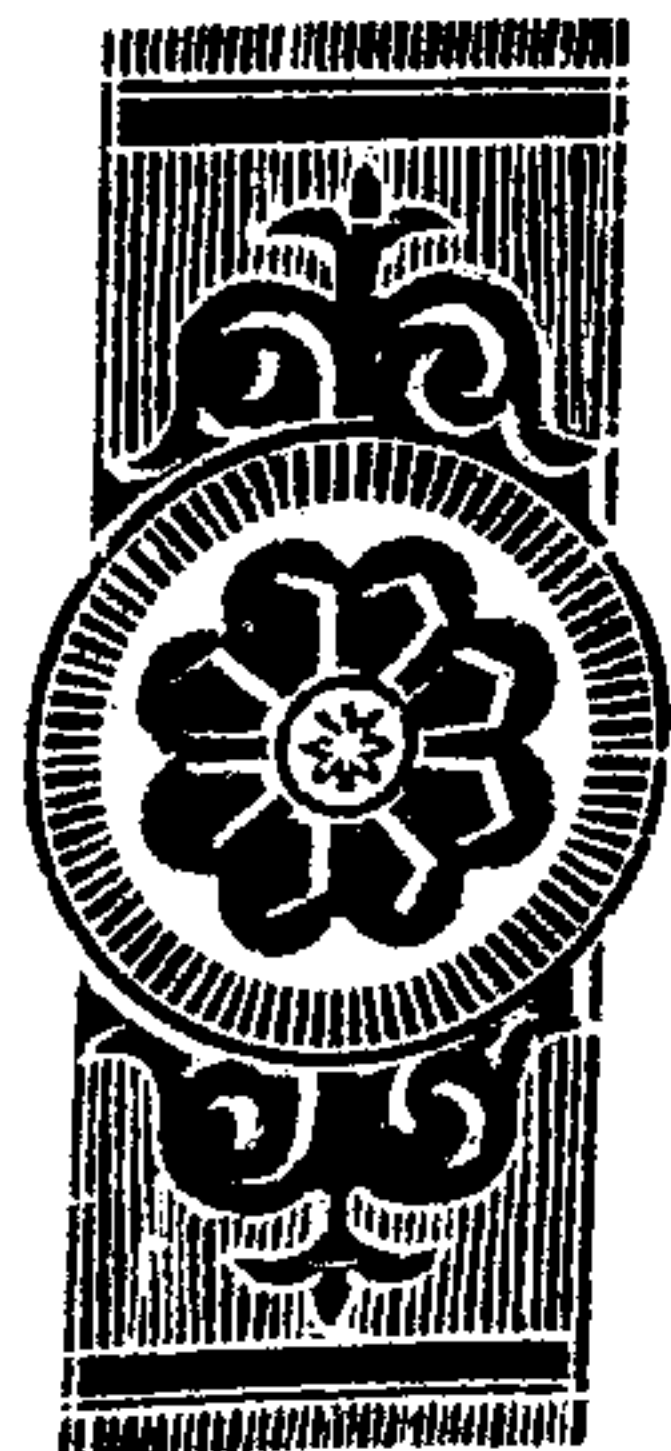
Юный джигит, хоть устал с пути,
Все ж постеснялся в саклю войти.
Лишь с наступлением темноты
Тихо прилег на постель Курсолты.

Этого знать не могла Альбика,
Робко вошла и легла Альбика
Рядом с джигитом — порой ночью:
Думала — это лежит Курсолта.
И, не открыв от смущенья рта,
К ней повернулся джигит спиной.
Рядом лежал он — и глух, и нем.
И удивилась тому Альбика,
Та, что, как солнце, золотилика:
«Видно, меня он не любит совсем!
Ласки и радости я не вижу!»
К мужу она подвигается ближе.
Но отодвинулся сын вдовы,
К девушке не повернув головы
И все старания устремя,
Чтоб не притронуться к ней как-нибудь,
Все же нечаянно юную грудь
Пальцами он задевает двумя.
Саблю тотчас же джигит извлек,
Пальцы отсек, завязал в узелок
И положил узелок на окно.
Думал: того не видала Альбика —
В комнате было темным-темно.

Гнев на Альбику нашел великий:
«Ну, Курсолта!! Задумал жениться,
В дом свой друзей без числа привел
И усадил за свадебный стол
Лишь для того, чтоб пред всеми хвалиться:
«Стала Альбика моей женой!»
Будет с меня!.. Ухожу домой!»
Бросилась к двери. В ту же ночь
Снова к отцу возвратилась дочь.

III.

А Курсолта на коне поджаром
Скачет и отдыха знать не хочет.
Ночь эта светлая стала короче.
Скачет он городом Белькузаром.
В городе том — как молва сказала —
Заперты крепко у генерала
Три жеребца в железном сарае.

И Курсолта, как будто играя,
Тяжкий, железный сломал засов,
Вывел на волю трех жеребцов,
Схожих друг с другом во все их статях,
Так что непросто всех трех различать их.

Только лишь звезды ушли с небосклона,
Вспыхнул рассвет над долиной зеленой —
Прибыл джигит Курсолта в Кабарду,
Трех жеребцов он вел за узду.
Трех жеребцов, что достойны князя,
Он во дворе привязал к коновязи.
В комнату быстро вошел, где спит
Гость молодой, сирота-джигит.
Тронув рукою его за плечо,
Стал Курсолта говорить горячо:

— Друг, подниматься с постели надо!
Прибыл я из Белькузар-града,
Слово свое сдержав, — на заре.
Встань, погляди — стоят во дворе,
Крепко привязаны к коновязи,
Три жеребца, достойные князя,
Мастью красивой радуя глаз.
Слушай, пока рассвет не погас,
На небо солнце взошло лишь частью
С ними домой поспеши на счастье!

Так кабардинец сказал, Курсолта,
Живо поднялся джигит-сирота.
Трех жеребцов держа за узду,
Сел на гнедого, чтоб в путь пуститься,
Чтобы покинуть с утра Кабарду.
И провожая его до границы,
Так говорит ему Курсолта:

— Жаль, что покинешь ты наши места,
Что ненадолго зашел в мой дом.
Век бы тебя нам не отпускать бы!
Гость мой, прошу тебя об одном:
Ты не устраивай пышной свадьбы
Раньше, чем в гости к тебе не приеду,
Раньше, чем мы не продолжим беседу.

Сколько для пира нужно скота,
Водки зеленой, цветного вина,
Все привезу тебе я, Курсолта,
Все на себя я беру сполна.

Пир для тебя и друзей устрою,
Всех накормлю я щедрой рукою,
Ты же пока пребывай в покое.

На пограничное вышли место:
— Где же Альбика — моя невеста!
Что-то я в доме ее не встречал!..
Гость на вопрос Курсолты смолчал,
Благодаря его за услугу.
Так и расстались два доблестных друга.

IV.

Въехал джигит в свой родной Дады-Юрт.
И во дворе своей девы-отрады
Трех жеребцов из Белькузар-града,
Трех скакунов, что достойны князя,
К трем привязал рожкам коновязи.
Тою же утреннею порой
К матери он поспешил, домой.

И увидал их старец почтенный,
Выйдя для утреннего намаза, —
Трех жеребцов, приятных для глаза,
Трех жеребцов красоты отменной.
Трех скакунов одинаковой масти
Старец увидел себе на счастье.

— Кто их привел, раздобыл их кто же —
Трех жеребцов, что друг с другом схожи! —
Спрашивал всех в ауле старик,
Дочке задав вопрос напрямик:
— Дочь дорогая, скажи открыто —
Знаешь ли имя того джигита,
Кто жеребцов раздобыл красивых,
Тех, что друг с другом схожи на диво —
Мастью и статью, хвостом и гривой!

Девушка та, что глазам — услада,
Так отвечала: — Добрый мой дада!
Не упрекай, ничего не скрою,
Ранней порой я пошла за водою,
Вижу, джигит, что возвращен вдовою,
Тихо ведет коня к водопою.
Потом покрыт его конь удалый.
Дышит скакун тяжело, устало.
Думала я, на джигита глядя:
«Верно, добыл он сегодня даде
Трех жеребцов, что столь схожи по стати».

Только услышал старик о том,
Сына вдовы пригласил он в дом
И, оказав уваженье, ласку,
Впряг наилучших коней в коляску,
И дорогие дары положив
Там, где нашлось им в коляске место,
Дочку-красавицу в ней усадив,
Зятя отправил с белой невестой.

Только умчалась коляска та,
Прибыл на свадьбу джигит Курсолта,
Слово сдержав, как велела честь,
К другу спешит он с приветом и лаской.
В гнутой коляске — подарков не счесть,
Столько их, сколько вмещает коляска.
А на дороге — табун коней,
Жирных овец и баранов много.
Двигутся овцы между камней, —
Столько их, сколько вмещает дорога.
Целый табун, целый гурт скота
У богачей угнал Курсолта,

Другу на свадьбу джигит привез
Водки зеленой, вина — целый воз.
Стол во дворе водружен ольховый,
Заняли гости свои места.
Стал тамадой на пиру Курсолта

И, обратив к нему свое слово,
Так говорит жених, его друг:
— Эй, Курсолта, погляди вокруг!
Здесь собрались все красавицы наши,
Выбери ту, что, по-твоему, краше.
Всех повнимательней огляди-ка!
Нынче тебя мы просватать должны,
Ведь от тебя убежала Альбика.
Ты, Курсолта, теперь — без жены.
Надо тебе поскорее жениться!

И Курсолта стал разглядывать их —
Стройных красавиц, пришедших на свадьбу.
«Не промахнуться бы, не прогадать бы! —
Думает славный джигит, беспокоясь. —
Все они — ясные звезды точь-в-точь».
Но за стеклянным окном — по пояс —
Вдруг старика показалась дочь
Перед взволнованным Курсолтою
И ослепила его красотой.

Снова спросил его сын вдовицы:
— Выбрал ли ты из сидящих вокруг
Ты, на которой хотел бы жениться!

— Что мне сказать тебе, добрый друг!..
Девушки тут собрались на диво:
И хороши собой, и учтивы,
Но поглядела одна в окно —
Стало в глазах у меня темно.
Там, за стеклом, показалась девица...
Если бы мог я на ней жениться,
Лучшей жены Курсолте не надо:
Я полюбил ее с первого взгляда!

Вот что сказал джигит Курсолта.

И побледнел сын вдовы неспроста:
— Рад за тебя, Курсолта, мой друг!
Сколько бы ты ни глядел вокруг, —
Лучше тебе не сыскать, дорогой.
Нет в целом свете такой другой,
Хоть все глаза проглядел бы, глядя.
Это двоюродная сестрица,
Дочь моего любимого дяди.
Можешь на ней, Курсолта, жениться.

И обратился к гостям сын вдовицы.
Славным гостям он сказал учтиво:
— Слушайте, гости, меня без гнева,
Благодарю вас, что к нам пришли вы,
Что посетили вы нашу свадьбу.
Нынешний пир придется прервать мне.
К новому пиру готовьтесь все вы,
Ну, а пока по домам расходитесь
И не браните меня, не сердитесь!

Гости покинули пышный стол.
Следом и сын вдовицы ушел.
Впряг он в коляску коней поджарых,
Взял для Солты он много подарков.
К милой своей приходит джигит,
Тяжко вздыхая, он ей говорит:

— Слушай меня, моих глаз отрада,
Слушать тебе со вниманием надо,
Как жеребцов столь схожих достал я:
Мне помогал Курсолта удалый.

Я к Курсолте поскакал в Кабарду,
Чтоб рассказать про свою беду.
Мне показали джигиты дорогу.
Он восседал пред своим порогом
Низко на стуле аварском, треногом,
Я рассказал ему, в чем мое дело.
С места немедля сорвался смелый,
Чтоб не печалился я, сирота!
Вот что сказал тогда Курсолта:

— Если хоть где-нибудь в мире кобыла
Трех жеребцов-близнецов породила,
Как бы далеко не было это, —
Будут они во дворе к рассвету!
Видишь, вот там, в комнатушке маленькой,
Мягкую нынче постель постлали мне.
Ты отдыхай на ней, сирота! —
Так он сказал, джигит Курсолта,
Сел на коня и пустился в дорогу.
Днем я, робея, сидел у порога.
Лишь с наступлением темноты
Тихо прилег на постель Курсолты,
Занял его, женихово, место.
Это не знала Альбика, невеста.
Рядом легла порою ночью,
Думала: с нею лежит Курсолта.
И, не раскрыв от смущения рта,
Я повернулся к Альбике спиной.

Верно, ей это казалось дико,
Ближе придвинулась к мужу Альбика.
Я попытался ее оттолкнуть,
Два моих пальца задела грудь.
Тут же я верную саблю извлек,
Пальцы отсек, завернул в узелок
И положил узелок на окно.
В комнате было темным-темно —
И ничего не видала Альбика.
Гнев охватил ее, видно, великий:
Встала она, убежала прочь.
Верно, к отцу возвратилась дочь.
Верно, она Курсолту проклиняет,
А Курсолта того и не знает.

Я предложил ему нынче: «Друг!
Ты огляди всех красавиц вокруг,
Выбери самую наилучшую —
Станет она женой Курсолты».

А Курсолте приглянулась ты,
Ибо ты — солнышко золотолучее!
Слово джигита я соблюду,
Хоть без тебя мне и свет не мил.
Ты с Курсолтой поезжай в Кабарду.
Только все то, что сейчас говорил,
Радость моя, моих глаз услада,
Передавать Курсолте не надо!

И отвечает ему девица,
Чьей красотой Чечня гордится:
— Жизнь не мила мне, друг, без тебя,
Но чтоб не быть позору-стыду,
Всею душою тебя любя,
Я отправляюсь в мать-Кабарду.
Все, что сказал ты, все так и сделаю,
Стану женой Курсолты без спора я.

И Курсолта в коляску рессорную
Сел, весь блистая, с невестой белою
И поскакал в Кабарду родную.

С другом прощается сын вдовицы:
— Быть у тебя на пиру не могу я¹, —
Это ж — двоюродная сестрица.
Если на свадьбе твоей я буду,
То обо мне подумают худо.
Вот что сказал он, бывший жених,
И в Кабарду их отправил, двоих.

V.

Кони помчались дорогой знакомой,
И показались родные места.
Прибыл в аул, к родному дому,
С белой невестой джигит Курсолта.
Свадьбу богатую весело правит,
Гости хозяина щедрого славят
И за столом угощаются вволю.
Длится семь дней, семь ночей застолье.

И, наконец, на восьмую ночь
Входит к невесте жених горячий.
Входит и видит, что горько плачет
Гордой Чечни ясноглазая дочь.
И Курсолте это вовсе не нравится.
Так говорит он чеченской красавице:

— Слушай меня: если конь — не по нраву,
С ним расстаюсь я тотчас же, право.

Если красавица мной не довольна —
Эта красавица мне не нужна.
Мне ты покуда — еще не жена,
Я не коснулся тебя и невольно.
Ты, как была, так осталась чиста.
К даде тебя отвезет Курсолта.

И отвечает ему девица,
Чьей красотой вся Чечня гордится:
— Да не спознаешься ты с неудачею!
Лучше джигита не видано сроду.
Нет, Курсолта, не от горя плачу я.
Просто мне вспомнились детские годы.

— Счастлива, девушка милая, будь ты!
Сколько живу — не видывал сроду,
Чтобы рыдали так горько люди,
Вспомнив давнишние детские годы.
Правду скажи мне, прошу, без стеснения.
Дай своим горьким слезам объяснение.
Если всей правды не скажешь, красавица,
С жизнью своей я сумею расправиться:
В сердце пущу себе пулю свинцовую.
Ночь не пройдет, как сдержу свое слово я.

И говорит ему глаз услада:
— Всюду, куда ни ступлю, — преграда:
Если всю правду тебе поведаю,
Будет разгневан сын честной вдовицы.
Если, по-прежнему, буду таиться,
Ты, Курсолта, умрешь до рассвета.
Все же я правду тебе открою!
Слез и тоски назову причину.
Все расскажу про вдовьего сына.

В час, когда ты находился в дороге,
Он, посидев у тебя на пороге,
Лег на постель, на твое же место.
Вскоре явилась твоя невеста
И посчитала, что ты — Курсолта,
Рядом легла порою ночью.
И не раскрыв от смущенья рта,
К ней повернулся джигит спиной.
Вздумала девушка лечь впереди —
Он попытался ее оттолкнуть
И прикоснулся к ее груди,
Два его пальца задела груди!

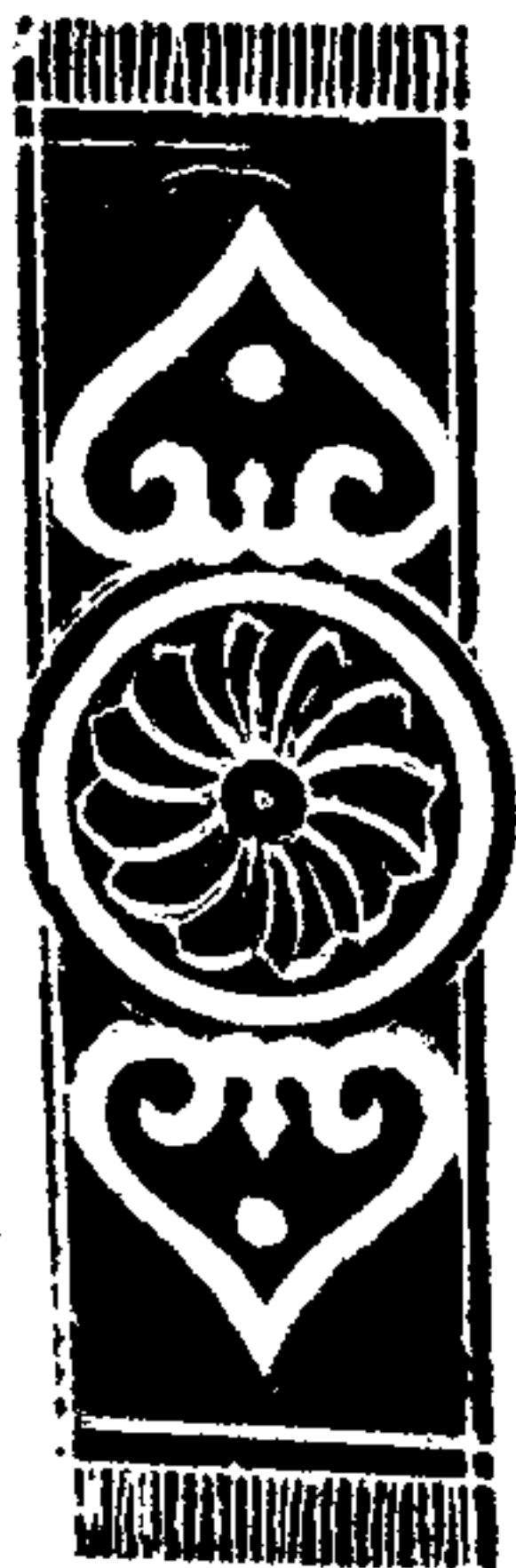
Верную саблю свою он извлек,
Чтоб пред тобой ему быть неповинным,
Пальцы отсек, завязал их в платок.
Вот что случилось со вдовьим сыном!
Пальцы в платочке лежат на окне,
Весь узелок в крови его алой.
Жалко джигита сделалось мне.
Вот почему я так горько рыдала.
Дальше, наверно, лгать не годится:
Сыну вдовы я — совсем не родня.
Он с малолетства любит меня,
Это на мне он хотел жениться.
Мне без любимого жить — невмочь.
Я — старика Цонтаройского дочь.

Честный джигит усмехнулся чему-то,
Даже обрадовался как будто:
— Вовремя правду узнал Курсолта.
К счастью, невеста друга — чиста,
Если бы только было иначе,
Если б коснулся тебя хоть рукою,
Я бы вовеки не знал покоя
И никогда не видел удачи!

Птицей взлетев, поскакал стремглав
Гордый Солта на коне удалом.
Свадебный поезд поспешно собрал он,
Девушек лучших, джигитов созвав.
В гнутых колясках на мягких рессорах —
Самых богатых подарков ворох.
Девушки стройные и джигиты,
Те, что отвагой своей знамениты,
Звонко смеются и в бубны бьют,
Свадебный поезд спешит в Дады-Юрт.
С пондуром, с бубном несется поезд.

Рядом с красавицею устроясь,
В гнутой коляске с ней сидя вплотную,
Обнял джигит сноху молодую².
Свадебный поезд путем веселым
Мчится, грохочет по высям и долам,
И наконец — в середине дня —
Солнцем встречает их мать-Чечня.

Поезд въезжает во двор вдовы —
Дверь ее нынче для всех отперта.
И чтоб пустой избежать молвы,
Всем объявляет джигит Курсолта:

— Слушайте те, кто теснится вокруг,
Слушайте те, что подальше стоят!
Сын этой честной вдовы — мой друг,
Он для меня — все равно, что брат.
Старый мой долг я ему вернул.
За горы, в свой кабардинский аул,
Я увозил невесту его,
Чтобы отпраздновать там торжество.

Семь долгих дней, семь долгих ночей
Мы в Кабарде пировали моей,
А как восьмая надвинулась ночь,
К вам я вернулся с моей дорогой,
С дивно-прекрасной моей снохой.
Вот она, старца почтенного дочь!
К вам я сокровище ваше привел.
Братья-чеченцы, садитесь за стол!
Мчался наш поезд веселой дорогой!
Водки, вина я навез вам много.
Мясо горою лежит на подносе.
Кушайте, сколько душа ваша просит.
Семь светлых дней, семь темных ночей
Будет накрыт этот стол для гостей!
Так свою речь завершил Курсолта.
А завершив, поспешил Курсолта
К другу любимому — сыну вдовицы,
Чтобы ему наконец открыться.
— Вслушайся, друг, в смысл моих речей:
Правил я свадьбу семь дней, семь ночей
С той, что назвал ты сестрицей твоей,
И заглянул на восьмую ночь
В комнатку ту, где была она —
Гордой Чечни — звездоглазая дочь.
Вижу, что плачет она у окна.
Стал я расспрашивать: почему
Девушка плачет в моем дому,
Может случиться — даров ей мало?
Долго она отвечать не желала.
Стал я просить: «Говори без стеснения,
Дай своим горьким слезам объяснение.
Если не скажешь всей правды, красавица,
С жизнью своей поспешу я расправиться.
В сердце пущу себе пулю свинцовую.
Так я сказал, и сдержу свое слово я».
И, пожалев меня, все мне поведала
Сердца отрада, глазам услада.
Ты не сердись на нее из-за этого,
В сердце своем не таи досады!

Заняли гости свои места,
 Снова возглавил стол Курсолта.
 Снова рекою вино потекло.
 И, никому не сказав ни слова,
 Вышел жених, оседлал вороного
 И, словно ястреб, вскочил в седло.
 Как офицер, что в клуб отправляется,
 Словно мужик, что к реке спускается, —
 На скакуне быстроногом летит,
 В Кабарду стремится джигит.

Вот Курсолты белостенный дом.
 Конь под оконцем замедлил бег.
 Видит вдовицын сын: под окном,
 Шелковым связанные платком
 Пальцы лежат — те, что он отсек.
 Сунул в карман узелок молодец,
 Улицей узкою, незнакомой
 Путь свой направил к другому дому,
 Где проживает Альбикин отец.
 — Ассалам алейкум! День добрый вам! —
 Старцу чеченец принес свой салам.

— Ва алейкум салам! Живи с добром!
 Да осенит тебя милость пророка!
 Гость незнакомый, мой дом — твой дом!
 Рад тебя видеть, пришлец издалека!
 Если сюда ты приехал по делу,
 Ежели помощь нужна, — расскажи!
 Все без утайки поведай смело.
 Я помогу тебе, пока жив!
 Если ты в гости — слезай с коня!
 Переночуй, отдохни у меня!

Вот что чеченцу сказал старик.
 И отвечал джигит напрямик:
 — Старец, в довольстве живи и холе!
 Здесь, в Кабарде, — не по доброй я воле
 И не могу провести здесь ночи:
 Дело мое — короткое очень.
 Дада, за то, что помочь мне хочешь, —
 Благодарение этому дому!
 Прибыл сюда я по делу чужому.
 Горя-беды я на вас не накликаю.
 Ты разреши мне, почтенный дада,
 С дочкой твоей повидаться — Альбикою,
 Мне побеседовать с нею надо.

— Что ж, я тебе не чиню препятствий.
Дочь моя милая снова — дома.
— Маршалла, славная Альбика. Здравствуй!
— Маршалла и тебе, гость незнакомый!
Послан ты кем-нибудь к дому нашему!
Ты уж прости, что тебя расспрашиваю.
Кто ты такой? Из какого края!
Я почему-то тебя не знаю.
Вот что сказала чеченцу Альбика,
Та, что как солнце — золотолика.

И отвечал ей джигит из Чечни:
— Пусть будут ясными твои дни!
Чтобы печалей ты не видала!
Ты ведь и вправду меня не знала,
Я же, Альбика, давно тебя знаю.
Здесь я — по делу, никем не послан.
Кто я такой, из какого края —
Все я тебе поведаю после.
В дом ваш, Альбика, я прибыл с просьбой.
Просьба моя — тебе, злотолика.
Если не выполнишь просьбы гостя,
Гость, не открывшись, простится с Альбикою.
Если исполнишь просьбу, тогда я
Все расскажу, ничего не скрывая.
Выполнишь просьбу? Ответь мне сначала!

Кротко Альбика ему отвечала:
— Гостя желание — жизни дороже.
Думаю, ты не поступишь худо.
Только не терпится знать мне: кто же,
Кто ты — наш гость? Приехал откуда! —
Снова спросила Альбика джигита.

— Слушай, Альбика, скажи открыто:
Из-за чего убежала ты
От кабардинского Курсолты! —
Так вопрошает сын честной вдовицы.
— Гостя обманывать не годится.
Если доверия не заслужу,
Как тогда людям в глаза погляжу!!
Лгать с малолетства я не умела.
Я расскажу тебе — как было дело.
От Курсолты потому я бежала,
Что не любил он меня нимало.
Видно, женился на мне для того,
Чтоб увидели его торжество,

Чтоб говорил весь аул: «Гляди-ка,
Замуж пошла за него Альбика!..»

Семь светлых дней, семь темных ночей
Он, Курсолта, угощал гостей.
Лишь на седьмую ночь еле-еле
Гости все жирные яства доели.
Только спустилась ночная мгла,
В комнатку малую я пошла.
Вижу: лежит Курсолта на постели.
Рядом легла я порою ночьюю.
Он повернулся ко мне спиною.
Я попыталась лечь впереди.
Он захотел меня оттолкнуть
И прикоснулся к моей груди,
Два его пальца задела грудь.
Острую саблю тогда он извлек,
Пальцы отсек, завязал в платок
И положил узелок на окно.
Все я видала, хоть было темно.
Если ему так противно оно —
Тело мое, моя грудь и кожа,
Мне у него оставаться — не гоже. —

Вот что сказала, вздыхая, Альбика,
Та, что как солнце — золотолика.

— Выслушай то, что на сердце лежит. —
И рассказал ей всю правду джигит.
Выложил все, ничего не тая.
— Ты погляди, вот — рука моя!
Смотрит и видит Альбика в тоске:
Только три пальца на этой руке!
И пожалела она до слез —
За то, что увечье себе нанес.
— Бог да хранит тебя, сын вдовицы!
Лучше мне было на свет не родиться!
— Что ж тут поделывать! Грусти не грусти —
Пальцем отрубленным не отрасти!
— Добрый джигит и без пальцев — в чести!
Все же помочь бы тебе я хотела.
Ты расскажи мне, в чем твое дело.
Все расскажи мне, доверься Альбике.
— Пир в нашем доме сейчас великий.
Льется вино за столом, как вода.
А угощает гостей Курсолта.
А Курсолта за столом — тамада.

Честью прошу: возвращайся ты
Вместе со мною в дом Курсолты!
Пред Курсолтой я в большом долгу.
— Что же, джигит! Я тебе помогу.

Не колебалась Альбика нимало,
Тут же отцу посланца послала.
Старый отец снарядил ее в путь.
Подал коляску на мягких рессорах,
В гнутой коляске — не что-нибудь,
В этой коляске — подарков ворох.
Рядом с Альбикой усевшись вплотную,
Обнял чеченец сноху молодую,
Мчится с ней вместе в аул Курсолты,
Чтобы доехать до темноты.

Мяса они с собой захватили,
Водки зеленой — сотни бутылей.
Только приехав, накрыли стол.
Тотчас на пир весь аул пришел,
Чтобы от сердца повеселиться.

И возгласил сын честной вдовицы:
— Будьте вы счастливы, кабардинцы!
Кушайте, гости, и пейте вволю!
Да не кончается это застолье!
Семь долгих дней, семь длинных ночей
Стол этот будет накрыт для гостей!

VII.

Всех накормив, напоив до отвала —
Много гостей за столом пировало! —
Семь долгих дней, семь ночей веселясь,
И, наконец, с Дады-Юртом простясь,
Средь молодых поезжан, точно князь,
Вновь устремился в родные места,
Едет к себе в Кабарду Курсолта.

Едет, задумавшись, долгой дорогой,
И Курсолту удивляет немного:
«Где же джигит, где вдовый сын!
Как же со свадьбы ушел он один!»
Правит поджарым и не спешит
Гордый Солта — кабардинский джигит.
Но приближаясь к аулу родному,
Но к своему подъезжая дому,
Слышит он музыку там и веселье,

Слышит он пира широкого гул:
«Празднует что-то родной мой аул.
Свадьбу справляют иль новоселье!
Кто в моем доме средь белого дня
Пьет и поет за столом — без меня!»

Рады джигиты ему отвечать бы,
Да и они не поймут причины.
К дому подъехав, увидели свадьбу
И тамаду — вдовьего сына.

— Ассалам алейкум, мой друг, сирота!
Мед да вкушают твои уста! —
Ближе подъехав, сказал Курсолта.

— Ва алейкум салам! Живи ты с добром!
Вовремя ты возвратился в свой дом!
Мы за тебя и Альбику пьем! —

С речью такою поднял джигит
Рог, что вином дорогим налит.
И, отхлебнувши один глоток,
Он передал Курсолте этот рог.
Рог золотой держа возле рта,
Так отвечал джигит Курсолта:

— Будьте здоровы, друзья-джигиты!
Видел я тех, что не зря знамениты.
Но не встречал до сих пор вокруг
Верных таких, как чеченец — мой друг.
Если бы небо на землю упало,
Не пострадала бы дружба нимало,
Если б взлетела земля к небесам,
Не изменяют такие друзья!
Дружба такая, как золото, ценится.
Пью за того, кто мне ближе брата.
За сироту, за джигита-чеченца,
Дружбы зерно возрадившего свято,
Я осушу этот рог вина! —
И Курсолта выпил рог до дна.

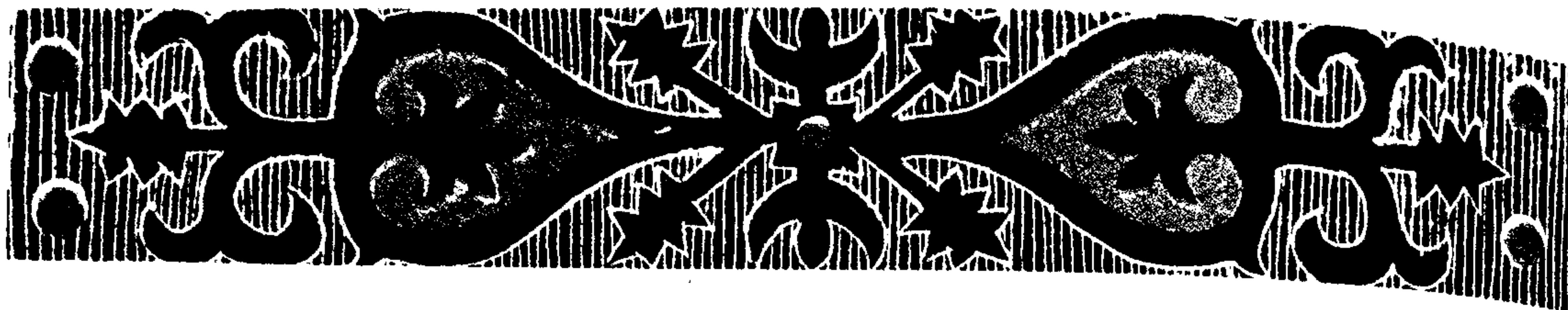
Семь светлых дней, семь темных ночей
Стол во дворе был накрыт для гостей.
И Курсолты прославляя дом,
Пили и ели за этим столом.
Все же окончился пир знаменитый.
Только вдвоем остались джигиты.

**Дни пробегали, прошли года,
Дружбу они берегли неизменно.
И мать-Чечня, и мать-Кабарда
Дружбы великой узнали цену.**

**Жили джигиты своим трудом,
Честно владели своим добром
И ничего не желали чужого,
Благославляли их сироты, вдовы.**

**Жили, не знали черного дня
Оба джигита, дружбу храня.**

ИЛЛИ ОБ АХМАДЕ АВТУРИНСКОМ

I

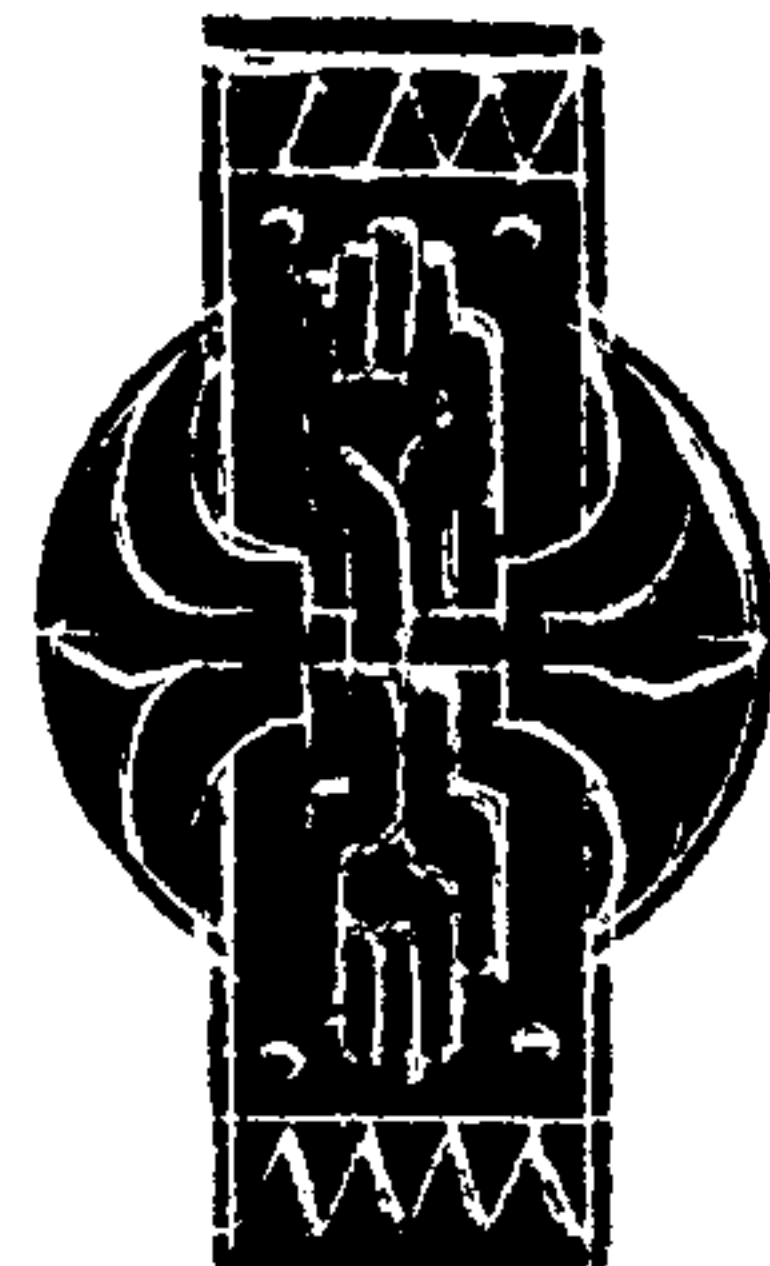
В утреннюю пору,
Когда еще солнце
Взойти не успело,
В утреннюю пору,
Когда еще зорька
В горах поыхала,
Нет, не поыхала
Утренняя зорька,
А как зверь металась,
Раненный смертельно,
В утреннюю пору,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги поднялся
Ахмад Автуринский.
На стене висело
Грозное оружие,
Он его с улыбкой
На бедро повесил.
Повернувшись, вышел
Он из низкой сакли,
И вошел в конюшню
Ахмад Автуринский.

Из конюшни вывел
Он коня гнедого.
Золотом играла
Тонкая уздечка.

Он к столбу повыше
Во дворе просторном
Привязал спокойно
Гордого любимца.
Как невесту к свадьбе,
Он коня украсил,
Быстро снарядился
И, как будто солнце,
Что спешит к закату,
Чтоб оставить землю
В темноте и мраке,
Свой аул покинул
Ахмад Автуринский.

Отпуская повод,
Он коня гнедого
Тонкой плетью тронул.
Конь, как ветер в бурю,
Что приносит беды,
Вдоль реки помчался.
В гребни гор горбатых
Вечером ворвался
Ахмад Автуринский.

2

По земле бегущих
Он верхом догонит.
От коня ушедших
Он затравит псами.
А взлетевших в небо
Коршуном настигнет,
На хребтах отвесных
И в ущельях диких,
Целясь пулей в сердце,
Промышлял охотой
Ахмад Автуринский.

Вдруг джигит услышал,
Вдруг джигит увидел
Коня молодого.
Он звенел уздечкой
И спокойно пасса
На поляне горной.
А под диким вязом
Спал казак станичный.
Поразмыслив малость,
К нему обратился
Ахмад Автуринский:

— Почему лежишь ты
На камнях под вязом?
Разве не имеешь
Кунака средь горцев?
Разве нет чеченца,
Чтоб тебе был рад он!
И с коня он спрыгнул,
И, ремнем стреножив,
Отпустил гнедого,
Чтоб спокойно пасся.
Взял седло и бросил
Себе в изголовье,
Буркою укрылся
И уснул беспечно,
Грозное оружие
Крепко обнимая.
К казаку прижавшись,
Спал и сон увидел
Ахмад Автуринский —
Будто конь казачий
Гнал его красавца.
Сон такой увидел
Ахмад Автуринский.
И в поту проснулся
Ахмад Автуринский.

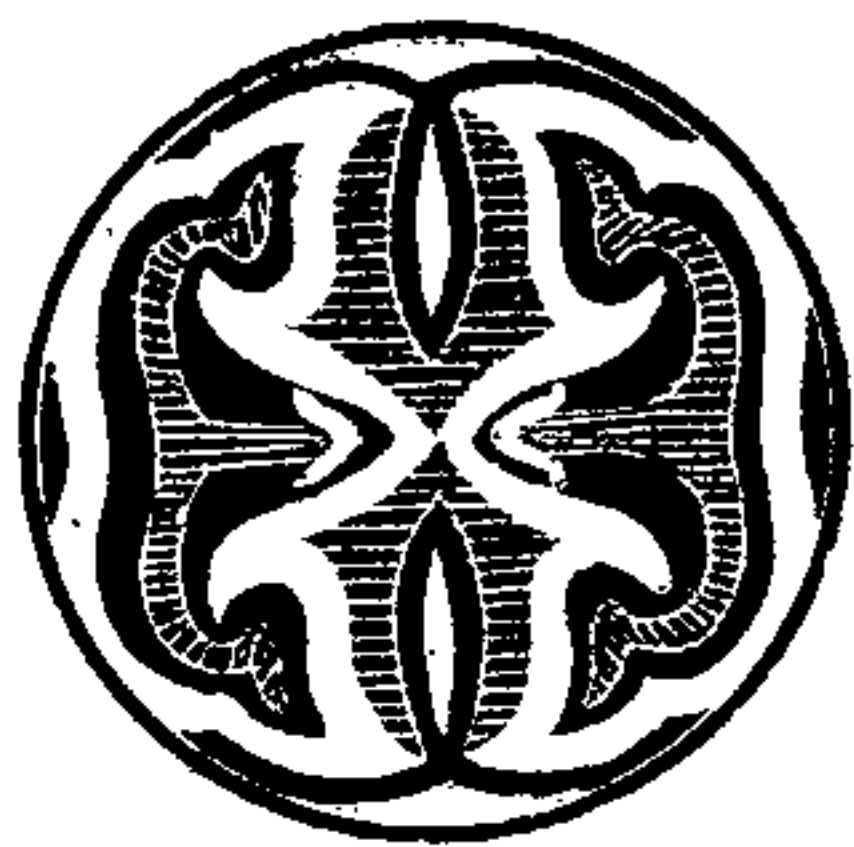
И казак станичный
Тоже пробудился.
Наяву увидел
Ахмад Автуринский —
Конь казачий гонит
Горного красавца.
Словно зверь красивый,
Раненный смертельно,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги вскочил вдруг
Ахмад Автуринский.
И казак станичный
Тоже встал на ноги.
— Слушай, — крикнул грозно
Ахмад Автуринский, —
Не будь сиротою
Ты, казак станичный!
Испугал скакун твой
Моего двугодка.
Может, испугаешь
Ты его владельца!

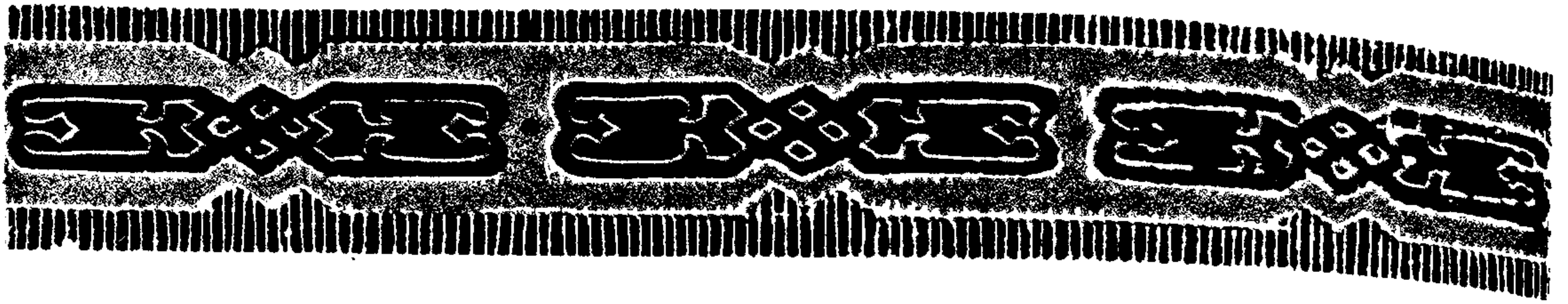

Мы должны бороться
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных,
Каменных отрогов! —
Так сказал, поднявшись,
Ахмад Автуринский.
Но ему ответил вдруг
Казак станичный:
— Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский.
Чем мы биться будем
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов?
Ружьями ль стреляться,
Шашками ль рубиться?
Чем тебе угодно,
Чем считаешь лучше?
— Не будь сиротою,
Эй, казак станичный!
Ружьями стреляться
Нам нельзя с тобою,
Может быть осечка —
Ненадежны ружья.
Шашками вернее
Нам рубиться будет.
Шашка не обманет,
Коль рука не дрогнет. —
Так сказал великий
Ахмад Автуринский.
Дал казак согласие,
Но сказал спокойно,
Обнажая шашку:
— Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский,
Не сочти за трусость,
Выслушай, подумай.
Если ты успеешь
И меня зарубишь,
Люди просто скажут:
«Казака при встрече
Зарубил недавно
Ахмад Автуринский».
Скажут и забудут...
Если я успею,
От казачьей шашки
Ты в бою погибнешь.
И тогда все скажут:

**«Ахмад Автуринский
Был убит каким-то
Казакom станичным».
Ты слывешь в народе
Храбрым и бессмертным.
Так давай друзьями
Будем мы с тобою.
Девушек здесь нету,
Чтобы свою удаль
Показать пред ними.
Наберись терпенья.
Будет еще случай —
Мы себя покажем,
Ахмад Автуринский! —
Так казак станичный
Предложил джигиту.
И, подумав малость,
Дал свое согласие
Ахмад Автуринский.
И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших.
И за эту дружбу
Мы поднимем чаши —
Пусть живет счастливо
Среди гор чеченских
Ахмад Автуринский!**

ИЛЛИ ОБ АЛЬБИКЕ И ЖАМАРЗЕ

Люди добрые, подходите,
В мою сторону слух обратите
И послушайте речь мою.
Так считается и считалось,
Что, кому воевать случалось,
Тот искусен в грозном бою.

* * *

С места восхода солнца
До места захода солнца
Белый царь-государь чуть свет
Офицеров, князей благородных,
Трону верных, себе угодных,
На великий скликал совет.

Офицеры совет вершили,
Сытно ели и много пили,
Говорили пьяным-пьяны:
— Благородные мы дворяне,
Кто свершит, кроме нас, деянья,
Те, что мы совершить должны!

Долго ели они и пили,
О делах своих говорили,
Утомились и пить и есть.
И явился к ним царь московский.
И вскочили они молодцовски,
Государю отдали честь.

И поведал им царь великий,
Мол, тоскует он по Альбике,
Хочет встретить ее скорей.
Что увидит у ней обнаженным,
То покроет златом червонным,
Не жалея казны своей.

— Вы скорее в горы идите,
Вы Альбику там отыщите,
Вместе с ней воротитесь назад.
И да будет вам помощь господня,
Ибо ведомо, что сегодня
Ускакал Шамарза, ее брат.

Радо воинство отличиться.
И рассвет не успел опуститься
На предгорье и воды реки,
Как аул, где жила Альбика,
Окружили ратью великой,
В три ряда засверкали штыки.

Старики судили, рядили,
Почему кольцом окружили
Их аул — девять тысяч домов?
— Объясните нам, господа,
По какой по такой причине
Наш аул окружили ныне
Вы, нежданно придя сюда!

— С государевой ратью великой
Мы за вашей пришли Альбикой.
Мы возьмем ее, увезем.
Не дадите — аул сожжем.

Злой бедой омраченные старцы,
Сединой убеленные старцы
Поплелись по домам своим.
Шли они — и от горькой печали
Их обильные слезы стекали
По усам, бородам седым.

Старики в аул возвращались,
И гехинцы им повстречались,
Были ловки джигиты, сильны,
Были сабли их посеребрены,
И стволы их ружей гранены,
Были резвыми скакуны.

И промолвили старцы седые:
— Горе нам, удалцы молодые.
Плачем мы от несметных бед.
Понаехали с ратью великой
Офицеры за нашей Альбигой.
Но гехинцы молчали в ответ.

И с заботой своей несчастливой
Старцы к дому Альбики красивой
Подошли, постучались в дверь.
Смотрит девица — что за чудо,
Старцы к ней не стучались покуда,
И к добру ль стучатся теперь?

Закивали почтенные старцы.
— Мир тебе, — ей сказали старцы.
— Мир и вам, спасибо за честь.
Заходите, степенные люди,
Проходите, почтенные люди.
Не хотите ли пить и есть?

— Глотки так пересохли наши,
Что не то что питье из чаши,
Мы бы выпили горный поток.
И настолько изголодались,
Что сжевали, когда б попались,
Даже камни со дна и песок.

— Но питье твое пить мы не будем, —
Продолжали почтенные люди. —
И не будем мы есть ничего,
Ибо кровью твой брат истекает
И на помощь сестру призывает,
Чтобы раны омыла его.

Встрепенулась и закричала,
Собираться Альбика стала,
Стан стянула платком головным
И сказала такое слово:
— О почтенные, я готова
Ехать в горы за братом моим.
О почтенные старцы седые,
Пусть скорей ваши кони лихие
Нас по тропам помчат туда,
Где лежит, как подбитый сокол,
Брат мой милый в траве высокой,
Где застала его беда.

И тогда по чьему-то слову
Подкатили карету цареву,
Разукрашенную серебром,
И Альбику в нее посадили,
Двери наглухо затворили,
На окошки шелк опустили,
Окружили тройным кольцом.

В путь карета царя пустилась.
И тогда-то, что приключилось,
Все Альбика вдруг поняла.
— Что ж, гехинцы, меня не спасете,
Вы мне гибнуть безвинно даете! —
Закричала она со зла.

— Вы, бывало, меня встречали,
Речью сладкою обольщали.
Неужели все ваши слова,
Ваши клятвы и славословья,
Как досужие сплетни вдовьи,
Позабылись, родясь едва!

А людей, что меня обманули,
Пусть свинцовые вражьи пули
Поливают, как дождь весной.
Я ж на верную смерть отправляюсь,
И одним теперь утешаюсь,
Что не ранен мой брат родной.

В этот час Жамарза невредимый
Возвратился во двор родимый.
— Эй, Альбика, — кликнул сестру, —
Домой я спешил, уморился.
И скакун мой разгорячился,
Поводи его по двору.

Жамарзе навстречу седая
Тетка старая, причитая,
Вышла, полуслепа, стара,
И спросил Жамарза:

— Что случилось,
Ты мне, тетка, скажи на милость,
Где родная моя сестра!

— Я за вас умереть готова! —
Тетка молвила это слово,
Утирая потоки слез,

— Но сестру твою царь московский
В серебряной своей повозке
На потеху себе увез.

И ловчей сизаря лесного,
Что слетает с сука кривого,
Жамарза на коня лихого,
Не помедлив, прыгнул с крыльца,
За любимой сестрой в тревоге
Поскакал по большой дороге,
Не щадя своего жеребца.

Полетел Жамарза, как птица,
Видит: даль впереди пылится,
Слышит: плачет его сестра.
Подлетел он, не оглянувшись,
И лопатки ее коснулся
Кнутовищем из серебра.

— Не пугайся, моя сестрица,
Будем верить — беды не случится,
Распадется черная мгла.
Верен мне мой скакун горячий.
Я догнал тебя, это значит:
Смерть врагов твоих догнала.

— Жамарза, — сестра отвечала, —
Кровью не обагрый кинжала.
У меня ты — единственный брат.
Коль беда случится с тобою,
Буду я совсем сиротою.
Лучше ты возвращайся назад.

Кровь кипит в твоих жилах горячих,
Но, кто знает: нынче удача
Суждена тебе иль беда!
Может быть, после битвы бесплодной
Станет кровь в твоих жилах холодной
И погаснут глаза навсегда.

Пленных девушек — я слыхала —
У царя в столице немало.
Жамарза, укради одну
И красавицу молодую
На сестру обменяй родную,
Что томиться будет в плену.

— Не купец я, чтоб торговаться.
Мне, сестра, подобает драться.

Вслед не зря скакал за тобой. —
Он промолвил такое слово
И с коня своего лихого
Спрыгнул наземь и начал бой.

* * *

В этот час мать Тайми Бибулата
Шила, щурясь подслеповато.
Отложила она шитье,
И далекий бой услышала,
И по звуку тотчас узнала:
Это Жамарзы бьет ружье.

Все вдали гремело и рвалось,
И старухе доброй казалось,
Гром гремел много раз подряд,
Что свинцовые пули вбивались
Там, где выстрелы раздавались,
В тело Жамарзы, словно град.

Бибулат после пира-веселья
В дальней горнице спал с похмелья.
Прибежала старуха туда.
— Эй, вставай, мой сын, поскорее,
Скакуна седлай порезвее,
Потому что стряслась беда.

У тебя, мой сынок родимый,
Был на свете ли друг любимый,
Кроме Жамарзы, был ли брат!
А сейчас твой дружок пропадает,
Пуль поток на него упадает,
Как на поле тяжелый град.

Что лежишь ты, не просыпаясь,
С нами, глупыми, забавляясь,
И не слышишь ты ничего.
А вдали все смешалось в гуле,
И литые пронзают пули
Друга верного твоего.

Сын промолвил такое слово:
— Ты прости меня, сына плохого,
Извини, что сплю допоздна.
Не казни ты меня сурово,
Я встаю, а ты вороного
Подведи к крыльцу скакуна.

Взял ружье Бибулат с собою,
Саблю взял с резьбой золотою.
Вышел он, с вороного смыл
Пыль и глину теплой водою,
Смыл репейник холодной водою,
За луку схватился рукою
И, как птица, в седло вскочил.

На прощанье мать говорила:
— Я во чреве тебя носила,
Родила я тебя, растила,
Молоком я тебя кормила,
Ты кусал зубами сосок.

Пусть мое молоко грудное
Обратится кровью гнилою,
Опоганит всю жизнь твою,
Коль забудешь ты все, что свято,
Если бросишь друга и брата,
Если струсишь в смертном бою.

Для меня, вдовы несчастливой,
Лучше мертвый сын, чем трусливый, —
Так промолвила сыну мать
И отправила Бибулата.
И помчался он друга и брата
От смертельной беды спасать.

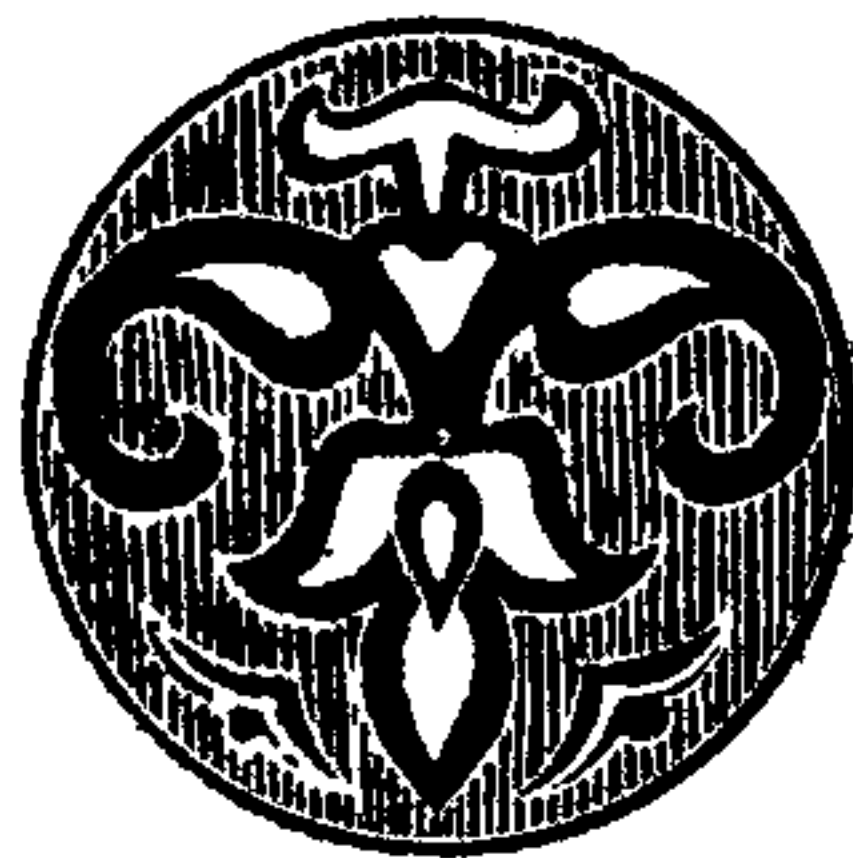
Гнал коня он без сожаленья
И увидел место сраженья,
Где лицом бескровен и бел,
От бессчетных ран присмиривший,
Грудь свою ружьем подперевший,
Жамарза на песке сидел.

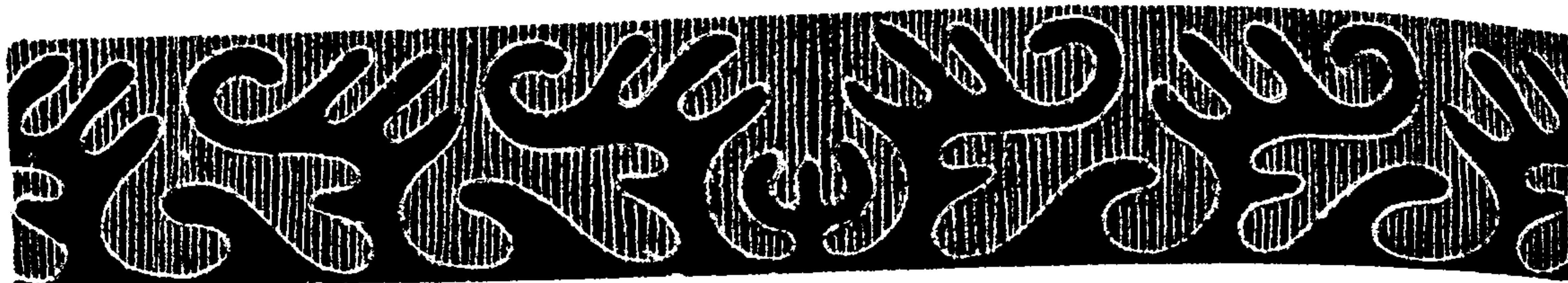
И два друга, страха не зная,
В бой помчались, врагов карая,
Или, может, за птичьей стаей
То два сокола гнались лихих.
Два джигита рубили вместе,
Шапки вражьи сносили вместе
С головами владельцев их.

Жамарзе возвратилась сила,
И рука его вновь рубила.
Он Альбику освободил.
Он сестре не сказал ни слова,
Он на круп коня вороного
Дорогую ее посадил.

**И друзья неразлучные эти
В рессорной царской карете
Прикатили средь бела дня.
Вверх из ружей они палили,
Малых, старых — всех всполошили,
Полюбила их мать-Чечня.**

**Всюду стали их люди славить,
И к тому, что сказал, прибавить
Я что-либо смогу навряд.
Пусть любимые вас уважат,
Этой песни конец доскажут
Или новой повеселят.**

ИЛЛИ О КРАСИВОМ МУСЕ

Вечерней порою, когда темнота
Над сонной весенней землей разлита,
Когда засыпают луга и леса,
Ко сну отошел и Красивый Муса.
Но в мягкой постели не спится ему,
И ласка ездари¹ ему ни к чему.
Есть где-то, всех девушек краше, стройней,
Сестра семи братьев... Кто знает о ней!

От мыслей тревожных Мусе не до сна.
И с бьющимся сердцем Красивый Муса
Вскочил, заметался, как раненый зверь,
Толкнул в нетерпенье тяжелую дверь,
Лохмотья тотчас поспешил натянуть,
Котомку схватил и отправился в путь.

Сестру семи братьев решил он найти,
Он был уже долгое время в пути,
Когда его зверь непонятный настиг
И остановиться заставил на миг.

— Эй, странник, — Мусе этот зверь прорычал, —
Я в мире красивей тебя не встречал!
Сестра семи братьев одна как жена
Тебе б подошла — коль не сказка она!
Богатою шерстью... Муса же к реке
Подходит воды родниковой попить,
Чтоб дальше к мечте своей тайной спешить.
Но вдруг он увидел: на берег реки
Слетаются сизые голубки.

Округу наполнили их голоса,
И вот что услышал Красивый Муса:

— Эй, путник, нет краше тебя под луной!
Сестру семи братьев ты сделай женой! —
Сказав это, в миг упорхнули они.
И снова размеренно тянутся дни.
Давно уж в дороге наш странник, но вот
В какой-то аул попадает на сход.

— Ассалам алейкум! — И слышит в ответ:
— Эй, нищий, ты тоже прими наш привет!
Как жаль, что лицом ты на солнце похож,
А в грязных лохмотьях куда-то бредешь
С убогой котомкою за спиной,
Простясь со своей страной родной...

Красивый Муса говорит им в ответ:
— Один я на свете с младенческих лет.
Не знаю, что значит сестра или брат,
Брожу, — подаянию всякому рад.
Поймите меня, сиротою я рос,
И не осудите за этот вопрос:
Кто в вашем ауле щедрее других!
Молю, мне людей укажите таких!

— За щедрость здесь братьев мы чтим семерых,
А с ними — сестру светлоликую их.
Вон крепость — их дом. К ним иди, не скорбя.
А юноша этот проводит тебя...
Вот крепость, ворота свои вознеся,
Уже перед ними. И молвил Муса:
— Спасибо тебе, добрый сердцем юнец!
До цели своей я дошел наконец.
Чтоб нищий тебя не унижил, домой
Скорей возвращайся дорогой прямой!..
Ворота толкнув в нетерпенье своем,
Вошел он во двор, увидал за шитьем
Там, в верхних покоях, сидела она,
Сестра семи братьев, нежна и юна.
Сидела, египетской стали иглу
Втыкая в ездари в укромном углу.
Увидев его, она мать позвала
И вот что сказала, забыв все дела:

— Красивей не видела я до сих пор,
Чем нищий, который забрел к нам во двор.
Весь двор он, как солнце, собой осветил...

— Ты прежде того, кто в наш двор заходил,
И не замечала, — ответила мать, —
Да ладно уж... Надо бедняге подать.
Чтоб были ему все дороги легки,
В совок набери побелее муки,
На ручку серебряный рубль положи
И тем свою милость ему окажи...

И та, что под крышей всю жизнь провела
И видела мир только из-за стекла,
Как сокол — со сломанной ветки, тотчас
Спустилась к бродяге, ничем не кичась.
Сказал ей Муса, благодарный судьбе:
— Сестра семи братьев, спасибо тебе!
Покинул я дом, клятву верную дав,
Вернуться назад, лишь тебя увидав.
Теперь я у клятвы своей не в долгу
И с миром домой возвратиться могу...

Уходит Красивый Муса со двора.
Стоит, онемев, семи братьев сестра.
Но вот, непонятной тревоги полна,
Вдогонку ему закричала она:
— Эй, нищий, разок обернись, уходя!
Два слова скажу я тебе, не шутя.
Твой стан поразил меня, стройный джигит,
Неужто в надгробье его превратит
Ваятель, когда ты из мира уйдешь?
Нет, путник, на нищего ты не похож.
Неужто глаза у тебя из стекла?
Я вижу в них столько добра и тепла,
И где-то на дне притаилась слеза...
Нет, путник, не нищего это глаза!
И силою плечи твои налиты...
Нет, путник, от прутика жалкого ты
Отличен, как все, чем гордятся леса.
Ты — сбывшийся сон мой, Красивый Муса...

В кунацкую комнату тут повела
Красавица гостя. Она подала
Еду и питье ему, в девять одежд
Его нарядив в исполненье надежд.
Он с радостью принял все эти дары.
Меж тем возвращаются с черной горы,
Где снегом буран все пути залепил,
Где лучший табун у них нынче отбил
Князь — тоже Муса — в схватке возле горы,
Семь братьев пирующей дома сестры.

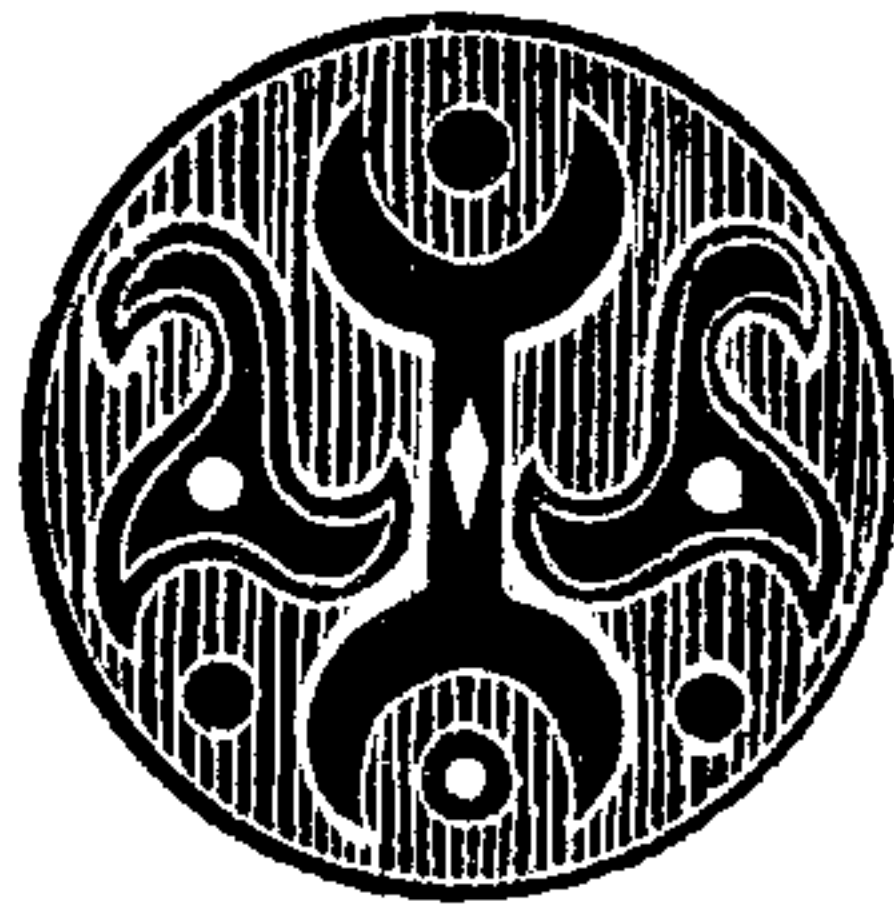
Встречает их мать, говоря им о том,
Что нищий какой-то пожаловал в дом,
Что им на позор веселится с утра
С бродягою этим в кунацкой сестра.
Семь братьев в кунацкую шлют одного,
Сестра без смущенья встречает его.
И тут же навстречу ему поднялся
Им узнанный сразу Красивый Муса.
И гость от печального брата узнал,
Что князь, отпрыск Хасы, табун их угнал.
Как будто невесту, коня нарядив,
Оружие — злее медведя — схватив,
Туда, где и летом метели метут,
Красивый Муса отправляется тут,
И видит: вдали от княгинь и князей,
Со стражей тройною, один, без друзей,
Упрятав табун, что в бою захватил,
Сын Хасы Муса себе пир закатил.

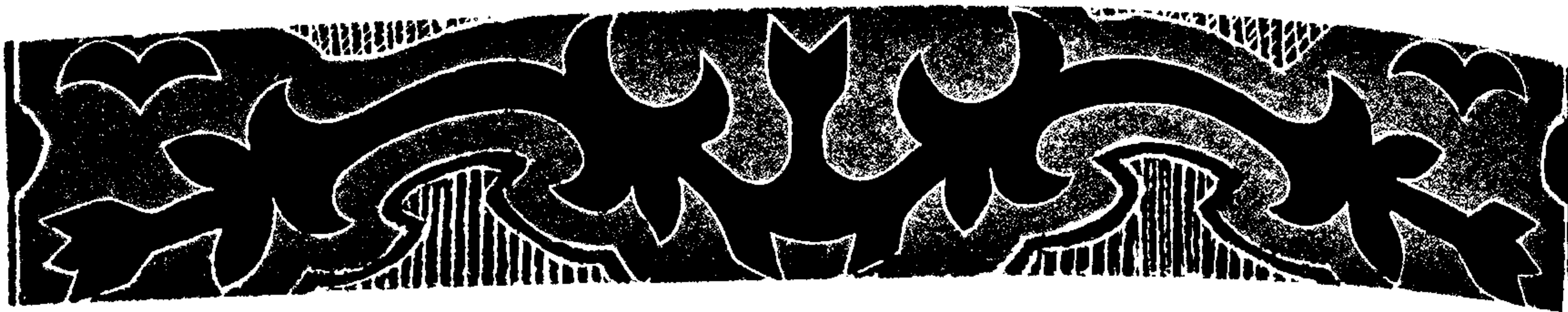
— Ассалам алейкум, сиятельный князь!
Свой пир благородным поступком укрась.
Табун семи братьев ты должен вернуть.
За тем и держал я сюда долгий путь...
— Красивый Муса, не шути так легко!
Кто слезы утрет тебе! Мать далеко...
— Со мною сейчас говоришь ты, как трус,
И я доказать тебе это берусь.
Усею я трупами склоны горы...
Мне жаль, что дожил ты до этой поры!..
В бою, что тотчас у горы начался,
Табун семи братьев Красивый Муса
Отбил и погнал, расправляясь ружьем
С врагом, на коне быстроногом своем...
Семь братьев пируют, забыв о былом.
Сестра обращается к ним за столом:

— О братья, заветная просьба одна
Есть к вам у меня... — В чем, скажи нам, она!..
— Не зря ваши кубки наполнить спешу:
Мусу я у вас, мои братья, прошу!..
— Мы просьбу охотно исполним, сестра.
А раз это так, то за свадьбу пора!..

Три дня и три ночи был праздник у них.
Довольна невеста и счастлив жених.
А ранней зарею четвертого дня
В дорогу Муса собирает коня.

Семь братьев напутствуют тут же сестру:
— Тебя столько лет мы учили добру!
По-доброму жить обещаю нам с людьми,
Гостей привечай и соседей люби.
Смотри, слова, данного нам, не нарушь!
Нарушишь — пускай тебя выгонит муж!
И мы, если будешь груба и черства, —
Мы тоже не стоим такого родства...
И, высказав ей пожеланье свое,
Домой возвратились семь братьев ее.

ИЛЛИ О ТОМ, КАК ПОСТРОИЛИ БАШНЮ

Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт,
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных глыб, образующих углы воув,
И был каждый камень ценою равен быку, а весом — восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда...
Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряженья,
Каждый камень тесали двенадцать дней четыре камнетеса,
И остальные тесла крошились у них, будто сделанные из липы...
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!..
Тогда четыре, как горы, седых старика осмотрели и ощупали их,
И каждый сказал: «Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!»
И каждый сказал: «Воув будет крепка, как наши горы крепки,
И будет стоять во веки веков, как мир во веки веков стоит!..»
И каждый сказал: «Мы землю здесь поили густым молоком,
А камни эти, чтоб были крепки, напоим горячей кровью, —
Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан,
И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!»

Был приведен баран, чья шерсть горных снегов белей,
И рога, сделав дважды полный круг, были, как копья, остры.
Тогда самый старый из стариков, рода старейший отец,
Взяв острый, как слово мудрого, нож, перерезал баранье горло,
И барана с перерезанным горлом подвел к каждому угловому камню,
И кровь закипела из-под ножа, словно горный поток бурля,
И каждый камень был обогрен горячей, как солнце, кровью...
Пока в котле варился баран, была замешана известь,
И было белой известью скреплено скрепленное красной кровью...
После этого начали пир, на луг расстелив кошму,

Кошму, сделанную Петимат и ее шестью дочерьми...
Много не спала ночей Петимат, лежа, закрыв глаза,
И проплывала в незыблемой синеве ее молодая звезда,
Выше всех всходила на небосвод золотая ее луна,
Окруженная бесчисленным хороводом маленьких подруг-звезд...
Много дней старая Петимат бродила по горным лугам,
Собирая цветы и травы, необходимо нужные ей!..
И вот наступил долгожданный день, весь заполненный солнцем:
Трижды постлав кошму на кошму и еще кошму, Петимат
Сухой, как лапа орла, рукой начертила сившийся ей узор...
Нож пошел по кошме хрустя, как плуг по горному полю, —
Сон делался явью и зацветал пышнокрылым ковром долины...
Дальше и дальше резала Петимат, шепча свои сны и грезы,
И все шесть ее дочерей кивали в такт головами...
Шесть девушек, иглы взяв, шили двенадцать дней,
И старая Петимат говорила им о молодости своей...

.....
И когда на тридцатый день сшита была кошма,
Опустилась на глаза Петимат густая, как полночь, мгла...
Шесть девушек, иглы взяв, шили двенадцать дней,
Чтоб обвести узор белой порошей контура!

Восемь юношей развернули кошму, сделанную старою Петимат,
И с кошмы глянула всем в глаза молодость Петимат:
Вот юности ее звезда раскинула пять золотых лучей,
И сама Петимат молодой луной плавно плывет над ней,
Плывет молодая луна — Петимат, и рядом плывут шесть звезд,
Шесть звезд ее дочерей плывут, сверкая огнями глаз,
И вокруг их венки из Худ-Худерешь и дорога из звезд легла,
А дальше — цветы, олени рога и зелень горных долин,
И все это обнял горный закат горячей алой каймой...
Сто тридцать джигитов сели вокруг, по самой кайме как раз,
И смотрели на молодость двести шестьдесят глаз!

Целую гору мяса принесли и поставили на кошму,
Золотистый, как день, чурек и черное пиво, густое, как ночь,
принесли и поставили на кошму.
Сыр ноздреватый и желтый мед принесли и поставили на кошму,
И сто тридцать стаканов из серебра рода старейший отец
Вынес из гала, и на кошме расставили юноши их.
Сто тридцать джигитов сидели вокруг, по самой кайме как раз,
И отразились на серебре двести шестьдесят глаз!
Сто тридцать юношей встали вокруг, ста тридцати джигитам служа,
И небо раскинуло над кошмой свой голубой шатер...

.....
На самом почетном месте посажен Янд! — славный строитель воув
И первый наполненный пивом стакан поставлен был перед ним.
Лучшие части барана и лучший чурек предложены были ему.

И если Янд поднимал стакан, все поднимали враз,
А если он ставил стакан, то все ставили как один!
Пока он ел, готовясь к труду, ели и пили все,
А когда он насытился и сказал: «Баркал хозяину!» — то
Все перестали есть и все хозяина поблагодарили...
Пивом стаканы полны, как жизнь борьбою полна и счастьем,
Как небо летнее солнцем полно, так молодость полна песней —
И песня течет, полным-полна мудростью и весельем:

Орлы рождаются в горах —
В полете неутомимы...
Родине храбрых — зеленый Джерах —
Всадники наши неутомимы!

Тучи на кручах лежат, черны,
Выше их белый снег!
Девушки наши, как день, нежны,
Белы, как белый снег!..

Тучи к серым утесам льнут,
Мглой одевая кручи...
Всадники наши сквозь тучи пройдут
По неприступным кручам!

Тучи громами и мглой полны,
Как музыкой полна песня...
Голос девушки нашей — лепет волны,
Сладок и нежен, как песня!

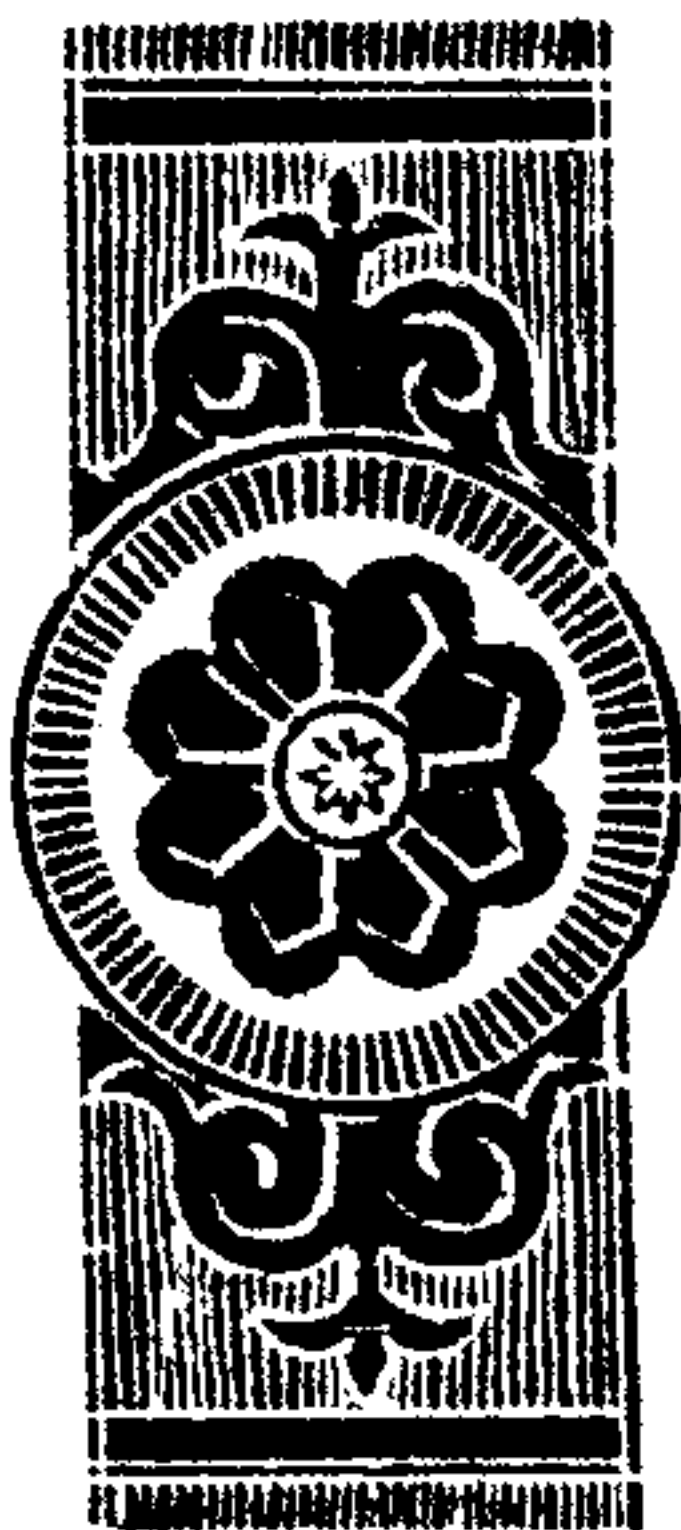
Просторен неба свод голубой,
Над зеленой долиной Джераха!..
И с солнцем равняется головой
Каждый всадник Джераха!

Пасет баранту на лугах Джерах:
Зеленый, мирный, цветущий, —
Пашет кремнистое поле Джерах,
Затерянное в тучах...

Нянчит пчел зеленый Джерах
И собирает мед,
Мирным трудом звенит Джерах,
Пашет, сеет, поет...

Но если враги ястребами из туч
Упадут на луга Джераха,
Навстречу орлам с гранитных круч
Ринутся дети Джераха!

И станет крепостью каждый дом
И поле — полем войны!
И станет каждый воув гнездом
Грозных громов войны.

И над Джерахом поднимется прах
И ослепит врага,
И адом станет зеленый Джерах
Для каждого врага!

Пускай лавиной идут века, —
Незыблемы наши горы!
Слава тебе, человечья рука,
Делающая порох!

Во веки не смоют потоки годов
Имен, чья кровь, как порох, суха,
Чей конь оседлан и кто готов
Стать воином из пастуха!

Да здравствует всякий, кто, прежде чем лечь
Спать, выслушает сердце свое,
Проверит достаточно ли остер меч
И заряжено ли ружье!

Пусть будет славен, кто, славой не пьян,
Станет защитником мирных пашен!

Еще песня, трепещущая и живая, жила в отголосках расселин и
впадин,

Еще последним ее дыханьем дышал притихший зеленый Джерах,
И дечиг-пандара живое сердце трепетало под пальцами музыканта,
Когда восемь помощников Янда, встав, стали готовить известь...
Известь кипела, пенясь, шипя, будто змея, и густела...
И становилась вязкой, как темнота узких ночных ущелий...
Лишь только песня потухла, Янд встал и принялся за работу:
Он взял два камня, и, смазав их известью, ударил один о другой,
И сразу два камня стали одним под сильной его рукой!
«Известь готова, — сказал Янд, — пора приняться за дело!»
И все ожило вокруг него, запенилось и зашипело!
Крутился ворот, от натуги скрипя: струной дечиг-пандара

напрягался канат,

Скрученный из восьми ремней, вырезанных из кожи буйвола;
Камни, становясь, будто пух, легки, шли наверх послушные неуклонно
И поворачивались в руках Янда нужной ему стороной.
Из разных мест ущелья привезены обломки различных глыб,
Скрепленные известью, становились они неделимым целым.
Камни ложились один за другим, вздымался за рядом ряд,
И казалось, что известь и камни между собой, как бы советуясь,
говорят...

Так Янд работал, кипел и пел, яростью труда лют,
И казалось, что камни под его рукой, гордые собой, поют:

Верные мастеру и себе,
Что нам времени бег!
Мы будем верно служить тебе,
Любящий родину, человек!

Соединенные волей одной
На долгие, долгие годы,
Мы станем незыблемою стеной
И нерушимым сводом!

Пройдет и этот и будущий век,
Век за веком промчится мимо, —
Мы будем верны тебе, человек,
Верный родине милой!

Сюда вот и ветер не залетит, —
Здесь враг твой будет томиться,
А здесь ты будешь запасы хранить —
Золото звонкой пшеницы!

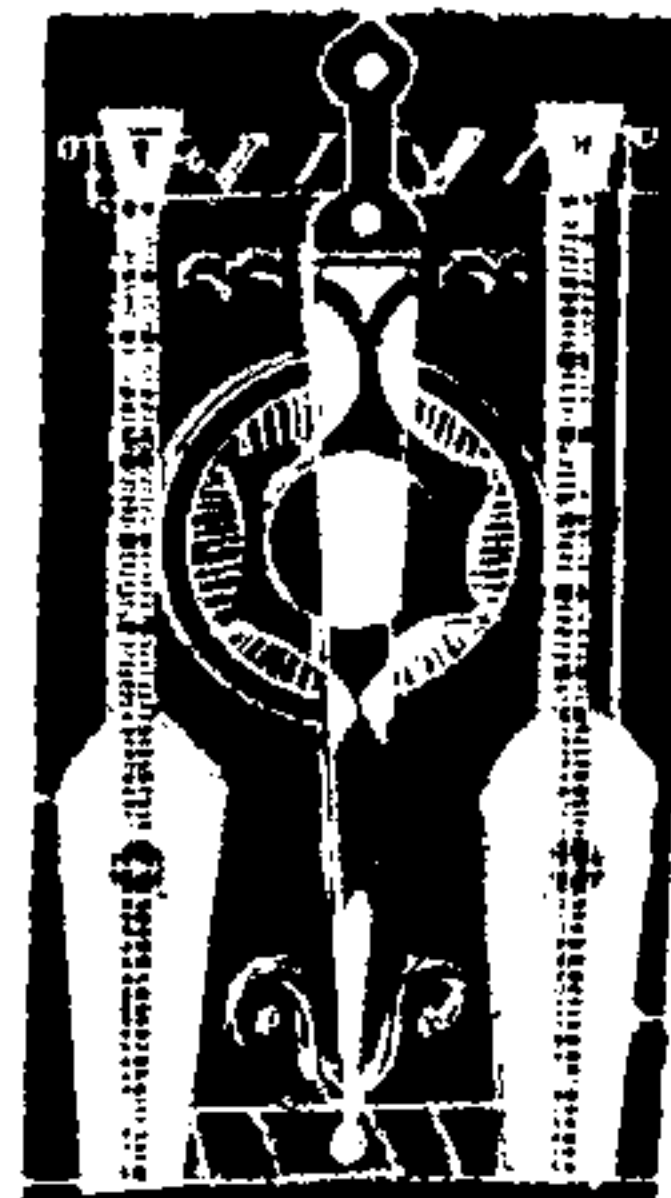
Здесь будут дети твои и жена,
Сестры твои и братья,
И наша каменная тишина
Будет оберегать их!

Пускай бегут и бегут года,
О воув они разобьются,
Ты помни одно: уходит вода,
Камни — остаются!

Пройдет и этот и будущий век,
Век за веком промчится мимо, —
Мы будем верны тебе, человек,
Верный родине милой!

А здесь помост... и еще помост...
А выше, где ветер поет,
Будет твой сторожевой пост —
Боевое место твое!..

А выше будут гнездиться стрижи,
Вольные, как ты, птица...
Отселе будешь ты сторожить
Родины своей границы.

Ты будешь зорким орлом смотреть
На все, что у воув в ногах,
И вместе с твоею пулей смерть
Помчится в сердце врага!

И один за другим побегут года,
И все о нас разобьются...
Ты помни одно: уходит вода,
Камни же — остаются!

Пройдет и этот будущий век,
Век за веком промчится мимо,
Мы будем верны тебе, человек,
Верный родине милой!

Работа кипела, и Янд горел в работе, не считая дней,
И в небо вонзилась своей вершиной стройной песня камней,
Первый ярус закончен, сюда никогда не заглянет день,
Здесь пленники, кандалами звеня, будут гадать о судьбе!
Ярус второй — уже свод сведен и очажная цепь висит,
Здесь будет дни свои коротать семья в случае войны!
Янд сам вытесал косяки из черных гранитных глыб,
Сам из дубовых брусьев сбил дверь толщиной в пядь,
Сам приладил засов и сам проверил его работу,
Выше поднялся Янд и вновь принялся за работу!
Четвертый ярус — здесь сторожа, сменяясь, у бойниц встанут,
И все четыре стороны света будут как на ладони.
Так камни ложились за рядом ряд, ярус за ярусом росла воув.
И вот на триста шестидесятый день закончил Янд пятый ярус!
Отселе открылась окрестность вокруг на целый день пути,
И знали враги, что им в Джерах отныне незамеченными не пройти,
Что в зоркой воув их стережет защитник границ родных,
Что во все стороны света смотрит смерть из скрытых в стенах бойниц.
Четыре балкона с четырех стен выступали вперед,
И с каждого пуля-молния без промаха в сердце бьет!
И снова Янд поднимается выше, и выше уже нельзя, —
Здесь будет крыша, легкая, словно свет, стройным конусом сведена,
Ложатся уступами ряды камней, постоянно сужаясь кверху,
И тонкие плиты сланца их перекрывают сверху.
И вот опять ряд камней и плит, и снова камни и плиты,
А Янд все ближе, ближе к солнцу, ближе с каждой минутой!
В четыре дня двадцать рядов камней и двенадцать сланцевых плит
Под неутомимой его рукой, красиво перемежаясь, легли...
И вот триста шестьдесят пятый день, проснувшись, открыл глаза,
И сразу же хлынула дню в глаза просторная синева, —
Вместе с рассветом проснулся Янд, легко заскрипел ворот, —
Янд поднялся на башню, и у его ног расположились горы.

**В последний раз напрягался канат, бесконечный, как человекья память,
И последний раз ворот скрипел и пел, поднимая последний камень.
Закончена песня труда и камней — выше уже нельзя:
Над самою головою легкие облака плывут, скользя,
Садится солнце, и, пересекая Джерах, воув бросает тень.
Так стал последним, замковым камнем триста шестьдесят пятый день².**

ПРИМЕЧАНИЯ

Песни советских лет.

Песня о Ленине:

Записана А. Нажаевым в 1925 г. в селении Старые Атаги от сказителя А. Гехаева. Опубликовано на русском языке в сборнике «Поэзия Чечено-Ингушетии», М., ГИХЛ, 1959.

Песня о Ленине.

Записана А. Нажаевым в 1925 г. в селении Старые Атаги от сказителя А. Гехаева. Опубликовано на русском языке в сборнике «Чечено-Ингушский фольклор», М., 1940.

Партизанская песня.

Песни дореволюционного времени.

Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бейбулате, сыне Таймы.

Записана А. Нажаевым и С. Ибриевым в селении Старые Атаги в 1926 г. Опубликовано в сборнике «Нохчийн иллеш» — «Чеченские песни». (Грозный, 1959).

1. Ущелье Гулоза — ущелье реки Калаус в Малой Кабарде.

2. Алмас — мифическая лесная женщина.

3. «Следом джигиты, как стая волков...» — Сравнение человека с волком у чеченцев и ингушей не обидно, а даже лестно.

Илли о Темарко, сыне Ахи.

Чечено-Ингушский институт истории, социологии, философии (ЧИИИСФ) Р. Ф., дело № 812. Публикуется впервые. Записана в 1959 году С. Эльмурзаевым от известного поэта-певца Б. Сулейманова из с. Толстой-Юрт.

1. Ездари — персидский шелк.

2. Коновязь — по-чеченски геза. Так в насмешку именовали тех, кто во время боя держал коней сражающихся.

3. Габли — женская праздничная одежда.

4. «Полы длинны для реки...» — иносказательный оборот, Темарко прямо не хочет сказать, что он переплыл Терек на коне, и говорит о намокших полах черкески.

5. «Бегущей невестой» в Чечне и Ингушетии именуют девушку, которая без согласия родителей сбежала с женихом.

Илли об Автархе, сыне Дибы.

ЧИИИСФ, РФ, дело № 813. Публикуется впервые. Записана в 1964 г. А. Темуркаевым от Д. Гиреева из с. Советского ЧИАССР.

1. «Салмирза, сын Испана...» — у чеченцев и ингушей бытует обычай давать мальчикам имена народов или государств: Япон, Герман, Турко, Арби, Афган, Чергси (черкес), Гюржи (грузин) и т. д. Здесь Салмирза, сын Испана (испанца).

2. «Надмогильник дубовый, печально глядящий вниз на могилу...» — В старину прежде чем изготовить каменный памятник ставили толстые дубовые столбы. Верхняя часть такого памятника вытесывалась в форме человеческой головы.

3. «Пускай я умру у тебя...» — Эти слова — выражение самой нежной ласки.

4. «Молодец русский... был смелым и гордым и вырос царю и властям неугодным...» — Известно, что на Кавказ направлялись многие русские офицеры, подозреваемые в сочувствии декабристам. Здесь, по-видимому, смутный отголосок истории.

5. Сухое седло — деревянная часть кавказского седла, наложенная без потника и чепрака, ранит спину коня. Здесь — метафора, «наложил ярмо».

6. «Позором покроемся мы поделом...» — будет позорно, если гость поест, а затем будет драться с хозяином.

7. «А Зумка над ней белый стяг подняла», — в знак того, что она хочет в споре гостя с отцом мирного исхода.

8. Чухта — женский головной убор.

9. Огненная почта — паровоз.

10. Ниха — просьяная водка, буза.

11. «Грудинку и голову — русскому гостю...» — как самому почетному гостю.

Илли об Умаре, сыне Тахи.

Записана научным сотрудником ЧИИИСФ С. Эльмурзаевым в 1940 г. со слов Б. Сулейманова из с. Толстой-Юрт. Опубликовано в «Хрестоматии по чеченской литературе для VI класса», Грозный, 1942.

1. Малх-Азни — По чечено-ингушской мифологии дочь солнца или луч солнца.

2. «Должен на мост Солдатский явиться...» — так чеченцы называют мост через реку Терек у станицы Николаевской.

3. Сала-Тау — Салатавия — Кумыкское нагорье в Дагестане.

4. «Мать, извини! Малх-Азни, красавицу, силой князя Сала-Тау захватили!...» — по обычаю не принято говорить с родителями о невесте.

5. «Чистой воды не подам тебе дважды, если б ты даже умер от жажды...» — Девушка дает знать, что она и есть Малх-Азни.

6. «Но Малх-Азни с языком «неразвязанным»...» — Здесь говорится об обычае «хранить молчание», существующем у большинства северокавказских народов. Приведенная в дом невеста в первое время ни с кем из взрослых родственников мужа и близкими друзьями не разговаривает.

Илли о сыне старой вдовы.

Записано Х. Осмиевым от рабочего Грозненского химзавода А. И. Тумгоева, 1890 года рождения.

Публиковалась: «Галггай фольклор» — «Ингушский фольклор» (Грозный, 1940); «Галггай фольклор» — «Ингушский фольклор» (Грозный, 1959).

1. «И на празднике подмигнул он той, кого он сладко любил...» — На вечеринках девушки и юноши объяснялись с помощью мимики и жестов.

2. «Стадо синих быков...» — Порода скота, упоминаемая в сказаниях, песнях.

3. «Если женщину кто убьет — будет вечно несчастен тот!..» — Убийство женщины считалось самым тягчайшим преступлением.

Илли об Уме, сыне Товты.

ЧИИИСФ, РФ, дело № 824. Публикуется впервые. Записана в 1964 г. А. Темуркаевым от сказителя М. Хорсаева из с. Итум-Кале.

По тому, как все события, охватывающие Чечню, Дагестан и Грузию, песня изображает без упоминания о русских, можно думать, что она возникла не позже XVII в.

1. Турмал — подозрная труба.

Илли о князе Мусосте и О Сурхо, Сыне Ады, живших у берегов Терека.

Записана в ауле Старые Атаги в 1925 г. писателем А. Нажаевым. Опубликована в сборнике «Чечено-Ингушский фольклор», М., 1940.

Илли о гехинце Гани.

Записана З. Джамалхановым со слов Джамалханова из с. Надтеречное. Опубликована в сборнике «Нохчийн иллеш» — «Чеченские песни». (Грозный, 1959).

1. Гехи — большое старинное село в Малой Чечне. Упомянуто поэтом М. Ю. Лермонтовым в знаменитом стихотворении «Валерик».

2. Перепелка и перепел в чечено-ингушских песнях излюбленный эпитет, даваемый влюбленным.

3. Изображение ревушей обезьяны оттиснуто на лезвии у рукоятки сабли.

Илли о Хушпаре, сыне Бахадура.

ЧИИИСФ, РФ, дело № 526. Публикуется впервые. Записана в 1962 г. С. Эльмурзаевым от 98-летнего старика Н. Орцуева в с. Шали.

Сюжет данной песни несомненно завезен в Чечню из Дагестана. В том или ином виде сказание о Хушпаре существует в устном творчестве аварцев, лакцев, даргинцев и т. д. В дагестанских сказаниях героя именуют Хучбар.

1. «Уздням коня он передал...» — Уздени свободное сословие в Кабарде и Кумыкии. В случае войны уздени составляли княжескую дружину.

2. «Говорят еще — ты коновязь для чужих коней, ворованных...» — Иными словами: у тебя гостят люди, совершающие набеги и угоняющие коней и скот.

Илли о князе Кахарме кабардинском.

ЧИИИСФ, РФ, дело № 833. Публикуется впервые. Записана в 1961 г. учителем Н. Бушуевым от своего отца А. Бушуева из с. Ножай-Юрт Ножай-Юртовского района ЧИАССР.

Илли, по-видимому, в своем первоначальном варианте сложена не позднее второй половины XVIII века. Фигурирующий в песне кабардинский князь Кахарма живет в чеченском равнинном ауле, а не в Кабарде.

1. «Выкроенные из зубровой кожи...» — в чеченских лесах лет двести назад водились зубры. Кроме преданий, об этом свидетельствует и слово «була» — зубр, сохранившееся в чеченском языке. Ремни из зубровой кожи считались самыми прочными.

2. Тептар — тетрадь, журнал.

Гайтак, сын Гелы.

Публикуется впервые. Записана И. Дахкильговым от жителя Байни Ж. Шовхалова, 1888 года рождения.

Илли о Шихмирзе, сыне Зайты

Впервые опубликована в «Хрестоматии по чеченской литературе для VII класса», Грозный, 1943. На русском языке опубликована в сборнике «Чечено-Ингушский фольклор». М., 1940. Полный текст опубликован в сборнике «Нохчийн иллеш» — «Чеченские песни». (Грозный, 1959).

Илли об Актоле, сыне Джумы.

Песня записана А. Нажаевым в с. Мехкеты в 1935 г. и опубликована в сборнике «Чечено-Ингушский фольклор», М., 1940. Другой вариант опубликован в 1934 г. в «Известиях Горского педагогического института» в г. Орджоникидзе.

Илли о кабардинце Курсолте

ЧИИИСФ, РФ, дело № 343. Публикуется впервые. Записана Х. Цугаевым со слов Х. Кунтаева в с. Гехичу, Ачхой-Мартановского района ЧИАССР.

Трудно датировать время возникновения песни. Но по косвенным данным, можно полагать, что она возникла в XVIII веке.

1. «Быть у тебя на пиру не могу я...» — По чечено-ингушским обычаям родственники со стороны невесты на свадебном торжестве не присутствуют, так же как и сам жених.

2 «Обнял джигит сноху молодую...» — К жене брата, друга или побратима относятся как к родственнице.

Илли об Ахмаде Автуринском

Записана в 1958 г. З. Джамалхановым со слов Муртаева Шамиля из с. Надтеречное. Опубликовано в сборнике «Нохчийн иллеш» — «Чеченские песни». Грозный, 1959. На русском языке опубликована в «Поэзии Чечено-Ингушетии», М., ГИХЛ, 1959.

Илли об Альбике и Жамирзе

Записана А. Мальсаговым от жителя села Олгеты Б. Олдаганова, 1940 года рождения.

Опубликована: «Палглай фольклор» — «Ингушский фольклор» (Грозный, 1967).

Илли о Красивом Мусе

ЧИИИСФ, РФ, дело № 827. Публикуется впервые. За-

писана в 1959 г. С. Эльмурзаевым от Б. Сулейманова из с. Толстой-Юрт.

Илли о том, как построили башню

В песне имеется целый ряд этнографических данных, связанных с замечательной старинной архитектурой вайнахов.

1. «Янд — славный строитель вуов» (башен). — Известный по преданиям «мастер по камню» (тлогвзанча). Он построил ряд башен в крепости Эрзи.

2. Календарный отсчет по неделям, месяцам, годам был развит у вайнахов. Год равнялся 365 дням. По неукоснительному обычаю строительство башни должно было завершиться в течение года.

Комментарии Х. Ошаева, Я. Вагапова, И. Дахкильгова.

СОДЕРЖАНИЕ

Раиса Ахматова. Родники поэзии	5
И. Дахкильгов, Х. Туркаев. Эпос о судьбе народной	7

Песни советских лет

Песня о Ленине. Перевод с чеченского Н. Асанова	15
Песня о Ленине. Перевод с чеченского С. Поделкова	17
Песня об Орджоникидзе. Перевод с чеченского В. Богданова	19
Песня о Серго. Перевод с ингушского В. Богданова	22
Слово об Асланбеке. Перевод с чеченского В. Богданова	24
Партизанская песня. Перевод с ингушского С. Поделкова	26

Песни дореволюционного времени

Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бибулате, Сыне Таймы. Перевод с чеченского Н. Горской	31
Илли о Темарко, сыне Ахи. Перевод с чеченского Д. Голубкова	40
Илли об Автархе, сыне Дибы. Перевод с чеченского Р. Морана	46
Илли об Умаре, сыне Тахи. Перевод с чеченского Ю. Нейман	76
Илли о сыне старой вдовы	85
Илли об Уме, сыне Товты. Перевод с чеченского Р. Морана	101
Илли о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших у берегов Терека. Перевод с чеченского А. Миниха	121
Илли о гехинце Гани. Перевод с чеченского Н. Горской	131
Илли о Хушпаре, сыне Бахадура	137
Илли о князе Кахарме кабардинском. Перевод с чеченского Р. Морана	142
Гайтак, сын Гелы. Перевод с ингушского Ю. Нейман	155
Илли о Шихмирзе, сыне Зайты. Перевод с чеченского А. Кочеткова	167
Илли об Актоле, сыне Джуны. Перевод с чеченского С. Олендера	175
Илли о кабардинце Курсолте. Перевод с чеченского Д. Голубкова	181
Илли об Ахмаде Автуринском. Перевод с чеченского В. Гончарова	206
Илли об Альбике и Жамарзе. Перевод с ингушского Н. Гребнева	212
Илли о красивом Мусе. Перевод с чеченского Р. Казаковой	220
Илли о том, как построили башню. Перевод с ингушского И. Пулькина	226
Примечания	235

ИЛЛИ

Героико-эпические песни чеченцев и ингушей

Редакторы А. ОСМАЕВ, Г. И. ЯБЛОКОВА

Макет и художественно-техническое редактирование А. Н. ПОЗДНЯКОВА

Корректоры Л. Ф. ГРИГОРЬЕВА, Г. И. МАЛЬВИНОВА,

В. П. БАБКОВА

СФ № 06154

Сдано в набор 29/V 1978 г. Подписано к печати 29/V 1979 г.

Формат 84X108/16. Бумага офсетная № 1.

Объем 15 (25,2) печ. л. Уч.-изд. л. 15,35.

Тираж 25000.

Чечено-Ингушское книжное издательство

управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Совета Министров ЧИАССР,

Грозный, 21, улица Ленина, 14.

Заказ № 497

**Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Гос-
комиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.**

Цена 2 р. 80 к.